

ОКОНЧАНИЕ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА
ВЪ ПРИБАЛТИЙСКОМЪ КРАѢ
ВЪ XIII СТОЛѢТІИ.

СОЧИНЕНІЕ,
УДОСТОЕННОЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ ПРЕМІИ ГРАФА
УВАРОВА,

Фридриха фонъ Кейслеръ.

Motto: Carissima veritas.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 19 мая 1899 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и Н. Л. Рикера въ С.-Петербургѣ.
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.
Н. Я. Оглобина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Ключина въ Москвѣ.
Е. П. Распопова въ Одессѣ.
Н. Ниммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE des Sciences:

ММ. J. Glasounol, Eggers & Cie. et C. Ricker à St.-Pétersbourg.
М. N. Karbasmkof à S.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna.
М. N. Oglobime à S.-Pétersbourg et Kief.
М. M. Kluckime à Moscou.
М. E. Raspopoff à Odessa.
М. N. Kummel à Riga.
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цѣна: 1 руб. 60 коп. — Prix: 4 Mk.

ОКОНЧАНИЕ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА
ВЪ ПРИБАЛТИЙСКОМЪ КРАѢ
ВЪ XIII СТОЛѢТІИ.

СОЧИНЕНІЕ,
УДОСТОЕННОЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ ПРЕМИИ ГРАФА
УВАРОВА,

Фридриха фонъ Кейслеръ.

Motto: Carissima veritas.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 19 мая 1899 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:

И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Рик-
нера въ С.-Петербургѣ.
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Варшавѣ и Вильнѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Ключина въ Москвѣ.
Е. П. Распопова въ Одессѣ.
Н. Яммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie IMPÉRIALE
des Sciences:

MM. J. Glasounof, Eggers & Gle. et G. Ricker à
St.-Pétersbourg.
M. N. Karbasmikof à S.-Pétersbourg, Moscou,
Varsovie et Vilna.
M. N. Oglobline à S.-Pétersbourg et Kief.
M. M. Kluckine à Moscou.
M. E. Raspopoff à Odessa.
M. N. Kymmel à Riga.
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цена: 1 руб. 60 коп. — Prix: 4 Mk.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1900 г.   Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

MANIBUS

ERNESTI KUNIKI

SACRUM.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	VII
Введеніе. Источники. Размѣры и способы «владычества».	1
I. Отношенія двинскихъ ливовъ и латышей къ князьямъ Полоцка, Куконоса и Герцике въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія.	4
II. О дани, платимой Пскову землею Толова	39
III. Русско-эстонскія отношенія въ XIII столѣтіи до завоеванія Дерпта нѣм- цами	56
Приложеніе I. — Нѣкоторые спорные вопросы географіи старинной Лифляндіи .	75
Приложеніе II. — Отвѣтъ на критику г. А. Сапунова въ «Отчетъ о тридцать- восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова», стр. 79—132. С.-Пе- тербургъ, 1898 года	85
Дополненіе	132
Карта.	

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе 25-го сентября 1896 года было удостоено Императорской Академіей наукъ преміи графа Уварова. Оно составилось въ значительной мѣрѣ изъ работъ, которыя были мною напечатаны нѣсколько времени тому назадъ въ издашіяхъ: „Mittheilungen aus der livländischen Geschichte“¹⁾ и „Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands“²⁾. Въ изданіи „Mittheilungen“ помѣщены: „Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Plescauer“ (Bd. XIV, Heft, 1, 1886); „Das livische und lettische Dünagebiet und die Fürsten von Polozk, Gerzike und Kokenhusen am Ausgang des XII. und zu Beginn des XIII. Jahrhunderts“ (Bd. XV, H. 1, 1891); „Zur Geschichte des Fürstenthums Gerzike“ (Bd. XV, H. 2, 1892); „Zur Geographie Alt-Livlands“ (Bd. XVI, H. 1, 1893); въ изданіи „Sitzungsberichte“ за 1891 г.: „Zur Frage der Beziehungen der russischen Fürsten zu den Eingeborenen der gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XII. und XIII. Jahrhundert“; за 1895 г.: „Widerlegung der Hypothese Dr. A. Bielensteins über die Lage der Lettenburg Autine“. — Всѣ эти работы, для того чтобы войти въ настоящее сочиненіе, подверглись переработкѣ не только со стороны изложешя, но частію

---

1) Riga, N. Kummels Buchhandlung. Вышеприведенное заглавіе носятъ отдѣльные выпуски; томы же озаглавлены: «Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands».

2) Riga, W. F. Häcker.

и по существу, причѣмъ кое что должно было быть отброшено, какъ не относящееся прямо къ обозначенной заглавіемъ этого сочиненія темѣ. Прибавлено — исключая самое указаніе на отказъ русскихъ отъ эстонскаго края въ 1224 г. — обзорѣніе русско-эстонскихъ отношеній въ XIII столѣтіи до завоеванія Дерпта нѣмцами. Долженъ замѣтить, что въ этомъ именно отдѣлѣ я сошелся съ выводами покойнаго Е. Vonnell'я и проф. Dr. R. Hausmann'a.

Что касается приводимой мною литературы — преимущественно хронологическаго или географическаго содержанія — то она принадлежитъ главнымъ образомъ перу балтійскихъ изслѣдователей. Посвященнымъ тому же предмету русскимъ монографіямъ: А. Сапунова, „Рѣка Западная Двина, историко-географическій обзоръ“ (Витебскъ 1893) и Г. Трусмана, „Введеніе христіанства въ Лифляндіи“ (С.-Петербургъ 1884) — я ничѣмъ не обязанъ.

Приложенная карта имѣетъ цѣлью сколько нибудь помочь менѣ посвященному читателю ориентироваться среди приводимыхъ въ текстѣ географическихъ названій.

Появленіе моего сочиненія въ печати замедлилось вслѣдствіе того, что я ожидалъ, пока будетъ напечатана рецензія на нее г. А. Сапунова, предпринятая имъ по порученію Академіи. Мой подробный отвѣтъ на нее помѣщенъ въ Приложеніи Н-омъ.

С.-Петербургъ, 1895 и 1898 года.

Авторъ.

ВВЕДЕНИЕ.

Источники. Размѣры и способы „владычества“.

Извѣстно, что значительная часть теперешняго прибалтійскаго края, прежде чѣмъ подпасть подъ нѣмецкое господство, находилась въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ русскихъ князей. Когда и при какихъ обстоятельствахъ утвердилось здѣсь русское владычество, какимъ переменамъ было оно подвержено до прихода нѣмецкихъ миссіонеровъ — вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ представляется чрезвычайно труднымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, въ виду крайней недостаточности источниковъ¹⁾, состоящихъ почти исключительно изъ отдѣльныхъ случайныхъ извѣстій въ совершенно разнородныхъ русскихъ лѣтописяхъ и изъ немногихъ скудныхъ замѣчаній въ скандинавскихъ сагахъ.

Съ переходомъ въ XIII-ое столѣтіе изслѣдователь стоитъ на болѣе твердой почвѣ: начинаются повѣствованія ливонскихъ историческихъ источниковъ съ хроникою Генриха Летляндскаго во главѣ²⁾. Русскіе источники дополняютъ ихъ, но дополняютъ въ одной только части: въ то время какъ событія новгородскія и псковскія историкъ имѣетъ возможность устанавливать, сопоставляя показанія нѣмецкихъ хроникъ съ лѣтописями Новгорода и Пскова, отсутствіе³⁾ части полоцкой лѣтописи, къ сожалѣнію, лишаетъ его этой возможности во многихъ вопросахъ, касающихся спеціально двинскаго края.

1) Матеріалъ собранъ довольно полно въ обширномъ сочиненіи Боннеля: Ernst Bonnell, Russisch-Liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.

2) Henrici chronicon Lyvoniae ex recensione Willhelmi Arndt in usum scholarum ex monumentis Germaniae historics recudi fecit Georgius Henricus Pertz. Hannoverae, 1874.

3) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей Русской исторіи, часть I, стр. 181, прим. 18 признаетъ подложнымъ отрывокъ полоцкой лѣтописи, приводимый Татищевымъ (книга III, стр. 403—409), ссылаясь на статью Н. Лыжина: Два памфлета временъ Анны Іоанновны въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., т. VII, стр. 49—64; С.-Петербургъ 1858 г. Для оцѣнки мнѣнія Лыжина см. еще стр. 19 прим. 38 этого изслѣдованія.

Слѣдующія данныя помогутъ составить понятіе о сферѣ распространенія русскаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ къ концу XII-го и началу XIII-го столѣтія:

I. По Западной Двинѣ простирается область господства княжества полоцкаго и второстепенныхъ (удѣльныхъ) княжествъ Куконоса и Герцике, причѣмъ вверхъ до Аперадена жили ливы, а дальше вверхъ по теченію, на правомъ берегу — латыши. Противъ этихъ послѣднихъ на лѣвомъ берегу рѣки обитали зелоны (въ теперешней верхней Курляндіи), къ западу отъ нихъ семигаллы (въ средней части теперешней Курляндіи). Двѣ послѣднія народности въ обозначенный періодъ времени не находились въ зависимости отъ князей полоцкихъ.

II. Область господства Пскова, которая обнимала землю Толова, заселенную латышами (по верхнему и среднему теченію лифляндской Аа до озера Буртнѣкъ и на востокъ до русской границы).

III. Великій Новгородъ имѣетъ притязаніе на господство надъ эстонскимъ краемъ или, по крайней мѣрѣ, надъ восточной его частью⁴).

Степень зависимости означенныхъ ливонскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земель отъ русскихъ была настолько слаба, что напрашивается самъ собою вопросъ: можно ли вообще говорить о первоначальномъ русскомъ владычествѣ? По поводу такого взгляда позволю себѣ возразить слѣдующее.

Понятіе «владычества» вообще весьма относительно и видоизмѣняетъ свой смыслъ въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ. Непремѣнный его признакъ — выполнение нѣкоторыхъ постоянныхъ обязательствъ въ видѣ дани, платимой подчиненной народностью властителю, хотя бы и не сосѣдному съ нею непосредственно своими владѣніями; такая народность не можетъ считаться свободной ни номинально, ни фактически, тѣмъ болѣе что уплата дани бываетъ связана обыкновенно съ другими знаками покорности властителю, на примѣръ съ войсковою повинностью.

Генрихъ Летляндскій, пазывая въ различныхъ мѣстахъ своей хроники латышей земли Толова и двинскихъ ливовъ данниками (tributarii) русскихъ, т. е. князей полоцкихъ и псковскихъ, каждый разъ даетъ понять, что зависимость эта имѣла характеръ *постоянства*: такъ по поводу дани латышей онъ прибавляетъ слово «*semper*», а дань двинскихъ ливовъ называетъ «*debitum tributum*». Мы видимъ также, что, нѣсколько времени спустя, епископъ Мейнгардъ передъ началомъ своей миссіонерской дѣятельности среди ливовъ испрашиваетъ на то позволеніе у князя Владиміра полоцкаго; видимъ также, какъ эготъ послѣдній во время переговоровъ съ епископомъ

4) Не мѣшаетъ замѣтить, что князьямъ Новгорода и Полоцка придавался въ то время титулъ *великихъ*.

Альбертомъ передъ укрѣпленіемъ Герцике въ 1212 году заявляетъ, что *въ его власти крестить своихъ холоповъ-ливовъ* или оставить некрещеными (*in sua esse potestate servos suos Livones vel baptizare vel non baptizatos relinquere*). Взиманіе дани съ латышей земли Толова, являясь такимъ образомъ верховнымъ правомъ, признается со стороны нѣмцевъ, и притомъ въ силу договора — и тогда, когда эти послѣдніе уже утвердились въ Ливоніи; такимъ образомъ втеченіе нѣкоторого времени какъ Толова, такъ и земли ливовъ по Двинѣ находятся въ общемъ владѣніи нѣмцевъ и русскихъ. — Изъ только что изложеннаго вытекаетъ, что князьямъ псковскимъ и полоцкимъ принадлежало надъ той и другой областью только *владычество въ болѣе широкомъ смыслѣ*.

7 Каковы были въ эпоху ливонскаго хрониста отношенія эстовъ къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ, и какъ далеко шли притязанія этихъ послѣднихъ на эстонскій край, — будетъ показано ниже.

Иныя отношенія существовали тамъ, гдѣ русскіе князья *имѣли свое жительство*. На кратковременномъ властвованіи князя Вячко, или Вячеслава, въ Дерптѣ, древнемъ Юрьевѣ, и его окрестности въ 1223 и 1224 гг. останавливаться не стоитъ, такъ какъ о немъ не имѣется подробныхъ свѣдѣній; притомъ это былъ моментъ, когда общая борьба противъ нѣмцевъ связала на время тѣснѣе русскихъ и эстовъ. Относительно же князей Куконоса и Герцике можно сказать утвердительно, что уже благодаря самому мѣстонахожденію ихъ, права ихъ надъ подвластными народностями шли дальше, чѣмъ права болѣе, чѣмъ они, удаленныхъ князей Полоцка и Пскова. Надо различать также области, гдѣ правили сами князья или, можетъ быть, 8 ихъ чиновники, отъ такихъ земель, гдѣ были латышскіе старшины (*seniores*). Одинъ изъ такихъ старшинъ даже названъ: Варидотъ изъ укрѣпленія Аутине, которое по договору 1209 г. вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями было уступлено княземъ Герцике Всеволодомъ епископу Альберту.

I.

Отношенія двинскихъ ливовъ и латышей къ князьямъ Полоцка, Куконоса и Герцике въ концѣ XII-аго и началѣ XIII-аго столѣтія.

Изо всего ливонскаго племени только ливы, жившіе по Двинѣ, платили дань князьямъ полоцкимъ; такъ думаетъ и Пабстъ, не приводя однако основаній своего мнѣнія⁵⁾. Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы платили дань ихъ единоплеменники, жившіе по пижнему теченію рѣки Аа (въ области Thoreyda) и сѣвернѣе въ мѣстностяхъ Идумея и Метсеполе, о чемъ будетъ рѣчь еще разъ.

Выше по теченію Двины лежали въ землѣ латышей русскія княжества 10 Куконось⁶⁾ и Герцике⁷⁾. Первое находилось на правомъ берегу Двины, второе также, но не по близости имѣнія Штокмансгофъ, какъ полагали раньше, а къ юговостоку отъ него въ теперешней такъ называемой польской Лифляндіи, вблизи имѣнія Царьградъ⁸⁾. Область княжества Герцике простиралась въ сѣверозападномъ направленіи до земли Толова; тянулась ли она,

5) Eduard Pabst, Heinrichs von Lettland Livländische Chronik. Uebersetzt und erläutert. Reval, 1867, стр. 4, прим. 2 — къ I, 3. — Русскій переводъ этой книги помѣщенъ въ Сборникѣ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. I. Рига, 1876.

6) Kukonouse, Kukenous и др., по латышски Kohkneses, по русски Куконось, современное нѣмецкое названіе Kokenhusen. См. мою работу: «Ueber früher gebräuchliche russische Benennungen baltischer Oertlichkeiten», помѣщенную въ Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands за 1887 г. (Riga, 1888, стр. 24—28 и 36—37. О томъ же см. Dr. A. Bielenstein, «Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII. Jahrhundert», St. Petersburg 1892, стр. 96 и др. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что самое слово *латышскаго* происхожденія и обозначаетъ *лѣсистую мѣстность*.

7) «Gerzeke» и др. по Пабсту, стр. 39, примѣчаніе I къ VII, 8, слово *русскаго* происхожденія и означаетъ *городище*; см. также Bielenstein, стр. 99 и др., особенно на стр. 472 и слѣд. соображенія академика Куника. По его мнѣнію «Gerzeke» (или «Gerseke») — древнѣйшая форма; болѣе новая — «Gerzike» (или «Gercike»); однако вторая употребляется чаще. Существуютъ и еще варианты. Дополнительныя свѣдѣнія даетъ акад. Куникъ въ «Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft» Bd. XIX, Stück 3 (Mitau 1894), S. 87 f.

8) J. Döring, «Ueber das vermeintliche Gercike bei Stockmannshof». Baltische Monatschrift, Bd. XXIII, (1874), стр. 422—442; дополненія на стр. 579—580. См. также: Bielenstein, Die Grenzen etc. стр. 99 и др.

какъ готовы думать, къ юговостоку дѣйствительно до теперешней Druja (приблизительно въ 8 миляхъ отъ Динабурга вверхъ по рѣкѣ), остается подъ сомнѣніемъ⁹⁾. Граница между княжествами Герцике и Куконось не поддается точному опредѣленію; одно можно заключить изъ имѣющихся извѣстій, что второе, хотя и заключало въ себѣ еще часть зелонскаго племени, было несравненно меньше перваго. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Генрихъ Летляндскій называетъ князя Герцике всегда «гех», тогда какъ князя Куконоса однажды (XI, 9) «tegulus». Въ томъ же мѣстѣ также
12 какъ и XX, 3 и XXV, 2, великій князь полоцкій, котораго онъ обыкновенно называетъ «гех», названъ «гех magnus», подобно великимъ князьямъ Новгорода (XIV, 2 и др.), Кіева (XXVI, 1) и Суздаля (XXVIII, 6)¹⁰⁾.

Не подлежитъ сомнѣнію, что князя Куконоса и Герцике *находились въ зависимости* отъ князей полоцкихъ. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ прежде всего то, что ливы, обитавшіе по Двинѣ къ западу, платили дань свою Полоцку. Естественнымъ путемъ сообщенія являлась р. Двина, и представляется совершенно непонятнымъ, какъ возможны бы были сношенія ливовъ съ Полоцкомъ, если бы Куконось и Герцике, лежавшіе по срединѣ и владѣвшіе на большомъ протяженіи рѣкою, не зависѣли сами отъ князей полоцкихъ. Менѣе убѣдительно соображенія, которыя приводитъ Пабстъ въ пользу той же зависимости (см. стр. 39, прим. 1, къ VII, 8, гдѣ указывается на XVI, 2, и стр. 53, прим. 1 къ IX, 10). — О возникновеніи обоихъ княжествъ не имѣется, повидимому, свѣдѣній; однако, по всей вѣроятности, справедливо мнѣніе Соловьева, который видитъ въ нихъ удѣльные княжества Полоцка¹¹⁾. Боннель подъ 980 г. замѣчаетъ, что ливы и летты «вѣроятно» были уже подвластны князю Рогволду полоцкому, тестю Владиміра Святого, и что «къ тому времени могли уже существовать по Двинѣ укрѣпленія Герцике, Куконось и Ашерадень¹²⁾. Во

9) Такое предположеніе высказываетъ Дѣрингъ, стр. 438 и сл.; ср. стр. 436. Въ связи съ соотвѣствующимъ мѣстомъ Генриха Л. см. Raßst, стр. 342, пр. 11; не слѣдуетъ ли принять въ расчетъ медленность плаванія противъ теченія? Ср. VII, 8. О размѣрахъ княжества Герцике будетъ рѣчь ниже.

10) Wilh. Arndt, стр. 51 хроники Генриха Летляндскаго, подразумѣваетъ подъ «гех magnus Woldemarus» князя Владиміра псковскаго, что представляется невѣроятнымъ какъ изъ связи событій, такъ и изъ того обстоятельства, что послѣдній нигдѣ не называется «гех magnus»; даже однажды (XV, 2) названъ «tegulus».

11) С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 5-ое. т. II, стр. 354.

12) Chronographie, S. 2 и Commentar, S. 16. — Въ дополненіе къ этому замѣчу, что по А. Веселовскому: «Мелкія замѣтки къ былинамъ». (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1896, августъ, стр. 235 и слѣд.) — часто упоминаемый въ эпосѣ сынъ Владиміра Св., *Илья* — долженъ былъ быть княземъ Герцике. Относящееся сюда мѣсто въ «Saga Didriks konungs af Bergn», изд. С. R. Unger (Christiania, 1853), стр. 271, гласитъ такъ: «... at moti þeim kemr iarl einn af Greka Valldemars konungs». Такъ читается по кодексу А, гдѣ есть искаженіе текста; въ кодексѣ В вмѣсто «Greka» стоитъ «Gerseka borg frændi». А. Razsmann, «Die

избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что въ эпоху Генриха 14 Летляндскаго укрѣпленіе Ашераденъ было исключительно пограничнымъ мѣстомъ¹³⁾ страны ливовъ, и что вообще нѣтъ извѣстій о какихъ либо русскихъ укрѣпленіяхъ въ землѣ ливовъ, обложенныхъ русскою данью.

Сюда то, какъ извѣстно, наѣзжали часто съ моря нѣмецкіе купцы съ торговыми цѣлями. Вмѣстѣ съ ними прибылъ престарѣлый августинскій монахъ Мейнгардъ единственно для дѣла Христова и ради проповѣди (*simpliciter pro Christo et predicandi tantum causa* — Генр. Летл. I, 2). Разсказъ объ его миссіонерской дѣятельности хронистъ начинаетъ такъ: Послѣ того какъ вышеназванный священникъ получилъ позволеніе отъ короля Владиміра¹⁴⁾ Полоцкаго, которому ливы, въ то время язычники, платили дань, и принялъ также отъ него подарки, принялся онъ мужественно за¹⁵⁾ дѣло Божье, проповѣдовалъ ливамъ и построилъ церковь въ деревнѣ Искуль¹⁵⁾. Построеніе этой первой церкви произошло въ 1184 г.; соглашеніе же съ княземъ Владиміромъ и начало проповѣди могутъ относиться и къ болѣе раннему времени, на что обращаетъ вниманіе Пабстъ, стр. 4, прим.

Относительно характера первоначальнаго русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ Генрихъ Летляндскій, согласно съ современными ему русскими источниками, сообщаетъ слѣдующее: Есть обычай у королей русскихъ, когда покоряютъ они какой народъ, не подчиняютъ его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежемъ дани и денегъ¹⁶⁾. Бестужевъ-Рюминъ видитъ причину такого отношенія къ вѣрѣ покоренныхъ въ «исконной вѣротерпимости» русскихъ православныхъ князей (стр. 300). Насколько удовлетворительно такое объясненіе, здѣсь не мѣсто разсматривать. Заслуживаетъ, конечно, признація та терпимость, съ которою князь Владиміръ разрѣшилъ проповѣдывать чужеземному римскокатолическому мопаху среди своихъ данниковъ-ливовъ и даже одарилъ его. Чужой священникъ, начавшій созидать «царство Божіе» на Двинѣ «исключо-

deutsche Heldensage» (2. Band, Hannover, 1858, S. 315) переводитъ такъ: «Da trug es sich zu, dass ihnen entgegenkam ein Jarl Kbnig Waldemars von Greka»; по кодексу же В (K. W.) онъ прибавляетъ: «von Gerseka Burg, ein Blutsfreund».

13) Dr. A. Bielenstein, Fragmente aus der Ethnographie und Geographie Alt-Livlands (Mitau 1884), стр. 17.

14) См. Бестужевъ-Рюминъ, ч. I, стр. 181, 300 и т. д.

15) *Accepta itaque licencia prefatus sacerdos a rege Voldemaro de Ploceke, cni Lyvones ad huc pagani tributa solvebant, simul et ab eo et muneribus receptis, audacter divinum opus aggreditur, Lyvonibus predicando et ecclesiam in villa Ykescola construendo* — I, 3.

16) *Est enim consuetudo regum Ruthenorum, ut quamcunque gentem expugnaverint, non fidei christianae subicere sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare* — XVI, 2. По поводу того же см. XX, 2... *mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jasu Cristi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subjugare conatur.* См. также главы II и III настоящаго изслѣдованія.

чительно для дѣла Христова и ради проповѣди», не казался опаснымъ его интересамъ. Но вскорѣ отношенія должны были измѣниться.

Оказалось, что новообращенные не могутъ быть удержаны въ новой
17 религіи безъ внѣшняго принужденія. Огорченный отпаденіемъ многихъ ливовъ въ язычество, Мейнгардъ сходитъ въ могилу; преемникъ его, епископъ Бертольдъ во главѣ крестоноснаго ополченія идетъ противъ отпавшихъ и, одержавъ побѣду, гибнетъ во время преслѣдованія. Всѣ эти событія приводятъ третьяго ливонскаго епископа, Альберта, къ мысли создать прежде всего *христіанскій церковногосударственный строй*, который защищалъ бы миссію и препятствовалъ бы отпаденію обращенныхъ. Войдя въ сношенія съ властнымъ Иннокентіемъ III, германскимъ королемъ Филиппомъ, Канутомъ, королемъ датскимъ и другими свѣтскими и духовными владѣтелями Германіи и Скандинавіи, и получивъ отъ нихъ или пожертвованія, или другого рода поддержку, онъ высадился въ 1200 г. съ сильнымъ крестоноснымъ ополченіемъ въ далекой языческой странѣ. Испуганные ливы покорились, были снова крещены, и тридцать мальчиковъ, сыновей
18 вей знатнѣйшихъ семействъ (на этотъ разъ и изъ земли Thoreyda), были даны въ заложники. Тѣмъ же лѣтомъ было намѣчено мѣсто для города — Риги; въ 1201 г. началась постройка, а въ 1202 прибыли первые жители изъ Германіи. На второй же годъ по своему прибытіи епископъ Альбертъ надѣлилъ своихъ нѣмецкихъ вассаловъ на ленныхъ основаніяхъ ливонскими укрѣпленіями (Иксуль и Ленневарденъ на Двинѣ). Послѣдовало учрежденіе особаго, Ливонскаго ордена и другихъ установленій съ цѣлью укрѣпленія и дальнѣйшаго распространенія христіанско-европейской культуры на восточномъ берегу Балтійскаго моря и въ только что возникшей германской колоніи¹⁷⁾.

19 Князь Владиміръ полоцкій, конечно, не могъ смотрѣть равнодушно на безостановочную, поразительно успѣшную дѣятельность предприимчиваго пришельца, могущество котораго притомъ ежегодно подкрѣплялось вновь прибывающими отрядами крестоносцевъ. Епископъ выхлопоталъ сверхъ того у папы Иннокентія III запрещеніе, подъ угрозой проклятія, посѣщать съ торговыми цѣлями такъ наз. Семигальскую гавань, т. е. устье курляндской Аа; очевидно, что эта мѣра была выгодна для только что основаннаго города и была встрѣчена купцами, торговавшими въ Ригѣ, съ большой радостью. Ими было принято рѣшеніе, усиливавшее еще строгость запрещенія угрозой лишенія жизни и имущества. Когда же несмотря на то, въ

17) Для хронологіи этихъ событій см. мои изслѣдованія: «Die Gründung des Cistercienserklusters zu Dünamünde in Livland» (Einladungsprogramm des livl. Landesgymnasiums zu Fellin, 1884; также отдѣльный оттискъ — Fellin, 1884) и «Die Genealogie des Cistercienserklusters zu Dünamünde» (Mittheilungen, Bd. XIV, Heft 1, стр. 111—128).

1203 г., одинъ корабль, спускаясь по Двинѣ, присталъ вопреки угрозамъ купцовъ къ Семигальской гавани, они захватили его и принудили возвратиться, а лоцмана и шкипера корабля (*ductor navis*) дѣйствительно предали 20 жестокой казни (IV, 7). По примѣру Боннеля (*Chronographie*, стр. 20, *Сопш.*, стр. 45), Пабстъ предполагаетъ, что это были русскіе, которые не считали для себя обязательнымъ распоряженіе чужеземцевъ (стр. 26, прим. 1), и которыхъ еще менѣе должно было устрашать проклятiе римскаго первосвященника. «Но почему же» — спрашиваетъ основательно Пабстъ — «объ этомъ ничего не сказано»? — Какъ бы то ни было, но лѣтомъ того же года (рассказанное происшествiе случилось, по предположенію Боннеля и Пабста весною) князь Владиміръ вторгся неожиданно (*ex improviso*) со своимъ войскомъ въ Лифляндію и напалъ на укрѣпленіе Иксуль. Плохо вооруженные ливы не осмѣлились сопротивляться и предложили денегъ (*rescipiam*); князь взялъ деньги и прекратилъ осаду; когда же вслѣдъ за тѣмъ онъ попытался овладѣть укрѣпленіемъ Гольмъ (*Hoim*)¹⁸, 21 куда епископъ успѣлъ послать отрядъ застрѣльщиковъ, послѣдніе переранили — какъ сказано дальше — множество лошадей у русскихъ и обратили ихъ въ бѣгство, такъ какъ боязнъ стрѣлъ помѣшала имъ переправиться черезъ Двину (VII, 7). И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ рассказывается слѣдующее: Князь же Герцике (имя Всеволодъ не упомянуто) вмѣстѣ съ литовцами приступилъ къ Ригѣ, захватилъ принадлежащій горожанамъ скотъ на пастбѣ, а двухъ священниковъ, названныхъ по имени, взялъ въ плѣнъ въ то время, какъ они вмѣстѣ съ пилигримами рубили лѣсъ (можетъ быть, «устраивая засѣку отъ непріятеля» — *Pabst*, стр. 39, прим. 5), и умертвилъ преслѣдовавшаго его вмѣстѣ съ горожанами Теодориха Брудегаме (VII, 8).

Спрашивается, что было поводомъ къ наступательному образу дѣйствій полоцкаго князя? Хотѣлъ ли онъ уничтожить въ самомъ началѣ могущество 22 нѣмцевъ, которое было для него во всякомъ случаѣ стѣснительно? Въ такомъ случаѣ было большою ошибкой съ его стороны, что онъ не вошелъ въ соглашеніе съ ливами, и не только не склонилъ ихъ на свою сторону, но еще обложилъ ихъ контрибуціей. Боннель предполагаетъ (1. с.), что походъ былъ предпринятъ Владиміромъ потому, что «русскій купецъ и его рудевой были убиты рижанами, и что полоцкіе князя негодовали на стѣсненіе ихъ торговли по Двинѣ и съ Готландомъ», или, можетъ быть, «купецъ заранѣе зналъ, что князь въ этомъ году идетъ на землю ливовъ». Соловьевъ замѣчаетъ на это, что русскіе князья обыкновенно выступали съ войскомъ противъ обложенныхъ данью народностей въ теперешнемъ прибал-

18) Оно находилось на одномъ изъ острововъ Двины пониже Иксуля; см. Генр. Л. II, 5.

тійскомъ краѣ (по выраженію Соловьева: противъ «чуди» = эстовъ, къ 23 которымъ онъ причисляетъ въ этомъ случаѣ и ливовъ) и вымогали дань силою, коль скоро послѣднія не платили ее добровольно; такъ же точно, по его мнѣнію, хотѣли они поступить теперь съ нѣмцами (т. II, стр. 354). Мнѣніе Соловьева сложилось, повидимому, по аналогіи съ такимъ же образомъ дѣйствій русскихъ князей относительно *другихъ* платившихъ имъ дань народностей. Въ примѣненіи же къ событію 1203 г. оно противорѣчитъ буквальному смыслу одного мѣста въ славянской хроникѣ Арнольда Любекскаго, которое осталось неизвѣстнымъ русскому историку. Тамъ говорится: Король русскій изъ Полоцка имѣлъ обыкновеніе отъ времени до времени собирать дань съ ливовъ, въ которой ему епископъ (Альбертъ) отказалъ. Оттого дѣлалъ онъ часто жестокія нападенія на поименованный городъ (Ригу). Но всецѣдный Богъ всякій разъ помогаль своимъ въ надле- 24 жщее время¹⁹⁾. Правда, Арнольдъ не можетъ считаться особенно досто- вѣрнымъ источникомъ для исторіи Лифлянді; однако слѣдуетъ постараться опредѣлить, насколько его показанія подтверждаютъ или дополняютъ все то, что только можно найти въ другихъ источникахъ объ излагаемыхъ нами событіяхъ.

25 Прежде всего, хотя двинскіе ливы стали подданными рижскаго епископа, однако право полоцкихъ князей на получаемую съ нихъ дань черезъ это вовсе не прекратилось: обязательство ливовъ не утратило своей силы, но въ то же время ясно, что оно простиралось только на нихъ, а не на епископа. Позднѣе состоялось соглашеніе, въ силу котораго епископъ дѣйствительно взялъ на себя извѣстное ручательство относительно русской дани, которую платили новообращенные; но этотъ фактъ не могъ повліять па рассказъ Арнольда, потому что это соглашеніе явилось позже составленія хроники, относящагося къ 1209 г. На самомъ дѣлѣ, должно быть, именно неуплата дани и побудила князя Владиміра къ описанному Генрихомъ походу, такъ какъ, принудивъ ливовъ подъ укрѣпленіемъ Икс-

19) Siquidem rex Rucie de Plosceke de ipsis Livonibus quandoque tributum colligere consueverat, quod ei episcopus *negabat*. Unde sepius graves insultas ipsi terre et civitati sepe dicte faciebat. Sed Deus adjutor in oportunitatibus suos semper protegebat. Arnoldi abbatis Lubecensis chronica Sclavorum, 4, 30. De conversione Livonie. Edidit J. M. Lappenberg (въ G. H. Pertz: Mon. Germ. hist. tom. XXI, стр. 212). Не совсѣмъ точное повтореніе того же выраженія встрѣчаемъ нѣсколькими строками ниже: Orta tamen fuit infer dominum episcopum et fratres supra dictos, qui Dei milites dicuntur, quedam intestina similtas et mirabilis quedam altercatio. Dicebant sane fratres, ipsorum juris esse tertiam partem totius gentilitatis, quam dominus episcopus vel verbo predicationis vel violentia expeditionis obtinere potuisset. Quod cum episcopus omnino eis *negaret*, facta est inter eos gravis discordia. — Также и болѣе обстоятельная работа д-ра Rud. Danus (Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Alterthumskunde, Bd. III, Heft 2 (1873), стр. 196—253) не даетъ ничего положительнаго относительно разсказа Арнольда о Лифлянді.

куль къ уплатѣ денегъ, онъ удовольствовался этимъ и пошелъ дальше; подтвержденіе тому, что рѣчь шла о недоимкѣ, можно видѣть въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ хроники Арнольда. Но какъ смотрѣть на его заявленіе, что епископъ *отказалъ* князю въ дани? Указанная не разъ ненадежность свѣдѣній Арнольда о событіяхъ, касающихся Лифляндіи, а также нѣкоторыя другія соображенія заставляютъ считать *болѣе вѣроятнымъ*, что *ливы не уплатили дани безъ воздѣйствія епископа*.

Рѣшающее значеніе получаютъ соображенія общаго характера.

Право миссіонерской дѣятельности западной церкви въ двинскомъ краѣ основывалось на позволеніи, данномъ княземъ Владиміромъ полоцкимъ монаху, впослѣдствіи епископу, Мейнгарду. Епископъ Альбертъ правда не довольствовался мирной дѣятельностью миссіонера и сталъ преслѣдовать болѣе обширные планы. Однако въ его интересахъ было уважать, хотя бы лишь до поры до времени, право чужеземнаго князя, а не возставать противъ него сразу насильственнымъ образомъ. Вызывать самому враждебныя столкновенія съ Владиміромъ полоцкимъ значило колебать свое собственное положеніе среди обращенныхъ, на которыхъ онъ не могъ полагаться и которые повиновались ему только противъ воли. Можно сказать съ увѣренностью, что послѣдніе охотнѣе сносили не слишкомъ для нихъ тяжелую русскую дань, нежели нѣмецкое владычество, которое прочнѣе зашло въ ихъ землѣ, шло дальше въ своихъ требованіяхъ и понуждало ихъ къ новой вѣрѣ; немудрено, что они могли соединиться съ его противникомъ, лишь бы выгнать изъ родной земли ненавистныхъ нѣмцевъ: немного спустя, такая попытка и была дѣйствительно предпринята. Итакъ благоразуміе совѣтовало осторожность и умѣренность. Епископъ Альбертъ и держался постоянно *политики умѣренности*, въ особенности съ русскими князьями 28 во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ; даровитымъ государственнымъ чело- вѣкомъ выказывалъ онъ себя тѣмъ самымъ, что въ сношеніяхъ съ русскими князьями довольствовался достижимымъ и отсрочивалъ дальнѣйшіе успѣхи до другого, болѣе благопріятнаго времени. Нетрудно показать (что и сдѣлано мною отчасти въ другомъ мѣстѣ сочиненія), съ какой *предупредительностью* онъ отнесся въ другомъ случаѣ къ русскимъ требованіямъ насчетъ дани, которымъ давность придавала характеръ *права*: въ 1210 г. по отношенію къ Полоцку, въ 1224 г. и ранѣе — къ Пскову²⁰). Странное, такимъ образомъ, утвержденіе Арнольда не находитъ себѣ, кромѣ того, никакого подкрѣпленія въ хроникѣ Генриха Летляндскаго, источникѣ, славящемся полнотой и, особенно для внѣшнихъ сношеній, своей достовѣр- 29 ностью; не находимъ его и въ очень скудныхъ русскихъ лѣтописныхъ

20) Иное отношеніе было къ Новгороду. См. главы II и III настоящаго изслѣдованія.

зо источникахъ ²¹⁾. Скорѣе даже прямое опроверженіе того, что утверждаетъ Арнольдъ, можно найти у ливляндскаго хрониста въ одномъ позднѣйшемъ отрывкѣ, о значеніи котораго, впрочемъ чисто относительно, будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Тамъ сказано: Но онъ [епископъ] не препятствовалъ тому, чтобы платилась дань королю [т. е. князю полоцкому] согласно сказанному Господомъ въ евангеліи: «Воздадите убо Кесарево Кесареви, а Божіе Богови» ²²⁾.

Во всякомъ случаѣ на основаніи вышеизложеннаго мы имѣемъ право заподозрить достовѣрность той подробности, которую сообщаетъ намъ Арнольдъ Любекскій. Что касается утвержденія Соловьева, что Владиміръ хотѣлъ на этотъ разъ взять дань также и съ нѣмцевъ, слѣдуетъ замѣтить, что, какъ бы правдоподобнымъ оно ни казалось, изъ имѣющихся источниковъ оно не подтверждается: одна *возможность* такого намѣренія у рускаго князя еще не *основаніе*. Что подобнаго рода требованіе дошло до епископа Альберта, представляется потому маловѣроятнымъ, что для Генриха Ливляндскаго не было вовсе повода умолчать объ этомъ фактѣ; даже были внутреннія побужденія, дѣлавшія сообщеніе его желательнымъ.

Останавливаясь еще разъ на походѣ полоцкаго князя въ 1203 г., слѣдуетъ думать, что князь Герцике, соединившійся въ свою очередь съ литовцами, равно какъ и князь Куконоса, послѣдовали за нимъ, очевидно, въ силу своей зависимости, какъ князья удѣльные. Пораженіе Владиміра понудило перваго къ отступленію.

Весьма вѣроятное участіе князя куконоскаго Вячко, или Вячеслава ²³⁾ въ походѣ полоцкаго князя должно было заставить его опасаться мести

21) Для оцѣнки Генриха Л. см. Dr. Herm. Hildebrand, Die Chronik Heinrichs von Livland. Ein Beitrag zu Livlands Historiographie und Geschichte. Berlin 1865 — а именно стр. 51 и 52. Правда, слѣдуетъ возразить противъ сказаннаго на стр. 53, что Генрихъ «kein politischer Kopf war», и что «es mangelte ihm Interesse und Verständniss für die Acta des Staats- und Verfassungslebens». Хотя этотъ недостатокъ, который, кстати, какъ непосредственно вслѣдъ за этимъ явствуетъ, имѣлъ и свою хорошую сторону, указывается авторомъ по поводу разсказа Генриха объ отношеніяхъ епископа къ ордену, но онъ не менѣе ясно обнаруживается и въ другихъ вопросахъ, напр. тѣхъ, которые затрогиваются въ этомъ изслѣдованіи. Нѣтъ основанія видѣть въ этомъ недостаткѣ политическаго интереса причину, по которой Генрихъ умолчалъ объ отказѣ епископомъ въ дани, какъ это передаетъ Арнольдъ, — прежде всего въ виду изложеннаго выше, *если даже признать политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣнчивою*. Противъ участія епископа въ фактѣ неуплаты ливами дани можетъ говорить, пожалуй, и то еще обстоятельство, что нападеніе Владиміра совершилось «ex improviso», если только это не слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ, что его *временно* не ждали; послѣднее подтверждается нѣкоторыми частностями разсказа.

22) Sed neque regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in ewangelio suo iterum ait: Reddite que sunt cesaris cesari, et que sunt Dei Deo — XIV, 2.

23) См. Соловьевъ, т. II, стр. 356; также стр. 54 прим. 38 этого изслѣдованія.

со стороны епископа Альберта. Лѣтомъ 1205 г. епископъ возвратился изъ 32 Германіи, послѣ длившагося болѣе чѣмъ годъ отсутствія, съ чрезвычайно сильнымъ ополченіемъ изъ крестоносцевъ²⁴). Укрѣпленіе Ашераденъ было предано пламени, а тамошніе ливы также изъявили согласіе креститься и дали заложниковъ (IX, 9). Получивъ извѣстіе, что латинскіе пилигримы пришли въ такомъ грозномъ множествѣ и находятся всего въ трехъ миляхъ разстоянія, кн. Вячко испросилъ у епископа охранную грамоту, пріѣхалъ къ нему по Двинѣ и заключилъ съ нѣмцами *прочный миръ* (*firmam pacem*), о которомъ тутъ же замѣчено, что онъ просуществовалъ очень короткое время (IX, 10).

Слѣдующей же весной 1206 г. епископъ Альбертъ послалъ посольство съ аббатомъ Дюнамюндскомъ Теодорихомъ во главѣ, чтобы отвезти боевого коня князю *Владимиру* въ подарокъ; этимъ онъ желалъ обезпечить себѣ то же дружественное расположеніе, какимъ пользовался его предшественникъ Мейнгардъ (*.....amiciciam et familiaritatem.... quam antecessori suo Meinardo exhibuerat episcopo*). Потерпѣвъ по дорогѣ неудачу — ихъ ограбили литовцы (въ чемъ врядъ ли не принималъ нѣкотораго участія дружившій съ литовцами князь Всеволодъ изъ Герцике, черезъ землю котораго они проходили), епископскіе послы прибыли однако въ Полоцкъ. Здѣсь, вѣроятно, къ своему удивленію они нашли нѣсколькихъ ливовъ, тайно посланныхъ своими старшинами, чтобы *побудить князя изгнать сообща нѣмцевъ*: епископъ, объясняли они, вмѣстѣ со своими людьми имъ невыносимъ, и нестерпимо тяжело иго новой вѣры. Просьба ихъ имѣла успѣхъ; Владиміръ разослалъ уже *всѣмъ*, кто находился въ его царствѣ — въ томъ числѣ также князьямъ Куконоса и Герцике — повелѣніе быть немедленно готовыми къ общему походу, чтобы, пользуясь быстротою теченія [вслѣдствіе 34 весенняго разлива Двины], быстро и удобно спуститься къ Ригѣ. Все это было еще неизвѣстно епископскимъ посламъ, когда они были позваны къ князю и въ присутствіи ливовъ предложили ему миръ и дружбу своего господина²⁵). На это воскликнули ливы, что нѣмцы не хотятъ и не держатъ мира, и возбуждали во Владимірѣ воинственный духъ суровыми словами. (X, 1). Чтобы тайные его умыслы не вышли на свѣтъ, князь велѣлъ нѣмцамъ удалиться и жить пока въ частномъ домѣ. Однако аббату Теодориху удалось подкупить одного изъ княжескихъ совѣтниковъ и узнать положеніе вещей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нанялъ за ничтожную плату (поль-марки серебра) одного бѣдняка изъ укрѣпленія Гольмъ, который находился случайно въ городѣ, и послалъ его съ подробнымъ письмомъ къ епископу Аль-

24) Въ объясненіе того, почему крестоносное войско 1205 г. было столь значительно, см. мою работу: «Die Gründung des Cistercienserklosters zu Dünamünde», стр. 5 и 9.

25) Раѣст, стр. 57, прим. 10, полагаетъ, что рѣчь шла специально о союзѣ противъ Литвы.

берту. Послѣдній какъ разъ собирался отплыть съ крестоносцами въ Гер-
 35 манію. При извѣстїи о серьезной опасности, вновь угрожавшей лифлянд-
 ской церкви, часть пилигримовъ возобновила свой обѣтъ, а вмѣстѣ съ ними
 и епископъ возвратился въ Ригу (X, 2). — Поступокъ Теодориха дошелъ
 до князя; на вопросъ послѣдняго онъ смѣло признался въ сдѣланномъ. Теперь,
 когда задуманное сначала внезапное нападеніе болѣе не могло удалиться, Вла-
 диміръ замыслилъ *хитрость* (*dolum*). Аббата — сказано буквально — отсы-
 лають обратно, а вмѣстѣ съ нимъ отправлены русскіе послы съ той хи-
 тростью, чтобы они, выслушавъ обѣ стороны — ливовъ и епископа, — по-
 становили, что будетъ справедливо, и объявили, какъ окончательное рѣшеніе
 (*ut audilis hinc inde partibus inter Lyvones et episcopum quod justum esset
 decernerent et hoc ratum haberent*).

Такимъ образомъ князь полоцкій выступалъ въ роли господина не
 только ливовъ, *но и нѣмцевъ*. Но такое притязаніе, конечно (такъ по край-
 36 ней мѣрѣ смотритъ Генрихъ Летляндскій), не могло быть серьезнымъ.

Прибывъ въ Куконошь, послы Владиміра пригласили епископа Аль-
 берта черезъ какого то діакона Стефана — однако не того, что былъ пер-
 вомученикомъ, замѣчаетъ иронически хронистъ, — къ себѣ для переговоровъ,
 которые должны были состояться 30-го мая на рѣкѣ Вогенэ, нынѣшнемъ
 Огерѣ²⁶); сами же рыскали по всей странѣ и призывали ливовъ и леттовъ
 къ оружію. Первые явились, послѣдніе же — должно быть, «свободные»
 летты, которые не были поданными или данниками русскихъ, даже предла-
 гаемыми подарками не были склонены къ войнѣ съ нѣмцами (X, 3). Епи-
 скопъ же на посланный ему зовъ отвѣтилъ: Есть, какъ извѣстно, у всѣхъ
 народовъ обычай, чтобы послы, отправленные своимъ господиномъ, сами
 приходили и разыскивали того, къ кому посланы, и никогда не бываетъ,
 37 чтобы государь, какъ-бы скромнень или добродушенъ онъ ни былъ, самъ
 выходилъ изъ своихъ укрѣпленій на встрѣчу посламъ. Слѣдуетъ, чтобы
 послы или люди, ими посланные, явились къ нему въ городъ, гдѣ онъ съ
 своими можетъ почетнѣе ихъ принять и лучше угостить. Пусть придутъ
 они, ничего не опасаясь, и будутъ почетно приняты (X, 4). — Отвѣтъ былъ
 хорошо обдуманъ и предложенъ епископомъ на обсужденіе его приближен-
 нымъ (*de consilio suorum*). Особенно старался онъ подчеркнуть свое поло-
 женіе, какъ государя; отсюда и заботливость о внѣшнемъ этикетѣ. Но «глав-
 ная задача» — говоритъ Пабстъ, стр. 60, прим. 2 — «заключалась въ
 томъ, чтобы не допустить русскихъ до роли верховнаго судьи и вмѣстѣ не
 подвергнуть себя опасности». При такихъ обстоятельствахъ планъ Влади-

26) Pabst, стр. 59, прим. 9; ср. также G. Vierhuf въ «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Gesch.» и пр. 1876 г. (Riga 1877). Также Bielenstein, Grenzen, стр. 45.

міра могъ удаться только отчасти, а потомъ долженъ былъ и совсѣмъ привести къ неудачѣ, потому что онъ въ послѣдствіи упустилъ изъ виду повліять своевременно на ходъ событій энергическимъ вмѣшательствомъ. 38

На нѣсколько мѣсяцевъ русскіе исчезаютъ изъ разсказа хрониста; не упоминаются они и по поводу состоявшейся 30 мая сродки ливовъ, которые возстали открыто противъ нѣмецкаго господства. Лишь послѣ того, какъ возстаніе совсѣмъ почти было усмирено, и епископъ съ большей частью пилигримовъ отплылъ въ Германію (X, 5—11), снова *Владиміръ полоцкій* дѣлаетъ нападеніе — должно быть, къ концу лѣта 1206 г. Ливы, которые все еще бунтовали, успѣли его увѣдомить, что насталь удобный моментъ; по всему видно, что онъ и ждалъ только отъѣзда епископа. Онъ созвалъ войско со *всѣхъ* мѣстъ своей земли, а также войска другихъ королей, своихъ сосѣдей и друзей — слѣдовательно также князей Куконоса и Герцике — и двинулся внизъ по Двинѣ съ великой силой. 39

Прежде всего присталь онъ у *Искуля*, понесъ здѣсь нѣкоторый уронъ отъ застрѣльщиковъ епископскаго вассала Конрада фонъ Мейендорпе (Meuendorpe); потомъ поплылъ далѣе внизъ по рѣкѣ и подступилъ къ укрѣпленію Гольмъ (Holm), которое окружилъ со *всѣхъ* сторонъ. Одна часть ливовъ убѣжала въ лѣса, другая — къ нѣмцамъ, въ укрѣпленіе. Началась правильная осада, подробности которой могутъ быть разсказаны вкратцѣ. Обнаружилось, что нѣмцы вооруженіемъ и военнымъ искусствомъ далеко превосходили русскихъ. Напрасно пытались послѣдніе поджечь укрѣпленіе, наваливая лѣсу и хворосту: непріятельскіе застрѣльщики мѣшали имъ въ этомъ. Сами они не умѣли стрѣлять изъ самострѣловъ и не умѣли какъ слѣдуетъ обращаться съ осадной машиной, которую они было устроили по образцу нѣмецкихъ: камни летали назадъ, и они поранили многихъ своихъ; поэтому, хотя также ливы изъ земли Торейда, по зову 40

Владиміра, приняли участіе въ осадѣ — летты и [другіе] живущіе кругомъ язычники не послушались требованія — взять укрѣпленія всетаки не могли. Нѣмцы же, всего двадцать человѣкъ, день и ночь стерегли укрѣпленіе снаружи отъ русскихъ, внутри отъ ливовъ, которые ежедневно сносились съ русскими, какъ бы имъ взять нѣмцевъ хитростью, которые навѣрно, при своей малочисленности, не долго бы смогли продержаться. Въ самой Ригѣ было большое безпокойство, такъ какъ городъ не былъ достаточно укрѣпленъ. Туда однакожъ Владиміръ не пошелъ, такъ какъ лазутчики-ливы его увѣдомили, что все поле и всѣ дороги кругомъ города убиты трехкопечными гвоздями, которые прокалывали ноги людямъ и лошадамъ. — Помощь пришла не совсѣмъ объяснимымъ образомъ. Торейдскіе ливы дали знать, что на морѣ показались *корабли*. Тогда Владиміръ, который послѣ 41

одиннадцатидневной осады ничего не добился, даже понесъ уронъ многимъ

убитыми, сѣлъ на суда и со всѣмъ своимъ войскомъ, убитыми и ранеными возвратился въ свою землю (X, 12). Корабли, если только это не были торговые, могли принадлежать ко крестоносному ополченію датскаго короля Вальдемара, который въ то время шелъ противъ язычниковъ острова Эзеля²⁷⁾.

Послѣ этой второй попытки, которая была предпринята съ значительными силами и не удалась прежде всего по его собственной неспособности, Владиміръ на нѣсколько лѣтъ отступаетъ на задній планъ въ ходѣ происшествій. Изъ подчиненныхъ ему князей нижняго теченія Двины — князю *куконосскому* — опять приходилось первому опасаться мести епископа.

42 Въ Троицынъ день 1207 г. Альбертъ снова прибылъ въ Ригу съ сильнымъ крестоноснымъ войскомъ (XI, 1). При извѣстїи объ этомъ князь Вячко отправился къ нему со своими людьми [дружиной?], былъ принятъ съ почетомъ и провелъ нѣсколько дней въ домѣ епископа, который выказывалъ къ нему большую ласковость (*cum magno caritatis affectu*). Подъ конецъ князь просилъ помощи противъ литовскихъ набѣговъ, предлагая епископу *половину своей земли и укрѣпленія* (*tandem auxilium episcopi contra insultus petit Lethonum, offerens sibi terre et castris sui medietatem*). Епископъ принялъ предложеніе и обѣщалъ поддержать его людьми и снаряженіемъ (XI, 2).—Починъ этого соглашенія, по свидѣтельству Генриха Летляндскаго, шелъ отъ русскаго князя. Но легко предположить, что епископъ Альбертъ оказалъ при этомъ сильное давленіе на князя, находившагося
43 въ это время въ его власти: оттого и цѣна, которою это соглашеніе покупалось, была столь высокая; въ пользу такой догадки говорить, повидимому, и то, что, не смотря на «большую ласковость», рѣчь о договорѣ заходитъ лишь «подъ конецъ». О великомъ князѣ полоцкомъ ничего не говорится. Не получивъ отъ него защиты, князю Вячко ничего другого не оставалось, какъ сговориться мирнымъ путемъ съ могущественнымъ сосѣдомъ; защита отъ литовцевъ была ему очень кстати, особенно въ виду дружественныхъ отношеній къ нимъ его сосѣда, князя Герцике. Спрашивается только, насколько было искренности со стороны русскихъ при этомъ соглашеніи.

Скоро вышла ссора (*discordia*) у князя Вячко съ епископскимъ вассаломъ, *рыцаремъ Даніиломъ въ Ленневарденѣ* (*Leppewarden*). Какъ видно изъ разсказа, причиной было то, что князь сдѣлалъ людямъ рыцаря много
44 непріятностей (*plura incommoda*) и, несмотря на многократныя убѣжденія, не хотѣлъ перестать. Вслѣдствіе этого въ мартѣ²⁸⁾ 1208 г. люди Даніила

27) См. X, 13, а также для описанныхъ событій *Wonnell, Chronogr.*, стр. 21 и *Commentar*, стр. 50—52.

28) *Пабстъ*, стр. 93; прим. на поляхъ.

напали ночью на укрѣпленіе Куконосъ и овладѣли имъ. Изъ уваженія къ имени Христову (*propter nomen christianitatis*) не позволяли они себѣ убивать русскихъ; но грозили имъ мечами, однихъ обратили въ бѣгство, другихъ схватили и заключили въ оковы, въ томъ числѣ и самаго князя Вячко. Тогда вступилъ въ укрѣпленіе рыцарь Даніиль и далъ знать о случившемся епископу, ожидая его рѣшенія. Епископъ рѣшительно не одобрилъ поступка и потребовалъ, чтобы князь былъ восстановленъ въ своемъ укрѣпленіи, съ возвращеніемъ всего имущества. Вслѣдъ затѣмъ епископъ Альбертъ призвалъ его къ себѣ въ Ригу, одарилъ лошадьми и дорогими одеждами и во время праздника Пасхи (6-го апрѣля) угощалъ его вмѣстѣ со своими самыми дружескимъ образомъ; распря съ рыцаремъ Даніиломъ была ула- 45

жена, и согласно прежнему обѣщанію епископъ отпустилъ своего гостя и союзника въ сопровожденіи двадцати храбрыхъ мужей съ вооруженіемъ и лошадьми, рыцарями и застрѣльщиками, а также далъ каменщиковъ, для того чтобы укрѣпить Куконосъ и такимъ образомъ защищать его отъ литовцевъ, снабдивъ рабочихъ всѣмъ нужнымъ для ихъ содержанія.

Но князь Вячко въ душѣ замышлялъ коварство (*dolos meditaretur in corde*). Въ Динамунде разстался онъ съ епископомъ, который готовился отплыть отсюда въ Германію, вмѣстѣ съ покидающими страну крестоносцами, для набора новыхъ; но противный вѣтеръ задержалъ отплытіе (XI, 8). Разсчитывая, что они уже уѣхали, и зная, что въ Ригѣ осталось очень мало людей, князь Вячко сговорился тайно со всѣми своими [всей своей дружиной?]. Въ день, назначенный для *внезапнаго нападенія*, когда всѣ 46 почти нѣмцы вышли, чтобы работать при постройкѣ укрѣпленія, семнадцать изъ нихъ были убиты, тогда какъ трое спаслись въ Ригу²⁹). Вслѣдъ за тѣмъ князь послалъ гонцовъ къ великому князю Владиміру. Они передали ему лучшихъ лошадей и оружіе убитыхъ и просили его немедленно идти съ войскомъ на беззащитную нѣмецкую колонію. Слишкомъ легко повѣривъ, по замѣчанію хрониста, сообщенію (*nimium credulus*), Владиміръ дѣйствительно созвалъ къ походу всѣхъ своихъ друзей и людей своей земли, однако, какъ видно изъ дальнѣйшаго, не поинелъ. Почему, — этого не объясняетъ Генрихъ³⁰).

Между тѣмъ епископъ Альбертъ находился еще въ Динамунде, когда 47 къ нему пришло извѣстіе объ избіеніи его людей. Тотчасъ онъ принялъ

29) Сообщаемыя подробности неясны; см. по поводу этого Rabst, стр. 95, прим. 4.

30) Изложеніе Соловьева (т. II, стр. 356 и слѣд.) отстываетъ отъ вышеприведеннаго въ нѣсколькихъ пунктахъ. Именно онъ полагаетъ, что князь Вячко въ 1207 г. обѣщалъ впустить въ свое укрѣпленіе нѣмецкій гарнизонъ, «должно быть», на случай нападенія литовцевъ; но можно возразить на это, что половина укрѣпленія была уже собственностью епископа. Самое избіеніе нѣмцевъ было местию за обиду, причиненную князю рыцаремъ Даніиломъ.

энергическія мѣры. Триста лучшихъ пилигримовъ (de melioribus) склонилъ онъ къ новой борьбѣ надеждою на щедрую небесную награду, кромѣ того многихъ за плату и приказалъ всѣмъ нѣмцамъ и ливамъ собраться въ Ригу. Русскіе изъ Куконоса не отважились осадить городъ: собрали свое добро, подѣлили между собою лошадей и оружіе и разбѣжались каждый своей дорогой. Летигаллы, т. е. летты³¹⁾, и зелоны, которые тамъ жили (qui ubi habitabant), убѣжали въ лѣса. Самъ князь Вячко бѣжалъ въ Россію и не возвращался больше въ свое княжество. Пятнадцать лѣтъ спустя сдѣлалъ
48 онъ попытку утвердиться въ эстонскомъ краѣ: осенью 1223 г. онъ былъ посаженъ новгородцами на княжестіе въ Дерптѣ и окрестностяхъ; но въ слѣдующемъ-же году погибъ при завоеваніи Дерпта нѣмцами³²⁾. — Только по отъѣздѣ епископа, въ срединѣ апрѣля или позже³³⁾, при чемъ упомянутые крестоносцы остались, начали разыскивать въ лѣсахъ и болотахъ спрятавшихся тамъ леттовъ и зелоновъ, которые были данниками короля (qui regis erant tributarii), и преслѣдовать русскихъ бѣглецовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были пойманы и ограблены. Кого только изъ вповныхъ находили нѣмцы, предавали лютой смерти и искоренили измѣнниковъ изъ этихъ странъ (et exstirpaverunt traditores de finibus illis — XII, 1). Впрочемъ,
49 позднѣе еще оставалось нѣсколько русскихъ въ Куконосѣ³⁴⁾.

Весною слѣдующаго 1209-го г. епископъ Альбертъ, возвратившись
50 съ новымъ крестоноснымъ войскомъ, направился со всѣми пилигри-

31) Летигаллы часто встрѣчается у Генриха для обозначеніе леттовъ; см. гл. II этого изслѣдованія.

32) Подробности у Генриха Л.—XXVII, 5 и XXVIII, 6.

33) Baron Rob. von Toll, Est- und Livländische Brieflade. Theil III. Chronologie der Ordensmeister über Livl., der Erzbischöfe etc. Herausgegeben von Dr. Ph. Schwarz. Riga, Moskau, Odessa 1879. Стр. 141.

34) Въ XXIX, 5 Генрихъ рассказываетъ, что въ 1225 г. пріѣхалъ легатъ Вильгельмъ изъ Модены въ Куконосѣ и проповѣдовалъ тамъ также наставленія святой вѣры какъ нѣмцамъ, такъ и русскимъ, леттамъ и зелонамъ, которые тамъ вмѣстѣ жили (documentorum sanctorum monita tam Theuthonicis quam Ruthenis et Lettis et Sclonibus cohabitantibus fideliter impendit). — По поводу упомянутыхъ здѣсь и раньше *зелоновъ* Пабстъ полагаетъ (стр. 96, прим. 12), что они вмѣстѣ съ леттами были «именно настоящими обитателями» Куконоса подъ русской властью. Страна зелоновъ (Selonia), укрѣпленіе которыхъ было завоевано нѣмцами въ 1208 г. (XI, 6), лежала, какъ было сказано, на *лѣвомъ* берегу Двины; возможно, что отсюда нѣкоторые (первоначально, можетъ быть, какъ военнопленные) очутились осѣдлыми въ Куконосѣ или около него. (Объ этихъ зелонахъ говоритъ также Bielenstein; на стр. 169, прим. 1 своего труда («Grenzen» и пр.) онъ по примѣру M. Skrufiht принимаетъ прямо, что они «къ сѣверу отъ Двины заходили только какъ колонисты»). Съ другой стороны Боннель, ссылаясь на Генриха, XI, 5 замѣчаетъ: «Въ день Рождества [1207] разорили область епископа литовцы, которымъ зелоны, подданные князя куконоскаго Вячко, открыли путь» и т. д. (Chronogr., стр. 22); но слѣдуетъ возразить, что въ обозначенномъ мѣстѣ хроники о «подданствѣ» *этихъ* зелоновъ нѣтъ ни слова; такое распространеніе смысла сдѣланнаго, въ XII, 1 замѣчанія основывается на соображеніяхъ несостоятельныхъ уже потому, что князь Вячко за какіе нибудь полгода до этого заключилъ съ нѣмцами союзъ именно *противъ* литовцевъ.

мами и войскомъ къ укрѣпленію русскихъ. Такъ какъ онъ нашелъ гору оставленной и — какъ сообщается дальше — вслѣдствіе нечистоты прежнихъ жителей полною червей и змѣй, то приказалъ ее очистить и обнести крѣпкими верками, и здѣсь возвелъ новое укрѣпленіе, для защиты котораго оставилъ рыцарей и застрѣльщиковъ со своею челядью (слугами? — cum familia sua).

На основаніи несовсѣмъ яснаго указанія хрониста, только что прибывшій изъ Германіи рыцарь Rudolf von Jericho (или Jerichow, близъ Tangermünde — Rabst, стр. 110, прим. 1) взялъ половину укрѣпленія, орденскіе же братья — одну треть (XIII, 1); неясно, оставилъ ли остальное (одну 51 шестую) епископъ за собою?³⁵⁾

Такъ перестало существовать княжество Куконось, оставленное самими русскими. Очень скоро послѣ этого силы нѣмцевъ обратились на болѣе отдаленное княжество Герцике.

Въ концѣ лѣта того же 1209 г. епископъ Альбертъ сталъ совѣщаться со своими приближенными (cum discretioribus; Пабстъ переводитъ «Verständigsten»), какъ бы оградить юную церковь отъ русскихъ и литовскихъ покушеній; и, вспомнивъ — рассказываетъ далѣе хроника — все то зло, которое князь Всеволодъ³⁶⁾ изъ Герцике вмѣстѣ съ литовцами причинилъ городу Ригѣ, рѣшилъ [поэтому] начать войну съ врагами вѣры Христовой. — По поводу же князя Всеволода говорится, что именно онъ былъ врагомъ Хри- 52 стову имени, а латинянамъ въ особенности, что, будучи зятемъ литовскаго князя Дагерута (Dageruthe)³⁷⁾, онъ часто (frequenter) предводительствовалъ литовскими ратями, разрѣшалъ имъ переходить Двину и снабжалъ ихъ съѣстными припасами для походовъ какъ на Русь, такъ и на Ливляндію и Эстляндію; ибо литовцы всѣмъ внушаютъ страхъ своими разбойническими набѣгами и т. д. Кромѣ того Всеволодъ — въ противоположность прежнему куконоскому князю — не думалъ вступать въ мирные договоры (pacis federa) съ Ригю. Это послѣднее замѣчаніе сдѣлано уже послѣ сообщенія о выступленіи епископа Альберта въ походъ черезъ Куконось на Герцике съ войскомъ, усиленнымъ ополченіемъ ливовъ и леттовъ и многими крестоносцами; возможно, что со стороны нѣмцевъ тогда же, (т. е. передъ походомъ на Герцике), было предложено мирное соглашеніе, 53 или такое предложеніе ожидалось ими отъ князя, но онъ «пренебрегъ» имъ.

Когда русскіе увидели издали приближающееся нѣмецкое войско, они выстроились передъ городскими воротами; дошло до битвы; русскіе бѣжали,

35) См. замѣчанія Пабста, стр. 111.

36) См. Соловьева, т. II, стр. 357 и стр. 54, прим. 38 этого изслѣдованія.

37) Имя находится у Генриха въ XVII, 3.

и нѣмцы, тѣсня ихъ, ворвались въ ворота укрѣпленія. Изъ уваженія къ имени Христову (*pro reverencia christiani nominis*) они умертвили лишь немногихъ; большинство отдались въ плѣнъ или обратились въ бѣгство; женщинъ и дѣтей щадили; многихъ изъ нихъ забрали въ плѣнъ, въ томъ числѣ и жену Всеволода, который самъ спасся на лодкѣ на другую сторону Двины. Послѣ того какъ городъ былъ разграбленъ (въ числѣ добычи, кромѣ 54 украшенія и золото), на слѣдующій день зажгли его и, подѣливъ добычу, нѣмецкое войско двинулось обратно вмѣстѣ съ плѣнной княгиней и другими плѣнными. Князь Всеволодъ съ того берега Двины оплакивалъ свое несчастье, говоря: «О любезный мой городъ Герцике, отцовское наслѣдіе! О нежданная гибель моего народа» — и т. д. На основаніи этого слѣдуетъ думать, что отецъ и дѣдъ Всеволода уже владѣли Герцике³⁸).

55 Вслѣдъ за тѣмъ князь былъ приглашенъ явиться въ *Rigu*, если онъ хоть теперь думаетъ о мирѣ и желаетъ получить назадъ плѣнныхъ. Тогда онъ смирился передъ епископомъ, назвалъ его «отцомъ», а всѣхъ латинянъ просилъ, какъ братьевъ своихъ во Христѣ, простить ему, согласиться на миръ и выдать супругу и остальныхъ плѣнныхъ. Епископъ же съ своей стороны требовалъ, чтобы онъ избѣгалъ общенія съ язычниками, не разрушалъ въ союзѣ съ ними ливонской церкви (*ut.... non destruas*), а также чтобы вмѣстѣ съ литовцами не опустошалъ земель своихъ русскихъ христіанъ-братьевъ; далѣе, чтобы онъ свое царство вручилъ церкви Пресвятой Дѣвы — какъ извѣстно, покровительницы Ливоніи (см. Генрихъ, VI, 4) — навсегда въ даръ, для того, чтобы получить его обратно изъ рукъ епископа вмѣстѣ съ договоромъ вѣчнаго мира (*jugi pacis conformitate*); тогда сейчасъ 56 же выдадутъ ему и супругу вмѣстѣ со всѣми плѣнными и будутъ всегда оказывать ему помощь. Князь согласился на все это и — *получилъ свое царство, послѣ того, какъ онъ поручилъ его названной* [т. е. ливонской] *церкви, снова изъ рукъ епископа при торжественномъ врученіи трехъ знаменъ*, и завѣрялъ епископа, назвавъ его своимъ отцомъ, что онъ будетъ впредь открывать ему злые умыслы русскихъ и литовцевъ³⁹).

38) Соловьевъ, т. II, стр. 445, прим. 436—замѣчаетъ: имя князя Герцике «Wissewalde» — «сходнѣ со Всеволодомъ», но рѣшительнаго заключенія нельзя сдѣлать, такъ какъ онъ считаетъ «весьма возможнымъ», что это былъ Василько. Послѣдній же по Татищеву (см. стр. 3, прим. 3, этого изслѣдованія) былъ братомъ Вячеслава или Вячко (см. Соловьевъ, стр. 455, прим. 435), князя куконосскаго; оба — сыновья полоцкаго князя Бориса Давыдовича отъ перваго брака; во второй разъ Борисъ былъ женатъ на извѣстной своими приключеніями померанской принцессѣ Святохнѣ. По поводу этого весьма запутаннаго родословія (между прочимъ, въ отношеніи Владиміра полоцкаго) см. также Бонелля: *Chronogr., Commentar*, стр. 53 и *Nachträge*, стр. 234 и 237.

39) . . . [rex] regnum suum eidem ecclesie conferrens, e manu episcopi trium vexillorum

Вотъ что говоритъ Генрихъ Летляндскій. Дополненіемъ къ его разсказу служить историческій документъ о состоявшемся событіи (составленный *не раньше* конца лѣта 1209 г.), который былъ въ рукахъ у Генриха, но которымъ послѣдній недостаточно воспользовался, — доказательство того, «какъ мало интересовался онъ этими отношеніями»⁴⁰). Епископъ объявляетъ прежде всего о подчиненіи ему Всеволода; послѣдній явился въ Ригу и въ 57 присутствіи многихъ свидѣтелей . . . нѣмцевъ, русскихъ и ливовъ законнымъ образомъ принесъ въ даръ Пресвятой Дѣвѣ Маріи городъ Герцике, принадлежавшій ему по праву наслѣдства, вмѣстѣ съ землею и всѣми принадлежащими этому городу имѣніями (urbem Gerzika, hereditario iure sibi pertinentem, cum terra et universis bonis eidem urbi attinentibus, ecclesie beatae Dei genitricis et virginis legitima donatione contradidit). 58 Тѣхъ же, какъ говорится дальше, — которые платили ему дань и отъ насъ получили вѣру, освободивъ, дань и землю предоставилъ намъ (eos vero, qui sibi tributarii fidem a nobis susceperant, liberos cum tributo et terra ipsorum nobis resignavit), а именно укрѣпленіе (собственно: городъ — urbem) Antina [должно быть Autina] и Zeessowe [должно быть Zcessowe] и другія подчиненныя нашей вѣрѣ [мѣстности] (et alias ad fidem conversas) принесли намъ въ томъ присягу, и названный городъ [т. е. Герцике] былъ полученъ обратно какъ *ленъ* изъ нашихъ рукъ торжественно вмѣстѣ съ тремя знаменами. Перечисляются свидѣтели а въ заключеніе сказано: это совершилось (acta sunt haec) въ 1209 году⁴¹), отъ воплощенія Христа Спасителя, на погостѣ св. Петра въ Ригѣ и т. д. — Въ силу этого — передаемъ лишь болѣе существенное: князь Всеволодъ не только дѣлался вас- 59 саломъ епископа, но *долженъ былъ кромѣ того уступить ему часть своей области, которая была уже обращена нѣмецкими миссіонерами. Размѣры ея можно опредѣлить, хотя приблизительно, изъ двухъ другихъ документовъ* — прежде всего изъ акта раздѣла этой области между епископомъ и орденомъ

---

sollemni porrectione recipit, et eum in patrem ellegens omnia Ruthenorum et Lethonum consilia mala ei deinceps revellare se velle affirmat — XIII, 4.

40) HiIdebrand, стр. 69.—Текстъ приведенъ въ сочиненіи Бунге: Livl. Urkundenbuch т. I, Urk.-Nr. XV (Register-Nr. 20); онъ *исправленъ по оригиналу* Бонеллемъ: Chronogr., стр. 24 и дополненія на стр. 236; по тому же предмету см. Commentar, стр. 52 и 53; относительно хронологической даты у бар. Толля и Ниварца: Brieflade, ч. III, стр. 138 и слѣд. и стр. 141. Извѣстіе о коронованіи Оттона IV 4-го октября 1209 г. въ Римѣ *едва ли могло* достигнуть Лифляндіи *позже начала декабря*, такъ какъ нельзя предположить, чтобы плаваніе по Балтійскому морю возможно было въ болѣе позднее время. Исправленный текстъ документа № XV, а также и документовъ №№ XXIII и XXVIII, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, находятся теперь также въ сочиненіи Биленштейна, «Grenzen» и пр., стр. 415 и 416.

41) Или *въ началѣ 1210-го года* по теперешнему счисленію, если принять, что годъ начинался 25 марта. См. предыдущее примѣчаніе.

въ концѣ 1211 или началѣ 1212 г.⁴²⁾ Первый получилъ Aszute, укрѣпленіе Lerene и деревни на границѣ Вебнины [слѣдуетъ: *Webernine*], которыя когда то принадлежали князю Герцике со всѣми отдѣльными [мѣстами], далѣе укрѣпленія Aucenice [настоящее имя: *Autenine*], Alene со всѣмъ принадлежащимъ, — тогда какъ ордену достались *Zerdene*, *Rheyeste* [вм. *Ne-
60 geste*], *Sessowe* [вмѣсто: *Sessowe*] со всѣмъ принадлежащимъ, и сверхъ того изъ части епископа укрѣпленіе Alene, какъ вознагражденіе за уступленную раннѣе землю. Изъ болѣе поздняго документа⁴³⁾, исходящаго отъ епископа Альберта, видимъ, что произошелъ передѣлъ отчасти той же самой земли: епископъ отдалъ ордену свое укрѣпленіе *Antine* [вм. *Autine*], десятую часть хлѣба, который онъ имѣлъ въ *Ascherad* [en вмѣсто *Ascharat*] и двѣ деревни *Sedgere*, тогда какъ укрѣпленіе Alene (*castro Alenensi*, вмѣсто Alene) осталось за рыцарями; въ то же время къ епископу переходить
61 укрѣпленіе *Kocanois* [= *Руконось*, или *Kokenhusen*], *Gerdine*, *Egeste*, *Maghne*, *Chessowe* вмѣстѣ съ [землею], которая лежитъ по рѣкамъ Эветѣ (*Ewst*) и Двинѣ ниже названныхъ [укрѣпленій] (*cum hiis, quae infra ea et Eustam fluvium et Vinam continentur*).

Не беремъ установить съ полной точностью положеніе мѣстъ всѣхъ названныхъ въ трехъ только что приведенныхъ документахъ. Для этого требуется ближайшее знакомство съ мѣстностью, изученіе малодоступныхъ архивовъ отдѣльныхъ помѣстій и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне основательное знаніе латышскаго языка. Однако, не было недостатка въ попыткахъ въ этомъ направленіи, которыя привели, впрочемъ, лишь къ весьма спорному рѣшенію этихъ необыкновенно запутанныхъ вопросовъ⁴⁴⁾. Представляется
62 прежде всего спорнымъ, возможно ли много разъ упоминающееся съ хроникѣ Генриха *Autine* отождествляеть съ «*Autina*» въ документѣ № XV. Въ

42) *Hildebrand*, стр. 83 и 84, гдѣ на основаніи всей соответствующей литературы установлена и хронологическая дата. Самый документъ см. въ *Urkundenbuch*, часть I, № XXIII, Reg. 28; исправленія по оригиналу даетъ *Dr. M. Perlbach*, «*Urkunden des Rigaschen Capitels-Archives in der fürstlich Czartoryskischen Bibliothek zu Krakau*» — въ «*Mittheilungen*» и пр., т. XIII, вып. 1 (*Riga*, 1881) стр. 1—23, особенно стр. 5 и 12.

43) Въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1213 г.; см. бар Толль и Шварцъ: *Brieflade*, т. III, стр. 142. Текстъ у *Bunge*: *Urkundenbuch*, т. I, № XXXVIII, Reg. 45; объясненіе у *Hildebrand'a*, стр. 88 и сл.

44) См. *Jegor von Sivers, Smilten. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte Livlands. Riga 1872* (въ дошедшихъ до меня экземплярахъ недостаетъ научнаго комментарія, на который указываютъ разбѣянные въ разныхъ мѣстахъ замѣтки — существовалъ ли онъ вообще?) также *Carl Georg Graf Sievers, Beiträge zur Geographie Heinrichs von Lettland (Magasin der Lettisch-literarischen Gesellschaft, Bd. XV, Stück IV, Mitau 1877)*; его же: «*Die Lettenburg Antine und die Nationalität des Chronisten Henricus de Lettis*». *Riga 1878*. — Послѣ того какъ эти строки были давно написаны и напечатаны, явилось въ концѣ 1892 г. сочиненіе *Биленштейна «Die Grenzen»* и пр. Въ немъ упомянутыя мѣстности снова опредѣлены, но не во всѣхъ подробностяхъ рѣшеніе автора можетъ быть принято какъ окончательное.

моей работѣ «Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Pleskauer»⁴⁵⁾ я, въ противоположность Набсту (стр. 102, прим. 2), высказываюсь *въ пользу* такого отождествленія (стр. 89); въ пользу же этого мнѣнія могу теперь привести и то, что въ подлинномъ документѣ, который прочитанъ былъ Бонеллемъ (а также и мною), дѣйствительно стоитъ Autina, а не Antina (Chronogr. Nachträge, стр. 236). Далѣе, чтеніе, принятое Бунге — 63 «Antine» въ документѣ № XXVIII, основывается, можетъ быть, на томъ, что въ старомъ Груберовскомъ текстѣ (напечатанномъ въ послѣдній разъ въ изданіи «Scriptores rerum Livonicarum», часть I, Рига 1853) находится это имя; такъ и въ документѣ № XV Бунге измѣнилъ названіе, которое передано Догіэлемъ (Dogiel) вѣрно, на такомъ же основаніи (Urkundenbuch, ч. I, 21); *на основаніи сличенія съ оригиналомъ* (который хранится также въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С. Петербургѣ) могу я засвидѣтельствовать, что въ подлинномъ текстѣ совершенно ясно стоятъ формы: Autine, Ascharat, Alene. За такое чтеніе должно бы говорить съ самаго начала и то уже обстоятельство, что хронистъ также упоминаетъ объ этомъ передѣлѣ земель въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1213 г. и при этомъ рядомъ съ Куконосомъ называетъ и укрѣпленіе Autine (XVI, 7); поэтомууже Гильдебрандъ не придавалъ значенія вышеуказанной поправкѣ. Точно 64 также изъ сопоставленія трехъ документовъ можно заключить, что «Autepine» въ документѣ № XXVIII совпадаетъ съ мѣстностью, подразумеваемою въ двухъ другихъ документахъ. Должно быть, простая описка повела Биленштейна къ тому предположенію, которое онъ строитъ относительно подлинности названія «Antinene». Не вдаваясь въ подробный разборъ вопроса насчетъ тождественности обозначенія Antina, Autepine и Antine (въ документахъ) и Autine (или Autinene) у Генриха, Биленштейнъ (Fragmente, стр. 16) дѣлаетъ предположеніе, на что указалъ и я въ болѣе ранней моей работѣ, что, во первыхъ, Metimne въ XVII, 6 хроники Генриха есть описка вмѣсто «Autinene (ср. Autine)», что затѣмъ это мѣстопребываніе епископскаго намѣстника Вольдемара (Wolodimir) находилось «въ теперешнемъ Вольмарѣ или близъ него, что послѣдній слишкомъ ясно напоми- 65 наетъ имя изгнаннаго изъ Пскова русскаго великаго [sic!] князя и могъ естественно вытѣснить старое названіе мѣста Autine (или Autinene)». При этомъ онъ обѣщалъ въ «имѣющемъ скоро появиться въ печати» сочиненіи: «о гралицахъ латышскаго языка и діалектовъ въ настоящее время и въ XIII столѣтіи» обстоятельно заняться этимъ вопросомъ; на обращенный къ нему письменный запросъ г. Биленштейнъ отвѣтилъ, что «Autinene», по его мнѣнію, есть названіе мѣстности при укрѣпленіи Autine и образовано по

45) См. предисловіе къ этому труду.

аналогіи съ семигалскими названіями мѣстностей, какъ Terwetene, Silene, Dubene и т. п. Немало времени спустя явилось обѣщанное сочиненіе («Die Grenzen des lettischen Volksstammes» и пр.), въ которомъ тождественность «Autine» (или «Autinene») и «Metimpe» рѣшительно отвергается и признается, 66 что относительно мѣстоположенія *Дутине* нельзя сказать ничего положительнаго; что мы знаемъ только, что оно находилось недалеко отъ средняго теченія р. Аа; но неизвѣстно, на правомъ или на лѣвомъ ея берегу⁴⁶⁾. — Итакъ, если въ названныхъ выше документахъ и въ хроникѣ Генриха рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же укрѣпленіи Autine и если остальные догадки на счетъ его мѣстонахожденія вѣрны, то область князя Геринке должна была простираться въ сѣверозападномъ направленіи, южнѣе земли Толова, до или дальше средняго теченія рѣки Аа. Что она переходила за р. Эвсть, за это говоритъ *соображеніе*, что владѣнія, уступленныя епископу, слѣдуетъ искать не только по восточному ея берегу, а кромѣ того имя *Zcessowe* позднѣе *Chessowe* (и *Cessoe*), иногда *Sessowe*, въ которомъ мы можемъ смѣло признать современное *Sesswegen* (по латышски: *Zehswaine*), и кото- 67 рое по моему опредѣленію грапиць земли Толова могло быть недалеко отъ этой послѣдней. Свидѣтельство документа № XXXVIII подкрѣпляется еще и тѣмъ, что въ позднѣйшее время, какъ извѣстно, *Sesswegen* былъ епископскимъ владѣніемъ.

Если мы сравнимъ договоры епископа рижскаго съ русскими князьями въ 1208 и 1209 или 1210 гг., то увидимъ, что Вячко, князь куконоскій, былъ при этомъ счастливѣе: правда, ему пришлось уступить епископу половину своей земли и укрѣпленія, но зато онъ сохранялъ свою самостоятельность, только долженъ былъ заключить союзъ противъ литовцевъ. Князь Всеволодъ также потерялъ значительную часть владѣній, которая опредѣлена была, навѣрно, не по простому количественному разсчету, но на другомъ основаніи; и, кромѣ того, вмѣстѣ съ остальной частью своихъ владѣній онъ былъ принужденъ вступить въ зависимость отъ совершенно 68 чужой, нерусской политической силы — епископа, *вассаломъ* котораго онъ сдѣлался, причемъ, однако, его княжеская власть надъ возвращенными ему землями сохранялась за нимъ⁴⁷⁾. Должно быть, опытъ съ княземъ Вячко научилъ епископа Альберта, какъ поступить съ княземъ Герцике, который временно смирился, но удаленный на значительное разстояніе отъ сферы вѣмецкаго господства, могъ быть надежнѣе связанъ только *присягой въ*

46) Это и другія предположенія Биленштейна опровергаются въ приложенной къ этому труду статьѣ I.

47) Послѣднее ясно прежде всего изъ передачи знаменъ, что было въ обычаѣ именно при врученіи *лена*. Но въ то же время и въ позднѣйшихъ документахъ, въ дальнѣйшемъ разсказѣ Генриха, Всеволодъ по прежнему называется «гех», что соответствуетъ истинѣ.

върномъ исполненіи точно определенныхъ обязательствъ. Насколько эти послѣднія въ слѣдующемъ же году были соблюдаемы Всеволодомъ на самомъ дѣлѣ, будетъ сейчасъ разсказано⁴⁸⁾.

Все это совершилось безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ 70 великимъ княземъ полоцкимъ, послѣдній не вмѣшался въ ходъ событій, нанесившій ущербъ его правамъ; но когда событіе совершилось, нужно было войти съ нимъ въ сношенія, чтобы обезпечить уже достигнутые результаты. Обстоятельства при томъ имѣли тяжелый и угрожающій характеръ для молодой германской колоніи, такъ что хронистъ свой разсказъ о 12-омъ годѣ епископства Альберта начинаетъ замѣчаніемъ, что [ливонская] церковь только немного дней была спокойна (*siluit ecclesia diebus paucis* — XIV, 1).

Въ Пасху⁴⁹⁾ 1210 года епископъ отправился снова въ Германію вмѣстѣ 71 съ возвращавшимися домой пилигримами, разсчитывая проѣхать оттуда въ Римъ къ папѣ; дорогою произошло морское сраженіе съ куроами, въ которомъ нѣмцы потерпѣли неудачу. При извѣстіи объ этомъ — сказано буквально — всѣ живущіе кругомъ народы разослали другъ къ другу гонцовъ, сперва ливы къ куроамъ, потомъ куроны къ эстамъ, а также къ литовцамъ, семигалламъ и русскимъ, стовариваясь, какъ бы разрушить Ригу, добраться хитростью до нѣмцевъ и погубить ихъ⁵⁰⁾. Прежде всѣхъ выступили съ большимъ войскомъ литовцы и подступили къ Куконосу, но

48) Пабстъ толкуетъ документъ № XV въ томъ смыслѣ, что Всеволодъ «получилъ въ лезъ только свою наслѣдственную землю, остальную же, уже обращенную нѣмцами, долженъ былъ уступить совсѣмъ» (стр. 118, прим. 23). Но такое толкованіе несостоятельно, такъ какъ буквальный смыслъ приведеннаго текста говоритъ только, что епископу достались платившіе дань [латыши] подданные князя, среди которыхъ было уже распространено западное христіанство, и при этомъ не прибавлено, что именно князь Всеволодъ, а не кто нибудь изъ его предковъ, обложилъ ихъ данью. Правда, слѣдуетъ изъ текста, что оставшаяся во власти Всеволода земля была его *кореннымъ владѣніемъ*, тогда какъ уступленная епископу была отъ него въ менѣе прямой зависимости, что, напр., относительно *Autine* будетъ доказано въ слѣдующей главѣ. — Вызываетъ возраженія и другое утвержденіе Пабста, по поводу XIII, 4 хроники Генриха, гдѣ дважды встрѣчается названіе «отецъ», — что «это послѣднее употреблено лишь въ смыслѣ придаваемого духовному лицу титула». Во всякомъ случаѣ, фразу хроники: «избирая его себѣ отцомъ» (*eum in patrem elegens*) можно объяснять лишь желаніемъ подчеркнуть вассальныя отношенія, въ которыя Всеволодъ только что вступилъ, все равно, употреблено ли было это слово самымъ Всеволодомъ, или придумано хронистомъ, чтобы нагляднѣе обозначить новое зависимое положеніе князя: какъ выраженіе зависимости отъ государя, это слово употреблено въ XI, 9 и XVIII, 4; напротивъ, какъ простой титулъ, или обозначеніе духовнаго лица, то же слово «отецъ» встрѣчается въ I, 11 и 14, IX, 7, XI, 3, XVI, 2, VII, 9 (въ послѣднемъ случаѣ въ примѣненіи къ простому монаху, въ остальныхъ — къ епископу).

49) 18-го апрѣля; см. Pabst, стр. 121, замѣчаніе на поляхъ и стр. 125, прим. 6.

50) Vonnell, (Chronogr., стр. 25)—высказываетъ мнѣніе, что здѣсь разумѣются *русскіе* «изъ Полоцка и Герцике». Но могли быть переговоры также съ Новгородомъ и Исковомъ.

72 вассалъ епископа, Рудольфъ фонъ Іерихо, заставилъ ихъ отступить. По почипу нѣсколькихъ ливовъ изъ Адіи⁵¹), въ срединѣ іюля Рига подверглась тяжелой осадѣ со стороны куроповъ, которые, однако, также точно, не достигнувъ своей цѣли, должны были уйти обратно. Ливы изъ Торейды уже собрали сильное войско; они и нѣкоторые другіе ихъ одноплеменники, сверхъ того семигаллы и другія племена (et aliae gentes) ожидали только успѣха осады, чтобы всѣмъ вмѣстѣ устремиться для разрушенія города (ad destructionem). Въ это самое время рыцарь Бертольдъ, бывший провинціальнымъ магистромъ ордена въ Венденѣ⁵²), предпринялъ набѣгъ на область Угаунію (XIV, 5). Во второмъ походѣ онъ сжегъ укрѣпленіе угаунцевъ Оденпе (XIV, 6), которое незадолго передъ этимъ осаждали впродолженіе восьми дней великій князь новгородскій и князь псковской: они ушли, заставивъ уплатить себѣ сумму денегъ (XIV, 2): здѣсь именно

73 и беретъ свое начало столкновеніе съ другими русскими князьями изъ-за земли Толова и эстонскаго края.

Въ это время — продолжаетъ хронистъ — лифляндская церковь была окружена многими опасностями (tribulationibus), находясь посреди многихъ языческихъ народовъ (nationum) и сосѣднихъ русскихъ, которые всѣ вмѣстѣ сговорились уничтожить ее. Поэтому рижане порѣшили отправить пословъ къ *королю полоцкому* посмотрѣть, не встрѣтятъ ли у него мирныхъ намѣреній (si forte cum eo aliquam formam pacis possent invenire). Для этого были избраны Рудольфъ фонъ Іерихо и нѣкоторые другія, не названныя по именамъ, лица (XIV, 7). Они хотѣли отправиться черезъ Венденъ, должно быть, — какъ предполагаетъ Rabst (стр. 130, пр. 1) — затѣмъ,

74 чтобы къ нимъ могли присоединиться и нѣкоторые рыцари ордена. Когда они приближались къ этому мѣсту, появилось сильное войско эстовъ и осадило Венденъ; когда затѣмъ эсты сняли осаду и отступали, произошло сраженіе съ напавшими на нихъ съ тыла нѣмцами; послѣдніе были разбиты, Рудольфъ фонъ Іерихо раненъ (XIV, 8). Тогда было составлено новое посольство изъ рыцаря Арнольда съ товарищами; при этомъ цѣль посольства опредѣляется болѣе точно: лифляндскіе послы должны договориться съ Владиміромъ, чтобы онъ согласился на миръ и открылъ рижскимъ купцамъ путь въ свою землю (si forte pacem recipiat et mercatoribus Rigenibus viam in terram suam aperiat). Князь принялъ ихъ дружески и, хотя только изъ хитрости (iicet in dolo), послалъ съ ними умнаго и богатаго мужа изъ Смоленска, по имени *Лудольфа*, для переговоровъ въ Ригѣ.

51) «Livones quidam de Adia». Рѣчка, носящая до сихъ поръ имя *Adia*, впадаетъ въ море къ сѣверу отъ лифляндской Аа.

52) F. G. v. Bunge, Der Orden der Schwertbrüder (Leipzig, 1875) — стр. 37.

Послѣ того какъ они [т. е. послы вмѣстѣ съ Лудольфомъ] прибыли въ Ригу и объявили желаніе короля, рижане согласились съ нимъ и тогда 75 впервые былъ заключенъ *вѣчный миръ* (pax perpetua) между княземъ и Ригю, съ тѣмъ, однако, чтобы *ливы ежегодно, уплачивали должную дань королю или епископъ уплачивалъ за нихъ* (ita tamen, ut Livoues debitum tributum regi persolvant annuatim vel episcopus pro eis). Къ этому прибавлено, что всѣ [нѣмцы] радовались, что они могутъ [теперь] безпрепятственно воевать съ эстами и другими пародами, что и воспослѣдовало (XIV, 9).

Заключеніе мира относится къ осени или зимѣ⁵³⁾ 1210 г. Миръ былъ названъ «вѣчнымъ», между тѣмъ бросается въ глаза, что ни о безпрепятственной торговлѣ въ полоцкой землѣ, ни даже о свободномъ плаваніи по Двинѣ ничего при этомъ не сказано. Пабстъ предполагаетъ, что «передъ тѣмъ торговля была пріостановлена вслѣдствіе неуплаты дани» (стр. 134, прим. 6); неясно, считаетъ ли онъ отказъ епископа въ дани въ томъ смыслѣ, 76 какъ объ этомъ говоритъ Арнольдъ Любекскій, вѣроятнымъ или нѣтъ (ср. Pabst, стр. 38, прим. 3). Во всякомъ случаѣ, ливы могли, пользуясь благоприятными для нихъ обстоятельствами, за все это время не платить слѣдующей дани. Но съ другой стороны паденіе Куконоса, уступка княземъ Герцике части владѣній нѣмцамъ и подчиненіе его епископу — были сами по себѣ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы русскіе приняли репрессивныя мѣры противъ нѣмецкихъ купцовъ. Въ виду того, что заключенный миръ названъ *вѣчнымъ*, является также предположеніе, не далъ ли князь Владиміръ полоцкій своего согласія на ту перемѣну, которая произошла въ отношеніяхъ княжествъ Куконоса и Герцике къ епископу, — взамѣнъ того, что епископъ рижскій взялъ на себя ручательство въ уплатѣ дани ливами. Но объ этомъ также молчитъ хроника Генриха; противъ же такого предположенія говоритъ то, что какъ видно изъ приведеннаго свидѣтельства, условія мирнаго договора исходили, повидимому, изъ Полоцка. Даже 77 слѣдуетъ думать, что во время переговоровъ этотъ вопросъ былъ обойденъ и *нѣмцы добились такимъ образомъ молчаливаго признанія status quo*. То, что епископъ бралъ на себя гарантію въ ежегодной уплатѣ дани двинскими ливами, было для князя полоцкаго важнымъ пріобрѣтеніемъ, особенно если припомнить дружественное расположеніе къ Литвѣ князя Всеволода, который, по свидѣтельству Генриха, не стѣснялся подкрѣплять своихъ языческихъ союзниковъ даже въ ихъ походахъ противъ русскіхъ, и зависимость котораго, чисто номинальная, мало приносила пользы Полоцку. Поэтому подобный договоръ въ то время не могъ не быть въ интересахъ полоцкаго

53) Pabst, стр. 134, прим. на поляхъ; ср. также Vonnell, Chronogr., стр. 26.

78 князя⁵⁴). — Наконецъ, остается неяснымъ, въ чемъ заключалась «хитрость» Владиміра. Хотѣлъ ли онъ, по мнѣнію Генриха, заключить миръ для того, чтобы выиграть время для вооруженій къ походу, между тѣмъ какъ его войска были въ этотъ моментъ заняты гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ? Слѣдуетъ обратить вниманіе и здѣсь на то, что, какъ было сказано, по буквальному смыслу хроники, является весьма возможнымъ, что условія мирнаго договора ставились Полоцкомъ Ригѣ.

79 Скоро князь Владиміръ показалъ совсѣмъ инныя намѣренія. Уже весной или въ началѣ лѣта⁵⁵) 1212 г. къ епископу Альберту отправлено было посольство Владиміромъ и назначенъ день, когда имъ *сгнхаться въ Герцике*. Здѣсь долженъ былъ онъ отвѣчать за ливовъ, прежде платившихъ дань ему [т. е. князю], и чтобы они, переговоривъ, могли открыть купцамъ безопасный путь по Двинѣ и по возстановленіи мира тѣмъ легче могли бы противостоятъ литовцамъ⁵⁶).

Итакъ, значить, въ 1210 г. состоялось также соглашеніе относительно плаванія по Двинѣ: но встрѣчало ли оно препятствія со стороны литовцевъ? Легче можно понять замѣчаніе, что ливы «прежде» платили дань князю: хроника написана въ 1225—27 г., когда эта дань уже давно не платилась. Если сказано, что епископъ долженъ былъ «отвѣчать» за дань, то это выраженіе опредѣляется, должно быть, повелительнымъ тономъ полоцкаго князя, какимъ онъ призывалъ епископа на этотъ съѣздъ. Такой тонъ не могъ особенно удивить въ Ригѣ, такъ какъ тамъ было уже извѣстно о враждебномъ настроеніи полоцкаго князя.

80 Незадолго передъ тѣмъ князь Владиміръ псковской за дружественное отношеніе къ нѣмцамъ (или, какъ буквально сказано у Генриха, за то, что онъ выдалъ свою дочь за брата рижскаго епископа), былъ изгнанъ своими

54) Нѣтъ данныхъ, по которымъ можно бы было опредѣлить разиѣры дани двинскихъ ливовъ. Что она не состояла исключительно изъ естественныхъ произведеній, какъ это скорѣй всего можно бы предположить, видно изъ текста, гдѣ (XVI, 2) именно употреблено выраженіе: дань и *денги* (tributum et pecunia); этимъ противопоставленіемъ очевидно дается понять, что подъ «данью» подразумѣваются здѣсь естественныя произведенія (въ противоположность деньгамъ); если только это не простая риторическая фигура (bendiadyoin). Кромѣ всего другого мы видѣли, что деньги (pecunia), которыя въ 1203 г. князь Владиміръ получилъ отъ ливовъ Иксуля, были обычной, ему слѣдуемой данью. — Въ другихъ мѣстахъ (XIV, 2 и XV, 8) говорится: (1210) жители Оденпе должны были «платить 400 марокъ *ногатъ*», (1212) жители Варболы (въ Гарріи) «700 марокъ *ногатъ*» великому князю Новгородскому. Относительно значенія этихъ монетъ см. W. von Gutzeit, *Nogaten und Mordken. Eine Erläuterung zur Münzkunde des alten Russland* — Riga, 1887.

55) Ср. Pabst, стр. 166, на поляхъ. Также Bar. Toll und Schwartz: Brieflade, Th III, стр. 142.

56) Rex interim de Plosceke vocavit episcopum diem profingens et locum, ut ad presenciam ipsius apud Gercike de Lyvonibus quoudam sibi tributariis responsurus veniat, ut et sibi colloquentes viam in Duua prepararent securam et pacem renovantes facilius Letonibus resistere queant. XVI, 2.

подданными. Онъ спасся въ Полоцкъ, но, получивъ отъ тамошняго князя [лишь] малое утѣшеніе (*parvam consolationem*), былъ затѣмъ почетно принять въ Ригѣ (XV, 13).

При такихъ обстоятельствахъ епископъ Альбертъ нашелся вынужденнымъ выѣхать навстрѣчу князю полоцкому съ сильнымъ вооруженнымъ прикрытіемъ. Его сопровождали, кромѣ своихъ мужей (*viris suis*) и рыцарей ордена, также старшины ливовъ и леттовъ, должно быть — двинскихъ 81 ливовъ и жителей той области, которая принадлежала прежде княжествамъ Куконосу и Герцике; также бывший псковской князь Владиміръ и купцы на судахъ. Всѣ были вооружены (*armis*, по Пабсту, стр. 166, прим. 2 — «*ihr Küstzeug*»), какъ сказано въ хроникѣ: изъ предосторожности отъ коварства литовцевъ по обоимъ берегамъ Двины.

Встрѣча между княземъ и епископомъ произошла передъ укрѣпленіемъ Герцике. Въ самомъ началѣ *переговоровъ* князь, который обращался къ епископу — какъ сказано буквально — то съ лестью, то съ рѣзкими угрозами, заявилъ требованіе, чтобы тотъ оставилъ крещеніе ливовъ, утверждая, что въ *его* власти позволить крестить *своихъ холоповъ* ливовъ или оставить ихъ некрещенными⁵⁷). Ибо — продолжаетъ хронистъ — въ обычаѣ у королей русскихъ, коль скоро покорятъ они какой нибудь народъ, не подчинять его христіанской вѣрѣ, а понуждать его къ платежу дани и денегъ⁵⁸). Далѣе же слѣдуетъ: Но епископъ считалъ, что должно 82 Богу болѣе повиноваться, чѣмъ людямъ, и Небесному Царю больше, чѣмъ земному, по слову Его въ Евангеліи, гдѣ сказано: «идите и поучите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». И поэтому онъ объявилъ съ твердостью, что не оставитъ своего намѣренія и не покинетъ дѣла проповѣди, которое поручено ему Отцомъ небеснымъ. Но онъ не препятствовалъ тому, чтобы королю уплачивалась дань, согласно изреченію Евангелія: «воздайте кесарево кесарю, а Божіе Богу»⁵⁹), тѣмъ болѣе, что самъ епископъ иногда уплачивалъ королю эту самую дань за ливовъ. Ливы же, которые не хотѣли служить двумъ господамъ, а именно русскимъ и пѣмцамъ, постоянно его уговаривали, чтобы онъ избавилъ ихъ совѣмъ *отъ иа русскихъ*⁶⁰). — Слова: *vice versa* Пабстъ переводитъ черезъ «*im* 83 *Gegenteil*», но рядомъ ставить: «*seinerseits? abwechselnd?*» По поводу же слова «иногда» (*quandoque*), которое должно обозначать *по крайней мѣрѣ*

57) Rex . . . . ut a Lyvonum baptisate cessaret rogavit, affirmans in sua esse potestate servos suos Lyvones vel baptizare vel non baptizatos relinquere

58) См. стр. 15, прим. 16 этого сочиненія.

59) См. стр. 30, прим. 22 этого сочиненія.

60) . . . . quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum eciam regi pro Lyvonibus persolverat. Lyvones autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Theuthonibus, suggerebant episcopo in omni tempore, quatinus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret.

два раза, онъ замѣчаетъ: «Должно быть однако не каждый разъ, когда ливы не платили, такъ что случилось, что полоцкій князь и ничего не получалъ. Объ уплатѣ дани Альбертомъ см. XIV, 9 (стр. 167, прим. 8 и 9). Между тѣмъ «quandoque» можетъ обозначать также «одинъ разъ»; притомъ въ текстѣ есть прибавка, на которую Пабстъ не обращаетъ особаго вниманія: «епископъ платилъ.... также (есіам) королю». Слово «есіам» указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что *ливы платили также прямо князю*. Спрашивается только, къ какому періоду времени это относится: ко времени до договора 1210 г., или послѣ него? — Пабстъ въ своемъ замѣчаніи очевидно имѣетъ въ виду платежъ послѣ договора, состоявшагося осенью, или зимою 1210 года—скорѣй всего, пожалуй, уплату послѣдняго срока? Такое предположеніе сдѣлало бы понятнымъ прежде всего, почему князь потребовалъ, чтобы епископъ «отвѣчалъ» за неуплату дани. Если считать, что на протекшіе полтора года, или годъ и три четверти могли падать двѣ срочныхъ уплаты, то слово «quandoque» придется понимать въ томъ смыслѣ, что епископъ только одинъ разъ доставилъ дань князю Владиміру; если же дальше прибавлено, что онъ «не препятствовалъ» тому, чтобы ливы платили дань, то это можно понять, какъ извиненіе епископа Альберта въ неисправности, вслѣдствіе которой дань не была доставлена во время. Но это замедленіе въ высылкѣ дани, если оно дѣйствительно случилось, не произошло ли отъ желанія положить ей конецъ? *Противъ* такого объясненія можно привести то, что съ 1206 года епископъ стремился установить добрыя отношенія съ княземъ полоцкимъ и достигъ этого съ большимъ трудомъ, угрожаемый внѣшними и внутренними врагами; за это объясненіе говоритъ желаніе ливовъ избавиться отъ дани, которое они «постоянно» выражали. Можно бы думать, что упрашиванія ливовъ избавить ихъ отъ дани стали особенно настойчивыми во время этихъ самыхъ переговоровъ епископа съ княземъ Владиміромъ; но это не видно изъ самаго характера ихъ разговоровъ, которые вращались все около одного и того же, пока не послѣдовали военныя дѣйствія. — Приходится оставить всѣ эти вопросы нерѣшенными, потому уже, что непостоянный и поддающійся легко вліяніямъ характеръ князя Владиміра чрезвычайно мѣшаетъ вѣрной оцѣнкѣ событій. Возможно и то, что князь *безъ всякаго повода* потребовалъ отъ епископа «ручательства»; тогда къ этому можно бы отнести и замѣчаніе о его «хитрости», которое находимъ въ рассказѣ о договорѣ 1210 г.

Недовольный переговорами, князь Владиміръ прервалъ ихъ, потому что справедливые словесные доводы его не удовлетворили⁶¹⁾. Онъ грозилъ

61) Sed rex verborum justis rationibus non acquiescens . . . . Если это замѣчаніе *исполнимо правдиво*, то падаютъ оба предположенія: *первое*, что епископъ не выслалъ дани за послѣдній срокъ, и *второе*, что онъ это сдѣлалъ, желая положить ей конецъ.

предать пламени всѣ укрѣпленія Ливоніи и самую Ригу, приказалъ своему войску выйти на равнину передъ укрѣпленіемъ, приготовилъ всѣхъ своихъ людей къ нападенію и сталъ наступать на нѣмцевъ; — но это дѣла- 86 лось, по мнѣнію хрониста, — только для вида (*simulans*), чтобы запугать противника, что однако не удалось. Ибо вся вооруженная сила, бывшая съ епископомъ, его люди и рыцари ордена, также купцы, которые были равнымъ образомъ вооружены, поднялись на встрѣчу русскимъ, ища битвы. Когда сошлись оба войска, на виду у всѣхъ передъ началомъ ожидаемаго сраженія рижскій соборный священникъ Іоаннъ и князь Владиміръ псковской вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отправились къ полоцкому князю для переговоровъ. Они его уговаривали не тѣснить оружіемъ юную ливонскую церковь и указывали ему на опасность, которая можетъ быть для него отъ борьбы съ нѣмцами. Тогда князь, уstraшенный ихъ смѣлостью (*audaciam*), отозвалъ свое войско, самъ отправился къ епископу и привѣтствовалъ его почтительно, какъ своего духовнаго отца⁶²). Послѣдовали переговоры и заключенъ былъ *новый договоръ*. Князь, какъ бы по внушенію 87 свыше, согласился наконецъ предоставить всю Ливонію епископу [съ условіемъ], чтобы заключенъ былъ между ними вѣчный миръ, какъ по отношенію къ литовцамъ, такъ и къ другимъ язычникамъ, и чтобы купцамъ былъ навсегда открытъ свободный путь по Двинѣ⁶³).

Важно прежде всего то, что князь *Владиміръ отказывался получать дань съ ливовъ*. Сказано буквально, что «*вся Ливонія*» была предоставлена на волю епископа; но требуетъ еще разъясненія, *вся ли земля ливовъ*, или только двинская область платила дань Полоцку; а мы видѣли (см. Введеніе), что этого нельзя доказать относительно всѣхъ ливонскихъ мѣстно- 88 стей; а въ виду отдаленности остальныхъ, кромѣ двинской — оно представляется даже невѣроятнымъ. Итакъ, слѣдуетъ подразумѣвать только «*всю*» принадлежавшую Владиміру *часть* Ливоніи. Соловьевъ, который излагаетъ эти событія несовсѣмъ согласно съ источниками (стр. 361), замѣчаетъ по поводу разсказа объ отказѣ отъ дани: «Какъ ни мало удовлетворителенъ является этотъ разсказъ нѣмецкаго лѣтописца, историкъ долженъ принять одно за достовѣрное, что епископъ пересталъ платить дань полоцкому князю, и тотъ не имѣлъ средства принудить его къ тому».

Но уже Бонелль (*Chronogr., Commentar*, стр. 57) указываетъ на нео-

62) *Tamquam patrem spiritualem*. Чтобы именно въ *такихъ словахъ* князь обратился къ епископу, этого утверждать нельзя, тѣмъ болѣе, что дальше говорится: *Similiter et ipse tamquam filius ab eo receptus est*.

63) *Unde tandem rex, Dei fortassis inductus instinctu, Livoniam totam domno episcopo liberam reliquit, ut pax inter eos perpetua firmaretur tam contra Letones, quam contra alios paganos, et via mercatoribus in Duna semper libera prestaretur*.

сновательность такого сомнѣнія, ссылаясь на доводъ, приводимый также Пабстомъ, именно что князю Владиміру въ вознагражденіе за уступку земли ливовъ, его данниковъ, была обѣщана *помощь противъ литовцевъ и другихъ язычниковъ* — быть можетъ, противъ семигалловъ, жившихъ къ югу отъ Двины. Еще можно прибавить, что охрана *свободнаго плаванія* по Двинѣ была равно въ интересахъ какъ русскихъ, такъ и нѣмцевъ. Впрочемъ, Соловьевъ никакимъ положительнымъ доводомъ и не подкрѣпляетъ своего сомнѣнія. Ему показалась подозрительной ссылка на божеское внушеніе; но такой способъ объясненія не удивить того, кто болѣе знакомъ съ хроникой Генриха.

Приобрѣтенія епископа Альберта были прочны: князья полоцкіе никогда уже болѣе не владѣли землями леттовъ и ливовъ, которыя уступили нѣмцамъ. Характеристично для князя Владиміра то, что онъ, четыре года спустя (въ 1216 году, послѣ пасхи), по просьбѣ эстовъ опять собралъ большое войско противъ своихъ прежнихъ противниковъ — изъ [должно быть, болѣе отдаленной] Россіи и на этотъ разъ также изъ Литвы. Онъ хотѣлъ уже спуститься съ войскомъ по Двинѣ, какъ внезапно, всходя на корабль, упалъ и умеръ (XIX, 10). По воззрѣнію ливонскаго хрониста, Божія Матерь, покровительница страны, а также Царица Небесная и Госпожа всего міра и всѣхъ земель, поразила его безвременной смертью (XXV, 2).

Принципіальный историческій интересъ представляетъ дальнѣйшая судьба лена Ливоніи, *вассальнаго княжества Герцике*.

Мы видѣли, какъ, вынуждаемый обстоятельствами, князь Всеволодъ поздней осенью или зимою 1209-го, а можетъ быть и въ началѣ 1210 года, на погостѣ Св. Петра въ Ригѣ призналъ себя вассаломъ епископа. вмѣстѣ съ женой и остальными плѣнниками вернулся онъ въ свои урѣзанныя владѣнія, созвалъ своихъ людей, которые разбѣжались при взятіи Герцике, и сталъ снова отстраивать свое укрѣпленіе (которое здѣсь и дальше названо «castrum», тогда какъ раньше civitas «civitas»). Уже на этомъ мѣстѣ хронистъ замѣчаетъ, что онъ впоследствии участвовалъ однако въ замыслахъ литовцевъ, нарушилъ обѣщанную вѣрность и часто подстрекалъ язычниковъ противъ нѣмцевъ въ Куконосѣ (XIII, 4).

Что во время переговоровъ епископа съ княземъ полоцкимъ близъ Герцике Всеволодъ сталъ на сторону послѣдняго, а не своего сюзерена, видно изъ того, что, по словамъ хроники, войска Владиміра заняли укрѣпленіе. Въ 1214 г. рыцари изъ Куконоса — Мейнгардъ, Іоаннъ, Іорданъ и др. обвинили его въ томъ, что онъ уже много лѣтъ не являлся къ епи-

тится въ Иксулѣ. Сами же они должны позаботиться о томъ, чтобы прилично *наградить церковь* ⁶⁸⁾. Затѣмъ названы по именамъ свидѣтели и въ заключеніе приписано: «Acta sunt hec in Riga» и т. д.

95 Содержаніе приведеннаго документа поразительно во многихъ отношеніяхъ. Припомнимъ прежде всего то, что князь Всеволодъ, подчинившись въ 1209 (или началѣ 1210) г., уступилъ епископу ту часть своихъ владѣній (западную), которая была обращена нѣмецкими миссіонерами. Въ излагающемъ это событіе документѣ въ числѣ уступленныхъ епископу укрѣпленій названы опредѣленно «Autina» (или *Autine*) и «Zessowe» (теперешнее *Sesswegen*), и изъ позднѣйшихъ актовъ раздѣла мы узнаемъ, что въ 1211 или 1212 г. «Autine» (= *Autine*) досталось епископу, а «Zessowe» ордену; въ 1213 году «Chessowe» снова дѣлается владѣніемъ епископа, а «Autine»
96 остается за орденомъ. Укрѣпленіе же Герцике, какъ намъ извѣстно, осталось нераздѣльно за Всеволодомъ, и въ разсказѣ хрониста оно упоминается въ 1212, 1214 и 1215 гг. какъ его нераздѣльная собственность. И вотъ въ 1224 г. епископъ Альбертъ объявляетъ, что онъ «*по просьбѣ короля Герцике половину укрѣпленія Герцике и всѣхъ принадлежащихъ къ нему владѣній, за исключеніемъ Аутене, отдалъ въ ленъ рыцарю Конраду фонъ Иксулю*» — и, какъ явствуетъ изъ текста, *также и укрѣпленіе «Cesso»* (= *Sesswegen*), гдѣ должна выплачиваться епископу десятина въ томъ самомъ размѣрѣ, какъ въ укрѣпленіи Иксулѣ, которое съ 1201 года дано было въ ленъ рыцарю Конраду фонъ Мейендорпе (*Meiendorpe*) (Генр. V, 2). — Потомъ, изъ того же документа узнаемъ ту важную подробность, что князь Всеволодъ въ силу новаго договора, состоявшагося самое позднее 21-го іюля 1224 г., уступилъ своему сюзерену *поло-*
97 *вину своего укрѣпленія, а, можетъ быть, опять и часть своей земли.* Мало вѣроятности, чтобы Всеволодъ *добровольно* отказался отъ половины своего укрѣпленія, а, быть можетъ, и части своей земли; съ другой стороны, можно понять, что Конрадъ фонъ Мейендорпе получилъ «*по просьбѣ*» Всеволода половину его княжества (за исключеніемъ Аутене) вмѣстѣ съ половиной его резиденціи въ ленъ отъ епископа, потому что изо всѣхъ людей епископа онъ могъ быть наиболѣе пріятнымъ совладѣльцемъ для князя. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Всеволодъ вторично уступилъ

68) .... quod ad petitionem regis de Gerzike medietatem castri Gerzike et omnium bonorum eidem castro pertinencium excepto Autene concessimus Conrado militi de Ykesculle in beneficio feudali eo videlicet pacto, ut quicumque [sic] eorum absque herede prior discesserit [!], in altrum [!] ipsum beneficium ex integro transferatur. Si qua autem de predictis bonis adpresens a quolibet fuerint occupata, ea usque in Pascha proximo futurum expediemus vel in amicicia cum predicto rege et Conrado militi [!] componemus. Ceterum in castro Cessoe annona decimallis secundum mensuram, que Ykesculle datur, nobis solvetur [!]. Ipsi autem ad dotandam competenter ecclesiam procurabunt.

часть своихъ земель, потому что и въ самомъ документѣ 1209 (или начала 1210) года не сказано прямо, что онъ отдалъ «половину» своей земли. — Далѣе, то условіе, которое было поставлено, именно, что «если одинъ изъ нихъ [т. е. князь Всеволодъ или рыцарь Конрадъ] умретъ безъ наслѣдника, то ленъ его переходитъ къ другому», — указываетъ на извѣстное *довѣріе*, которое Всеволоду удалось приобрести у епископа, не смотря на прежнюю 98 его непокорность: за нимъ утверждалось такимъ образомъ право вернуть себѣ утраченную половину владѣній (правда, за исключеніемъ Аутине, принадлежавшаго ордену) при условіи, которое не заключало въ себѣ ничего невозможнаго! Въ виду этого довѣрія епископа къ князю Всеволоду, можно заключить, что между примиреніемъ князя и епископа и только что рассказаннымъ надѣленіемъ рыцаря Копрада фонъ Мейендорпе протекъ довольно продолжительный промежутокъ времени. Это примиреніе слѣдовательно должно было произойти задолго до 21-го іюля 1224-го года.

Въ качествѣ зависимаго отъ рижскаго епископа владѣнія Герцике упомянуто въ хроникѣ Генриха по поводу прибытія, въ 1225 году, папскаго легата Вильгельма, епископа Моденскаго (XXIX, 2). Нѣсколько недѣль 99 спустя, должно быть, въ августѣ мѣсяцѣ⁶⁹⁾ 1225 года, въ числѣ другихъ лицъ имѣлъ у него аудіенцію въ Ригѣ и князь Всеволодъ (XXIX, 4). — Мы встрѣчаемъ также его имя въ одномъ *документѣ*, который сохранился, къ сожалѣнію лишь въ сокращенномъ извлеченіи (регестѣ) на латинскомъ языкѣ; текстъ его въ переводѣ слѣдующій: свидѣтельствуемъ рижскій епископъ Николай [преемникъ Альберта] въ томъ, что *король Виссевальде* [т. е. Всеволодъ] изъ *Церике* (Zerike) [т. е. Gercike] островъ Вольфегольмъ и землю по сю сторону Двины, которая лежитъ между двумя ручьями, именно Ликсной и Рѣжицей (Reciza) [и] озеромъ Каферъ (Caffer), отдалъ аббату и капитулу Динамюнде. «Datum Rigae, 1230»⁷⁰⁾.

69) Ср. Пабстъ, стр. 346, на поляхъ.

70) Bunge, Urkundenbuch, т. VI, стр. 7, № 117а. Дата времени можетъ возбудить сомнѣніе. Бар. Толль и Шварцъ, Brieflade, ч. III, стр. 146 и слѣд. не упоминаютъ объ этомъ документѣ; по ихъ мнѣнію, епископскій престолъ пустовалъ со смерти Альберта, т. е. съ 17-го января 1239 г., до времени между 17-мъ февраля и 8-мъ апрѣля 1231 г., и вообще до насъ не дошло другихъ документовъ уже избраннаго на епископство Николая за первый періодъ времени. Если съ своей стороны Döring (Balt. Monatsschrift, ч. 23, стр. 436) относитъ документъ къ «декабрю» 1230 г., то это произошло отъ недоразумѣнія (ср. съ приведеннымъ документомъ — документъ № 117, т. I). Дёрингъ принялъ ручей Ликсну за теперешнюю Lixhänka близъ имѣнія Lixna въ двухъ миляхъ ниже Динабурга, другой же ручей — не за теперешнюю Рѣжицу, но за ручей Iwah близъ Nitzgal'я въ двухъ миляхъ ниже Ликсны. Правильно ли это — не беремся рѣшить. — Предположеніе академика Куника въ книгѣ Биленштейна: Grenzen и т. д., стр. 474 (гдѣ, впрочемъ, годъ напечатанъ невѣрно: вмѣсто 1230—«1240»-ой), что «insula Wolfenholm» тождественна съ «insula regis» (см. Bunge, Urkundenbuch, I № XVIII, № 23), не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ уже

100 Въ виду этого приходится оставить неразрѣшеннымъ вопросъ, былъ ли еще живъ Всеволодъ во время составленія документа. И какъ не въ состояніи мы опредѣлить годъ его смерти, также точно не можемъ отвѣтить на вопросъ, *какова была окончательная судьба княжества Герцике*. Можно строить на этотъ счетъ одни только предположенія, такъ какъ единственнымъ источникомъ является съ трудомъ поддающійся объясненію документъ епископа Николая, помѣченный: Торейда (Toreidhia) 19-го апр. 1239 г.⁷¹⁾

Въ пемъ объявляетъ епископъ, что онъ рѣшилъ лежащее на Двинѣ *мѣсто по имени Герцике*, которое его законные владѣтели вмѣстѣ съ прилежащими землями и всѣмъ принадлежащимъ принесли свободно въ даръ его [т. е. рижской] церкви и получили отъ него въ ленъ, — укрѣпить съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы черезъ это съ этого мѣста произошелъ большой уронъ врагамъ и, съ Божіей помощью, большая польза новообращеннымъ 102 и т. д.⁷²⁾. Поэтому онъ даритъ названнымъ братьямъ [т. е. братьямъ Ливонскаго ордена] половину вышеупомянутаго укрѣпленія со всѣми принадлежащими къ нему землями, лѣсами, лугами и водами и всѣмъ инымъ во владѣніе со всѣми правами и съ уплатой десятины на томъ условіи, чтобы братья взяли на себя двѣ трети, а онъ [епископъ] одну треть расходовъ, какъ по *покупкѣ права у наслѣдниковъ лена*, такъ и по содержанію укрѣ- 103 пленія. Если же бы до окончанія переговоровъ съ наслѣдниками одинъ изъ нихъ умеръ, то половина того, чѣмъ онъ владѣлъ, досталась бы братьямъ безо всякихъ условій, также какъ ему [т. е. епископу] другая половина. Если бы далѣе одному изъ наслѣдниковъ вздумалось удержать за собою часть самаго укрѣпленія или другихъ принадлежащихъ къ нему имѣній, то онъ [епископъ] беретъ самъ, безъ участія братьевъ, помѣститъ его въ своемъ [т. е. епископскомъ] участкѣ и т. д.⁷³⁾.

по Биленштейну, стр. 464 (№ 33) «insula regis» лежала «ниже Гольма (Dahlen)», слѣдовательно въ *ливонской* части Двинскаго края, которая *вовсе не относилась* къ княжеству Герцике
71) Bunge, Urkundenbuch, Bd. I, № CLXIII, Reg. № 183.

72) ... locum castrî, qui Gercike dicitur, situm super Dunam, cujus proprietatem legitimi possessores cum terris adjacentibus et pertinentiis omnibus ecclesiae nostrae libere donaverunt et a nobis receperunt in feodo, munire decrevimus, eo praesertim intuitu, quod, sicut apparet, de ipso loco multa detrimenta sint hostibus, et neophitis, annuente Domino, commoda profutura. Относящееся сюда придаточное предложеніе непосредственно за этимъ слѣдующаго періода: «Consideramus etiam, quod, si locum eundem gentium praesoccuparet industria, profectum fidei per hoc contingeret plurimum impedire» — передано у Бунге въ цитируемомъ нами извлеченіи неправильно, а именно: «если бы это мѣсто было *снова* захвачено азычниками».

73) ... dictis fratribus medietatem praedicti castrî et omnium ad ipsum pertinentium in terris, arboribus, graminibus et aquis et aliis quibuscunque, donamus percipienda cum omni jure et libertate et fructibus decimarum, eo pacto ut ipsi fratres tam in redimendo iure pfeodali ab heredibus, quam in conservando castro duas partes faciant et nos tertiam expensarum. Si autem antequam componantur cum heredibus, aliquem heredum mori contigeret, media pars eorum, quae ad defunctum pertinebant, absolute cedet, sicut et nobis altera media, fratribus memoratis. Porro si alicui heredum placuerit habere in castro ipso aut aliis bonis pertinentibus portionem: uos in uostra parte sine fratrum gravamine ipsos tenebimur collocare.

Спрашивается, кто же были «законные владѣтели» Герцике, о которыхъ 104 говорится въ началѣ документа, и кто упомянутые дальше «наслѣдники»?

Подъ первыми мы, по всей вѣроятности, должны разумѣть князя Всеволода и его ближайшее потомство. Правда, лишь самъ Всеволодъ по договору 1209 (или начала 1210) года какъ сказано, «принесъ свободно въ даръ» рижской церкви свое право собственности въ отношеніи Герцике, и, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ владѣлъ имъ уже какъ леномъ, то ни самъ онъ, ни кто либо изъ его потомковъ уже не могъ приносить его свободно въ даръ. Но могло быть, что по смерти Всеволода его потомство *снова получило въ ленъ* свою часть Герцике, тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ до- 105 кумента 1224 г., епископъ Альбертъ призналъ за нимъ право на наслѣдованіе лена. Если обратить вниманіе на буквальный смыслъ словъ: «*locum castri, qui dicitur G., . . . cuius proprietatem legitimi possessores . . . ecclesie nostrae libere donaverunt et a nobis reciperunt in feodo*» — то изъ него придется вывести, что при епископѣ Николаѣ потомство Всеволода снова надѣлено было леномъ.

Что касается далѣе много разъ упоминаемыхъ «наслѣдниковъ», то, прочитывая документъ безъ предвзятой мысли, выносишь впечатлѣніе, что «законные владѣтели» Герцике, которыми, вообще говоря, могъ быть только Всеволодъ и его ближайшее потомство, не задолго передъ тѣмъ вымерли, а упоминаемые «наслѣдники» были ихъ потомки, которые имъ наслѣдовали, т. е., должно быть, *внуки Всеволода*. Не упомянуто о рыцарѣ Конрадѣ изъ Иксуля и его потомствѣ; между тѣмъ мы знаемъ, что въ 1224 г. ему также отдана была въ ленъ съ правомъ наслѣдства «половина укрѣ- 106 пленія Герцике и всѣхъ принадлежащихъ къ этому укрѣпленію имѣній». Такъ какъ притомъ и нѣтъ доказательствъ, что Конрадъ или его потомство не владѣли своей частью Герцике, то слѣдуетъ, можетъ быть, признать, что родъ «*Uexküll*» по прежнему былъ совладѣтелемъ ея. Во всякомъ случаѣ надо вывести изъ текста документа, что уступленная епископомъ Николаемъ орденскимъ братьямъ половина укрѣпленія Герцике и «всѣхъ принадлежащихъ къ нему земель и т. д.» — была именно *та часть, которая принадлежала наслѣдникамъ изъ рода Всеволода*. Слѣдовательно, епископу должна была достаться та часть, которая дана была за пятнадцать лѣтъ передъ этимъ рыцарю Конраду, независимо отъ того, была ли эта часть въ это время посредственнымъ или непосредственнымъ владѣніемъ епи- 107 скопа ⁷⁴).

74) Конрадъ фонъ Мейендорпе (или Конрадъ изъ «*Ykescole*», «*Ikescola*» и пр.) въ послѣдній разъ упоминается въ числѣ свидѣтелей въ документѣ 1224 г. или 1225 г. (*Випге, Urkundenbuch*, т. I, № LXI до LXIII и LXX; документъ № LXX можетъ быть также относимъ къ «началу 1225 январскаго года», см. стр. 142, прим. 101 этого изслѣдованія). Если онъ,

108 Въ то же время мы узнаемъ изъ рассматриваемаго документа, что во время его составленія потомкамъ Всеволода еще принадлежало право на ихъ наслѣдственную часть; почему и слѣдуетъ особенно тщательно изслѣдовать, насколько эта половина Герцике и пр. могла быть «дана въ даръ»
 109 нѣмецкому ордену. А это, какъ мы видѣли, совершилось *при извѣстныхъ условіяхъ*; на это указываетъ, повидимому, и употребленное здѣсь выраженіе «*donamus*» въ противоположность болѣе сильному обороту «*libere donaverunt*», употребленному раньше — тамъ, гдѣ говорится о «*legitimi possessores*». Условіе состояло въ томъ, что при покупкѣ лена у наслѣдниковъ и по содержанію укрѣпленія орденъ долженъ былъ взять на себя двѣ трети расходовъ, тогда какъ епископъ Николай — остальную треть. Далѣе, епископъ обязывался въ томъ случаѣ, если бы кому нибудь изъ наслѣдниковъ вздумалось сохранить за собою часть укрѣпленія или принадлежа-
 110 щихъ къ нему имѣній, помѣстить его въ своей части владѣній. А это было легко исполнимо тогда, когда участокъ епископа находился въ иксульскомъ ленѣ и вассалъ, удаляемый изъ области, относящейся къ Герцике, могъ быть вознагражденъ въ другомъ мѣстѣ; черезъ это соблюдался общій

столь выдающийся вассалъ епископа, ни разу не упомянутъ въ послѣдующихъ годахъ, то слѣдуетъ заключить, что онъ умеръ въ 1225 г., тѣмъ болѣе что въ документѣ 1239 г. упомянутъ въ качествѣ современника «*Johannes miles de Ykescole*». Онъ *не можетъ* быть тождественъ и съ тѣмъ рыцаремъ Конрадомъ фонъ «*Ykescolle*», о которомъ упоминается какъ о не за долго передъ тѣмъ умершемъ въ документѣ 1257 г., приводимомъ у Гильдебранда подъ № 6 и очень важномъ для исторіи рода «*Uexküll*». Эта невозможность, кромѣ всѣхъ предыдущихъ данныхъ, станетъ ясно уже изъ самаго сопоставленія годовъ: сликомъ невѣроятно, чтобы, получивъ свой ленъ въ 1201 году, онъ еще въ 1257 г. могъ имѣть «вотчина», которому тогда архіепископъ Альбертъ (*Suerheer*) передалъ его ленныя владѣнія Иксуль и «*Calwe*» («*Calwe*», «*Kalven*» и проч. — часто встрѣчающіяся названія мѣстностей; см. списокъ названій въ сочиненіи Биленштейна «*Grepenen*» стр. 499 и слѣд.; въ текстѣ документа, впрочемъ, стоитъ собственно «*Calme*»; «*Calwe*» — конъектура Гильдебранда). Впрочемъ, какъ будетъ отмѣчено ниже, въ документѣ о надѣленіи леномъ въ 1257 г. Герцике не названо. Не смотря на это весьма возможно (если бы только не явились сомнѣнія другого рода), что Герцике — правильнѣе часть его, что именно надо принять, основываясь на сопоставленіи упоминаній о Герцике, сдѣланномъ Дерингомъ въ «*Balt. Monatschrift*», т. XXIII, стр. 437 и слѣд., — въ 1257 г. принадлежало родственнику другого извѣстнаго намъ Конрада Иксуля и только позже сосредоточилось вмѣстѣ съ замкомъ Иксуль въ рукахъ одного владѣльца. Достойно замѣчанія еще то, что, на основаніи документа № 10 въ собраніи Гильдебранда, въ 1348 г. «Герцике» (именно только часть его, какъ было уже сказано) еще принадлежало, или, можетъ быть, снова принадлежало роду «*Uexküll*». (Въ связи съ этимъ, мимоходомъ замѣтимъ, получаетъ особенный интересъ извѣстіе хрониста Германа Вартбергскаго, что въ 1304 г., или раньше, одинъ рыцарь, Іоаннъ Иксуль, былъ взятъ въ плѣнъ литовцами въ «укрѣпленіи Герцике»; кромѣ другихъ, носившихъ то же имя, въ упомянутомъ выше документѣ № 10 упоминается также «*dominus Johannes de Ykesculle miles generosus*»). — Итакъ, мы видимъ, что въ 1239 г. рыцаря Конрада фонъ Мейендорпе уже не было въ живыхъ, и что представители рода «*Uexküll*» въ XIV столѣтіи (во всякомъ случаѣ въ 1348 г. или, можетъ быть, «около 1304 г.») имѣли владѣнія въ области Герцике; но мы не въ состояніи доказать, что ихъ владѣніе, начиная съ 1224 г., было непрерывнымъ.

принципъ, что ордену достается «половина» Герцике и пр. Принципъ этотъ подвергался ограниченію лишь въ томъ случаѣ, если бы до окончанія переговоровъ кто нибудь изъ наслѣдниковъ умеръ; въ такомъ случаѣ одна половина владѣній умершаго перешла бы безусловно къ ордену, а другая къ епископу. Но по поводу этого ограниченія надо отмѣтить, что въ этомъ случаѣ орденъ не уплачивалъ вознагражденія, предусмотрѣннаго въ главномъ условіи.

Наконецъ, изъ того же документа видно, что въ 1239 г. *укрѣпленія Герцике* не существовало; чтобы объяснить этотъ фактъ, нѣтъ надобности предполагать военную причину: укрѣпленіе могло быть уничтожено также 111 случайнымъ пожаромъ.

Что касается *дальнѣйшихъ извѣстій о Герцике*, то особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ два обстоятельства. Впервыхъ, принятое въ 1239 г. рѣшеніе отстроить укрѣпленіе Герцике, повидимому, не было приведено въ исполненіе, потому что, какъ оказывается, лишь въ XIV столѣтіи мы опять встрѣчаемъ «castrum» Герцике; и во вторыхъ, право ордена на «половину» укрѣпленія и «всего къ нему принадлежащаго» начѣмъ не подтверждается. Напротивъ, по документу 1256 г., рижскій архіепископъ Альбертъ (Suerbeer) и орденъ сговариваются о томъ, чтобы уладить разные спорные вопросы, и, между прочимъ, рѣшаютъ, чтобы «третья часть мѣста укрѣпленія Герцике, вмѣстѣ съ землею, десятиной и всѣми свѣтскими правами принадлежала имъ [т. е. орденскимъ братьямъ], а намъ [т. е. архіепископу] осталось одно духовное право⁷⁵⁾». 112

Послѣ всего вышеизложеннаго остается пожалѣть, что мы не обладаемъ достаточнымъ матеріаломъ для того, чтобы сдѣлать какіе нибудь прочные выводы о судьбѣ прежняго полоцкаго удѣла и единственнаго вассальнаго княжества Лифляндіи.

---

75) См. F. Döring I. с.: сопоставленіе упоминаній о Герцике, а также и документъ № CCLXXXVIII въ собраніи Бунге, т. I; исправленный текстъ его у Биленштейна «Grenz», стр. 432: «... ita videlicet quod locus castrі in Gerzeke pro tertia parte cum terra, decimis et omni jure temporali sit eorum, spirituali jure nobis tantum relicto». По поводу даты времен см. баронъ Толль и Шварцъ: «Est- und Livländische Brieflade», часть III, стр. 153; по поводу упомянутаго въ документѣ «magister Ludovicus» см. стр. 7 и 17.

II.

113

О дани, платимой Пскову землю Толова.

Въ 1224 году нѣмцы предоставили русскимъ получить дань съ земли Толова; вотъ фактъ, имѣющій важное государственное значеніе, поскольку онъ противорѣчитъ мнѣнію о *полномъ* господствѣ нѣмцевъ въ предѣлахъ названной области. По крайней мѣрѣ въ XIII столѣтіи. Важно еще и то, что этотъ фактъ еще ни разу не былъ разсмотрѣнъ какъ слѣдуетъ въ исторической литературѣ балтійскаго края⁷⁶). Выше мы видѣли, что, хотя во всѣхъ другихъ мѣстахъ господство нѣмцевъ было вполне признано русскими, въ *одной только этой* области оно было признано ими неполнѣ.

Границы всѣхъ мѣстностей старинной Лифляндіи пока не могутъ быть опредѣлены совершенно точно; такъ и относительно земли Толова намъ приходится довольствоваться лишь общими топографическими указаніями: во время Генриха-хрониста она обнимала область по верхнему и среднему теченію Аа, граничила на востокѣ съ русскими владѣніями и прости-
115 ралась къ западу до озера Буртнѣкъ, такъ что Трикагуа (около имѣнья Трикатень) и Адзеле (около имѣнія Адзель), которыя упоминаются ниже рядомъ съ Толовой, должны быть включены въ нее какъ части ея⁷⁷). Жи-

76) А. фонъ Рихтеръ въ сочиненіи: «Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen» (2 части, Рига, 1857—1858) замѣчаетъ даже (часть I, стр. 148, прим. 58): «Въ журналѣ Inland за 1853 г. стр. 717 сообщается, будто епископъ Альбертъ и рыцари ордена общали русскимъ дальнѣйшую уплату дани, получаемой ими раньше съ земли Толова. Объ этомъ не говоритъ ни Генрихъ Л. (стр. 171 и 174) тамъ, гдѣ онъ упоминаетъ о посольствахъ русскихъ, ни актъ раздѣла Толовы (Sylv. doc. № 67), да это и не согласуется съ ходомъ обстоятельствъ». Авторъ просмотрѣлъ гл. XXVIII, 9 хроники Генриха. Воннелъ, не называемый Рихтеромъ авторъ статьи, которую онъ цитируетъ: «Die Begründung der römisch-deutschen Herrschaft in Livland» (Inland, за 1851—1854 гг.) первый далъ въ своей «Russisch-Livländische Chronographie» нѣкоторые важные *матеріалы подъ 1285 г.* Къ этимъ даннымъ возвращается Эдуардъ Пабстъ въ своемъ изданіи хроники Генриха, замѣчая на стр. 189, прим. 11: «еще въ августъ 1285 г.» дань платилась въ Толову русскимъ.

77) G. Vieghuff, въ протоколахъ засѣданій Общества исторіи и пр. за 1876 г. (Рига, 1877), стр. 60 и слѣд. считаетъ «несомнѣнно вѣрнымъ» предположеніе, что латинизированную Tolowa слѣдуетъ читать по латышски Tuhława, такъ что «Толова обозначаетъ землю, обтекаемую рѣкою Ава, Аа». Но слово «обтекаемую» вставлено произвольно. Первая часть слова tuhlu (= среднелатышскому tuwli) обозначаетъ именно «близко»; такимъ образомъ,

тели были летты или летигаллы, которыхъ хронистъ считаетъ постоянно 116 за одно племя ⁷⁸⁾.

Спеціально о *леттигаллахъ* Генрихъ рассказываетъ подъ девятымъ 117 годомъ правленія епископа Альберта, что они всегда платили дань русскимъ. Именно въ хроникѣ сказано (XI, 7): Въ началѣ 1208 года ⁷⁹⁾ священникъ 118 Алобрандъ, возвращаясь изъ Угауніи, проповѣдовалъ леттигалламъ на р. Имерѣ (Умега, или теперь Sedde, которая впадаетъ въ озеро Буртнекъ съ сѣверо-востока), причѣмъ вся земля ливовъ и нѣкоторые изъ леттигалловъ (plures ex Letigallis) приняли слово Божіе — слѣдовательно отъ *нѣмецкихъ*

единственно вѣрнымъ переводоу является «ближняя вода» или «прирѣчье» (Vieghuff указываетъ на образованную подобнымъ образомъ Месопотамію). Изъ документа № LXX (Bunge, Urkundenbuch, т. I) видно, что Толова распространялась *за правый берегъ* Аа до озера Буртнекъ (Astyerwe), такъ что она была дѣйствительно землею *около* (кругомъ) Аа за исключеніемъ, конечно, нижняго теченія рѣки, гдѣ мы кромѣ Аутины и области Вендена находимъ еще другія земли: по Биленштейну, «Fragmente aus der Ethnographie und Geographie Alt-Livlands» (Mitau, 1884) и «Grenzen» и т. д. (С. Петерб., 1892) — сперва Идумея (= лив. сѣверовосточная земля, приходъ Roop), къ югу и юговостоку Торейда, къ западу отъ нея Метзеполя между устьями рр. Аа и Салисъ; теперешніе приходы Папендорфъ и Венденъ имѣютъ еще чисто латышское [и вендское] населеніе, между тѣмъ какъ къ югу Сиггундъ и Ашераденъ слѣдуетъ разсматривать какъ поселеніе ливовъ на границѣ ихъ съ землею леттовъ. Равнымъ образомъ и теперешнее имѣнье Адзель съ развалинами замка находится какъ разъ на *правомъ* берегу Аа, отсюда возможна и его принадлежность къ землѣ Толова. (Adsele называется также Adze[ll]e и однажды Agzele, въ «Joh. Reppel, Livl. Historien» (издано R. Hausmann'омъ и K. Hohibaum'омъ, Göttingen, 1876, стр. 82 и 83) въ составленной въ среднѣй XIV ст. позднѣйшей стихотворной хроникѣ Bartholomäus'a Ноепекен названо также Adselland. Въ связи съ разсматриваемымъ ниже извѣстіемъ отъ 1285 года, то обстоятельство, что названное въ документѣ «Agsele» (= Adsele) не упомянуто вовсе у Генриха, мнѣ кажется, именно подтверждаетъ его принадлежность, какъ части, къ землѣ Толова, подобно тому какъ Трикатауа была также ея частью. Мое мнѣніе, наконецъ, что Толова простиралась къ востоку до русскихъ владѣній, подтверждается уже самымъ фактомъ дани, который предполагаетъ ея смежность съ землями Пскова. О размѣрахъ земли Толова и еще нѣкоторыхъ мѣстностей въ ней говорю я также на стр. 127, прим. 189, и на стр. 142, прим. 101; сверхъ того въ Приложеніи, стр. 226 и слѣд.

78) Gals обозначаетъ по латышски: конецъ, окраина, послѣднее, но также и: страна; см. Dr. C. Chr. Ulmanн, Lett. Wörterbuch (I часть, Рига, 1872). На этомъ основаніи, подъ летигаллами ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать однихъ только леттовъ по русской, эстонской или ливонской границѣ. Такъ Генрихъ, X, 3, свидѣтельствуетъ: «Reliqui . . . Livones et Lethos [въ другихъ мѣстахъ всегда почти Lettos], qui proprie dicuntur Lettigalli, cum armis suis vocant . . . Lethi vel Letthigalli adhuc pagani» . . . Въ такомъ же общемъ смыслѣ употребляется кромѣ обозначенія Lett[h]ia, встрѣчающагося у Генриха всего разъ (XXIX, 3), зато чаще въ документахъ, и обозначеніе Let[h]t[h]igallia. Такимъ образомъ, летигаллы въ противоположность леттамъ можетъ быть болѣе точнымъ обозначеніемъ для жителей земли леттовъ = *Леттландіи*; ср. переводъ имени семигаллы = по латышски «нижняя земля» — Pabst, стр. 59, прим. 11. На этомъ объясненіи я и позволю себѣ остановиться. Биленштейнъ, превосходный знатокъ латышскаго языка, переводитъ, впрочемъ, (Fragmente, стр. 9) названіе Lettgalli, какъ «жители латышской окраины (Gals = окраина), земли къ сѣверу отъ Двины, обитатели которой вмѣстѣ съ семигаллами и зело-нами составляли «все латышское племя».

79) Pabst, стр. 91, примѣчаніе на поляхъ.

119 миссіонеровъ также, какъ и ливы⁸⁰). Хотя говорится, что ученіе Алобрайда было принято ими съ радостью, однако же они бросали жребій, чтобы узнать, на что ихъ боги даютъ свое соизволеніе, на то ли, чтобы они приняли крещеніе отъ *русскихъ изъ Пскова вмѣстѣ съ другими летигаллами изъ Толовы*, или чтобы они крестились отъ латинянъ (an Ruthenorum de Plicescowe cum aliis Letigallis de Tholowa, an Latinorum debeant subire baptismum). Именно въ одно время съ послѣдними подошли русскіе, чтобы крестить *своихъ летигалловъ изъ Толовы, которые всегда были ихъ данниками* (Nam Rutheni eorum tempore venerant, baptizantes Lethigallos suos de Tholowa, sibi semper tributarios). Жребій рѣшилъ въ пользу латинянъ; и тогда съ соизволенія епископа и при содѣйствіи посвященнаго въ это время въ священники Генриха хрониста Алобрандъ крестилъ пародъ. Генрихъ остался жить здѣсь, Алобрандъ же возвратился домой, послѣ того какъ совершилъ крещеніе въ краѣ (consumpto baptismo in finibus).

120 Но подъ этимъ «краемъ», только что приобрѣтеннымъ для западной католической церкви — вопреки тому мѣсту хроники, гдѣ говорится: «postquam jam tota Livonia baptizata est et Lethigallia» и гдѣ слово «tota» относится именно только къ Ливоніи, — не надо подразумѣвать остальной части Толовы, жители которой были крещены греческой церковью; сейчасъ будетъ показано, что эти летты восточно-греческаго исповѣданія перешли только въ 1214 г. въ католичество. Изъ приведеннаго въ извлеченіи разсказа напротивъ слѣдуетъ, что

1) только тѣ обитатели Толовы, которые платили дань русскимъ, подчинились восточной церкви;

2) такъ какъ крещеніе принесено было къ этимъ леттамъ русскими изъ Пскова, то и дань, наложенная на этотъ край русскими — за исключеніемъ Аутине, насколько можно его причислять къ землѣ Толова, — платилась, очевидно, княжеству псковскому, чему мы найдемъ подтвержденіе въ послѣдующихъ извѣстіяхъ⁸¹);

3) относительно *леттовъ на р. Имеръ* мы знаемъ, что они не были данниками русскихъ, и именно въ 1208 году подчинились римской церкви. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ признать, что они одновременно подчинились и нѣмецкому господству, потому что *такое подчиненіе обыкновенно предполагалось при принятіи крещенія* отъ нѣмецкихъ миссіонеровъ; отсюда понятно, почему латышскій священникъ Генрихъ могъ получить свой при-

80) Разумѣются не одни только летты изъ Идумеи (Генр. X, 15); также XI, 5—6 говорится объ обращенныхъ уже леттахъ; а не за долго передъ тѣмъ князь куконоскій Вячко принужденъ былъ уступить епископу половину своей (латышской же) области (XI, 2).

81) Однако нельзя установить съ достовѣрностью время, съ котораго этотъ край сталъ платить дань, и именно Пскову. Ср. относящіяся сюда указанія у Боннеля, Chronographie.

ходъ къ югу отъ Имеры, — по всей вѣроятности, въ Вольфартъ⁸²⁾, — *ex lenz* (in beneficium XI, 7) и на томъ же основаніи еще зимою 1213—1214 года посылать епископскому фогту Владиміру⁸³⁾ хлѣбъ и подарки¹²² изъ своего прихода (XVII, 6).—Основываясь на буквальномъ смыслѣ приведеннаго отрывка, въ которомъ говорится объ «остальныхъ летигаллахъ въ Толовѣ», и по поводу русскихъ — объ «ихъ летигаллахъ въ Толовѣ» —, нельзя однако доказать, что ихъ мѣстность принадлежала къ землѣ Толова. По акту раздѣла 1224 г. послѣдняя простиралась во всякомъ случаѣ до озера Буртнекъ. Однако мы не знаемъ, обнимала ли она сѣверовосточный его берегъ и далеко ли вообще она тянулась къ сѣверозападу, потому что въ другихъ относящихся сюда мѣстахъ хроники, гдѣ упоминается Толова, *земля по р. Имеръ къ ней не причисляется*. Это привело Пабста (стр. 105, прим. 21) къ предположенію, что эта мѣстность могла принадлежать, какъ¹²³ часть, къ Толовѣ, но рано отъ нея отдѣлилась. Мы въ нашемъ изслѣдованіи будемъ понимать размѣры Толова въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, придерживаясь общепринятаго употребленія — по крайней мѣрѣ въ хроникѣ Генриха. Тогда рождается вопросъ: одновременно ли католицизмъ и нѣмецкое господство проникли въ тотъ край или часть того края, который съ достовѣрностью можетъ быть названъ землею Толова? Ибо должно остаться всетаки *не рѣшеннымъ*, какъ далеко къ западу простиралась миссіонерская дѣятельность русскихъ, и не распространялась ли самая дань на одну только восточную часть края.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о событіяхъ намъ будутъ не разъ попадаться имена трехъ латышскихъ укрѣпленій: Sotekle, Autine и Beverin и старшинъ изъ этихъ укрѣпленій — Руссина, Варидота и Талибальда (seniores). Она вмѣстѣ съ провинціальнымъ магистромъ ордена въ Венденѣ,¹²⁴ Бертольдомъ⁸⁴⁾, въ томъ же самомъ году отправили сообща пословъ къ эстамъ въ Угаунію, чтобы договориться съ ними о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ; когда уже послѣ неудачи первоначальныхъ переговоровъ, вторичные тоже не привели ни къ какому соглашенію, Варидотъ вмѣстѣ съ другими старшинами леттовъ (cum allis Lethtorum senioribus) явился въ Ригу, прося вооруженной помощи. Помощь была дана, и со всей Ливоніи и Летигалліи (de tota Livonia et Leththigallia) созвано было сильное и большое войско (XII, 6). Отнынѣ стояли *нѣмцы и летты* противъ эстовъ, противъ жителей Эзеля, литовцевъ и русскихъ (изъ Полоцка, Герцике и Ку-

82) Пабстъ, стр. 229, прим. 8.

83) Володиміръ Мстиславовичъ, у Генриха Waldemarus, въ русскихъ источникахъ также Владиміръ, былъ братъ знаменитаго князя Мстислава Мстиславича Удалого.

84) Bunge, Orden der Schwerbrüder, стр. 37 и слѣд.

коноса) *въ тѣсномъ военномъ братствѣ*. Мы постараемся изслѣдовать, насколько это послѣднее обусловливалось самой подчиненностью леттовъ.

Три укрѣпленія составляли, по Биленштейну, «топографически и политически одну группу»⁸⁵). Относительно ихъ мѣстоположенія Пабстѣ (стр. 105, прим. 21) замѣчаетъ: «*Аутине* не находилось въ Идумѣ; XVI, 7; что она, подобно укрѣпленіямъ Зотекле и Беверинъ, принадлежала къ землѣ Толова, — это весьма мало вѣроятно, если сравнить XVI, 3, 6, 7 хроники Генриха и документъ № XXXVIII съ XVIII, 3 и документомъ № LXX». Этотъ доводъ однако не имѣетъ рѣшающей силы, если Аутине также, на основаніи документа № XV, только въ 1209 году перешло *отъ князя Герцике* во владѣніе епископа, между тѣмъ какъ (остальная) Толова могла платить дань только Пскову⁸⁶). На этомъ основаніи въ нашемъ обзорѣ церковныхъ и политическихъ событій края намъ придется не касаться области этого укрѣпленія, которое слѣдуетъ искать во всякомъ случаѣ не далеко отъ Вендена. — *Беверинъ* лежалъ, навѣрно, въ треугольникѣ между рр. Аа и Имерой и озеромъ Буртнекъ, можетъ быть, на восточномъ берегу озера Вайдау и дальше къ сѣверу⁸⁷). Старшина этого укрѣпленія, Талибальдъ (XII, 6), разсматривается далѣе (XVIII, 3) какъ старшина изъ Толовы и въ XVII, 2 — именно изъ мѣстности Трикатуа⁸⁸). Онъ имѣлъ, насколько видно изъ источниковъ, трехъ или четырехъ сыновей, которые причислялись къ укрѣпленію Беверинъ XVIII, 5 и изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ имѣлъ свою осѣдность близъ озера Буртнекъ⁸⁹). Подъ

85) Bielenstein, Bericht über die Heidenburgen an der livl. Aa. Magazin der lett.-litte-rarischen Gesellschaft, часть XV, выпускъ 2 (Митава, 1873 г.), стр. 26—53, особенно стр. 49.

86) Относительно мѣстонахожденія *Autine* и принадлежности ея къ Толовѣ, допускаемой Биленштейномъ, см. Приложеніе къ этому сочиненію: на стр. 243 и слѣдующихъ.

87) См. Приложеніе, стр. 243, а также хронику Генриха Л. XIV, 8 и Пабстѣ, стр. 131, прим. 10.

88) Въ виду большихъ размѣровъ Толовы надо предположить, что Талибальдъ былъ старшиной надъ одной только Трикатуа, а не надо всей Толовой; слѣдовательно округъ Трикатуа могъ простираться къ западу за рѣку Аа (можетъ быть до озера Буртнекъ). Заслуживаетъ во всякомъ случаѣ вниманія и то еще, что въ главѣ XV, 7 два другіе латыша, Доте и Панке, названы старшинами изъ Беверина. — Кромѣ упомянутыхъ до сихъ поръ, въ хроникѣ Генриха упоминаются еще двое латышскихъ старшинъ, именно Мелуке и Варигрибле (XXIII, 5; послѣдній также XXV, 12); въ 1219 г. они принадлежали къ латышамъ, подчиненнымъ ордену (*Letti fratrum milicie*) подобно латышамъ Куконоса.

89) Талибальдъ † 1215 г.

Рамеке, или Рамеко. Варибуле. Дривинальде. Четвертый (?) сынъ † 1220 г.

Относительно предполагаемаго четвертаго сына, подъ которымъ, можетъ быть, разумѣется Варибуле, см. XXIII, 9. Дривинальдъ здѣсь названъ «*de Astigerwe*» (на озерѣ Буртнекъ). Если справедлива догадка Пабста (стр. 314, прим. 8), что прежній приходъ «*zu Ramke*» и помѣстье Рамкау въ округѣ *Rebalg*, получили названіе свое отъ Рамеке, то этимъ самымъ уже доказывалось бы мое предположеніе, само по себѣ вѣроятное и подробнѣе мотивируемое мною ниже (см. стр. 228 этого изслѣдованія); а именно, что Толова про-

1214 годомъ мы и находимъ разсказъ о томъ, что къ рижскому епископу 128 Филиппу Рацебургу, который въ это самое время начиналъ строить въ 129 землѣ Торейда укрѣпленіе Фределяндъ⁹⁰), пришли сыновья Талибальда изъ 130 Толовы — Рамеке съ братьями, отдали себя во власть епископа и обѣщали перемѣнить христіанскую вѣру, принятую ими отъ русскихъ, на обычай латинянъ (*tradentes se in potestatem episcopi, promittentes se fidem christianam a Ruthenis susceptam, in Latinorum consuetudinem commutare*). Въ то же время была опредѣлена годичная подать — мѣра зернового хлѣба отъ пары лошадей — съ тѣмъ, чтобы епископъ постоянно защищалъ ихъ въ мирное и военное время; затѣмъ священникъ, который былъ не далеко отъ Имеры, долженъ былъ принять ихъ въ лоно католической церкви⁹¹). — *Вмѣсто союза только теперь является добровольное подчиненіе (1214); 131*

стиралась и по обоимъ берегамъ *верхняго* теченія Аа. Но Рамкау принадлежало, по крайней мѣрѣ впоследствии, къ землямъ епископіи, и изъ текста раздѣльнаго акта 1224 г. (документъ № LXX) слѣдуетъ заключить, что владѣніе Рамеке лежало между рѣкою Wihje, которая впадаетъ въ Аа съ юга въ приходѣ Трикате, и озеромъ Буртнекъ. Въ документѣ говорится именно, что епископъ Альбертъ предоставляетъ ордену лежащую на р. Вива деревню, [далѣе] владѣнія челоуѣка, который зовется Рамеке, и все до озера Буртнекъ, что только принадлежало ему, епископу, до раздѣла (*villam apud Viwam fluvium sitam, terminos possessionum viri, qui Rameke dicitur, et quicquid in possessione nostra ante hanc divisionem habuimus usque Astyerwe*; ср. 13 ниже цитируемаго тома Mittheilungen, стр. 13). Что подъ р. Вива надо подразумѣвать Wihje, недавно доказалъ G. Berkholtz въ «*Vermischte Bemerkungen*» къ Нерльбаховскому изданію документовъ архива рижскаго капитула (Mittheilungen für Geschichte и пр., Riga 1881 г., т. XIII, выпускъ 1, стр. 24—48, особенно стр. 37 и слѣд.). — Представлялось бы, повидимому, возможнымъ отождествить упомянутую много разъ въ документахъ Gulbana съ теперешнимъ Шваненбургомъ (по латышски Gulbene, gulbis = лебедь), подобно тому какъ Бунге замѣнилъ Prebalge черезъ Pehalge (Pehalg = латышск. Peehalga); но такое предположеніе должно быть оставлено, послѣ того какъ Беркгольцъ показалъ на стр. 46, что упомянутыя тамъ двѣнадцать деревень «слѣдуетъ искать только въ теперешнемъ приходѣ Буртнекъ, или Вольфартъ, или же Вольмаръ». Но возможно ли искать ихъ въ приходѣ Вольфартъ? По Пабсту именно тамъ находилась церковь жителей Имеры, область которыхъ, какъ мы видѣли, уже не относится къ Толовѣ. Биленштейнъ въ своихъ «*Fragmente*» «часто возвращается къ мысли, что границы теперешнихъ приходовъ часто весьма древни» (стр. 19 и въ друг. мѣстахъ). Приходъ же Буртнекъ, который во всякомъ случаѣ принадлежитъ къ Толовѣ, отдѣляется отъ трикотенскаго приходами Вольфартъ и Вольмаръ. Относительно же Вольмара у Биленштейна сказано, что Аугине лежало «въ немъ или близъ него». Если признать основательность этихъ соображеній, то сужденіе Биленштейна о границахъ приходовъ придется называть *не вполне точнымъ* по отношенію къ западной части Толовы.

90) Относительно его мѣстонахожденія см. Биленштейна: «*Bericht über die Heidenburgen*»; также гр. Карлъ Георгъ Зиверсъ: «*Beitrage zur Geographie Heinrich's von Lettland*» (Mittheilungen der lett.-historischen Gesellschaft), т. XV, вып. 4. Митава, 1877); также Биленштейнъ: «*Grenzen*», стр. 50.

91) Генрихъ XVIII, 3. Относительно даннаго ему порученія хронистъ выражается не совсѣмъ опредѣленно: «... qui eis fidei sacramenta ministrando *discipline christiane* daret *inicia*». Такимъ образомъ видно изъ *всего положенія дѣлъ*, что восточное христіанство было принято ими чисто внѣшнимъ образомъ. Остается спорнымъ, греческое или римское вѣроученіе исповѣдовалъ Талибальдъ въ слѣдующемъ году, когда онъ умеръ смертью мученика (XIX, 3), такъ какъ о немъ не говорится опредѣленно, чтобы онъ былъ католикъ.

которое должно было распространяться и на область другого латышскаго укрѣпленія — Зотекле, положеніе коего также не можетъ быть точно опредѣлено⁹²⁾. Съ этихъ поръ вся Толова является намъ подчиненною нѣмецкому господству. Правда, за два года до этого (1212) упоминается, что во время возстанія леттовъ съ береговъ Аа и леттовъ изъ Аутине, Руссинъ, старшина изъ Зотекле, былъ убитъ на стѣнахъ Sattesele⁹³⁾, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ самъ принималъ тогда участіе въ возста-

132 ній. Такъ, въ переговорахъ, начатыхъ имъ съ Бертольдомъ, онъ называетъ его своимъ «другомъ» (латышское draugs, у Генриха латинизированное draugus XVI, 4) — тамъ, гдѣ онъ напоминаетъ о прежнемъ мирѣ и дружбѣ (pacis familiaritatis pristinae verba proponens); участіе же въ битвѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ смѣлому и предприимчивому характеру героя.

То, что *одна только* область р. Имеры принадлежала въ продолженіи шести предшествующихъ лѣтъ нѣмцамъ — безъ той даже части Толовы, которая идетъ отъ нея къ югу до Аутине, и безъ Венденскаго округа, — не должно насъ особенно удивлять, если припомнимъ, что территориальная смежность все же существовала черезъ мѣстность Метзеполе, населенную ливами и лежащую къ западу отъ озера Буртнекъ, которая была уже под-

133 чинена нѣмцамъ. Она и составляла долгое время границу между рижскимъ и псковскимъ владычествомъ. Самый союзъ Риги съ Толовой, платившей дань русскимъ, не привелъ къ открытому разрыву обѣихъ сторонъ. Правда, расширеніе нѣмецкаго вліянія въ землѣ *эстовъ* возбуждало въ Новгородѣ и Псковѣ подозрѣнія: въ 1210 году русскіе осадили Оденпе, заставили заплатить себѣ сумму денегъ и начали крестить (XIV, 2). Но хронистъ рѣшительно утверждаетъ, что въ то время съ псковичами былъ миръ (qui tunc eam et poverunt pacem habentes), что даже въ этомъ году были сообще-
134 предпринять походъ до Вика (XIV, 10). Правда, черезъ два года обнаружилось неудовольствіе псковичей противъ князя Владиміра и онъ былъ изгнанъ за то, что онъ выдалъ свою дочь за брата рижскаго епископа [Теодериха] — (eo quod filiam suam fratri episcopi de Riga tradiderit uxorem XV, 13); этотъ случай также показываетъ, что на ростъ нѣмецкой колони съ русской стороны смотрѣли неравнодушными глазами⁹⁴⁾. Какъ бы

92) См. Приложение, стр. 245 и слѣд.

93) По всей вѣроятности, Зегевольдъ. См. Биленштейнъ, «Bericht über die Heidenburgen»; также гр. Зиверсъ, «Beiträge» и Биленштейнъ, «Grenzen», стр. 51.

94) Боннель, Chronographie, стр. 57, находитъ понятнымъ, «что отказъ Владиміра [Володиміра] сражаться противъ пѣмцевъ былъ причиной его сверженія. Относительно похода Мстислава Новгородскаго въ Эстляндію см. стр. 169 этого изслѣдованія. — О князѣ Владимірѣ было уже рассказано (стр. 80), что онъ послѣ своего изгнанія бѣжалъ, сперва къ князю Владиміру Полоцкому, а потомъ къ епископу Альберту; онъ встрѣтился намъ также въ свитѣ епископа въ время переговоровъ при Герцике. Изъ хроники Генриха мы узнаемъ,

то ни было, псковичи допустили даже подчиненіе совершившееся вскорѣ затѣмъ Толовы власти епископа Альберта и на первыхъ порахъ не вмѣшались въ это дѣло. Съ своей стороны и нѣмцы, очевидно, ничего не измѣняли въ отношеніяхъ Толовы къ русскимъ: дань продолжала уплачиваться и по прежнему въ годичный срокъ; это мы можемъ допустить тѣмъ легче, ¹³⁵ что не за долго передъ тѣмъ (1212) такимъ же точно образомъ часть ливовъ, давно покорившихся Ригѣ, должны были платить дань полоцкому князю, на что, какъ мы видѣли, епископъ далъ свое согласіе въ договорѣ 1210 г.. Въ пользу такого взгляда говоритъ особенно то, что Рига, угрожаемая съ разныхъ сторонъ, не хотѣла раздражать псковичей; наконецъ, это же говоритъ и хроника, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Оказывается, что *именно эстляндскій вопросъ* послужилъ первымъ поводомъ къ столкновенію съ русскими. Когда жители Угауниі, подобно другимъ, перешли въ западную церковь и при этомъ дань, раньше платимая ими Пскову, не была подкрѣплена новымъ договоромъ, какъ это было въ Толовѣ, псковичи грозили нѣмцамъ, но послѣдшіе объявили перешедшихъ *независимыми отъ русскихъ*; тогда осенью 1216 г. князь Владиміръ, снова признанный народомъ, поднялъ оружіе сперва противъ Угауши. ⁵⁾ ¹³⁶ Уже послѣ его отступленія туда было отправлено нѣмецкое войско и Оденпе было очень сильно укрѣплено эстами. Далѣе хронистъ рассказываетъ: Русскіе пришли, какъ обыкновенно, за данью къ леттамъ въ Толову; собравъ дань, они зажгли укрѣпленіе Беверинъ (*Venerunt eciam Kutheni solito more* ¹³⁷ *in terram Lettorum de Tolowa pro censu suo colligendo; quo collecto, castrum Beverin incenderunt* — XX, 5). Сообщеніе это въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ то, что мы только что вывели, разсматривая общее положеніе дѣлъ: *вся Толова*, въ томъ числѣ и та область между р. Аа и озеромъ Буртнекъ, въ которой находился Беверинъ, *по обычаю* — какъ слѣдуетъ изъ связи текста ⁹⁶⁾ — платила дань *именно псковичамъ*. Нѣмцы въ этомъ

что очень скоро послѣ этого онъ сдѣлался епископскимъ фогтомъ въ Аутине и потомъ въ Идумеѣ (XVI, 7 и XVII, 6), съ небольшимъ перерывомъ въ 1213 г., когда онъ уѣзжалъ въ Россію (*abiit in Russiam*) — XVII, 4; вышеуказанное положеніе онъ занималъ еще въ 1214 г. (XVIII, 2).

95) Съ этихъ поръ Владиміръ выступаетъ новымъ противникомъ ливляндской церкви, какъ выражается при этомъ Генрихъ (XX, 3 — *potus adversarius Livonensis ecclesiae*); такая переменна его политики была прежде всего уступкой, которую онъ дѣлалъ своимъ подданнымъ. Правда, за оказанное ему въ годы изгнанія гостепріимство онъ долженъ бы быть обязаннымъ епископу чувствомъ благодарности. Но начать войну ему было тѣмъ легче, что за два года передъ тѣмъ, когда онъ былъ епископскимъ фогтомъ въ «Идумеѣ и Летляндіи», по поводу его притѣсненій у него было враждебное столкновеніе съ мѣстнымъ духовенствомъ, причемъ онъ угрожалъ мести священнику Алобранду (XVIII, 2), что онъ въ послѣдствіи (1218) и исполнилъ (XXII, 4).

96) Ср. Пабстъ, стр. 221, прим. 9.

не видѣли *никакого вторженія*; за этимъ разсказомъ слѣдуетъ сообщеніе Генриха, что Бертольдъ, магистръ рыцарей въ Венденѣ, изъ того, что русскіе зажгли укрѣпленія леттовъ — слѣдовательно не одинъ только Беве-ринъ — понялъ, что собираются начать войну (Et vidit Bertoldus magister milicie de Wenden, quod ad bellum se praepararent, eo quod castra
138 Lettorum incenderent). Такъ открылась въ началѣ 1217 года война съ русскими; послѣ вторженія, сдѣланнаго нѣмцами (XX, 5), князь Владиміръ съ большимъ войскомъ изъ новгородцевъ и псковичей двинулся на Оденпе, гдѣ помогли ему прежде всего жители Эзеля и эсты — Гаррїи и Сакалы. Послѣ того какъ укрѣпленіе сдалось русскимъ на капитуляцію (XX, 7), очень скоро присоединились къ союзу и остальные эсты, и русскіе вмѣстѣ съ эстами думали уже о томъ, чтобы соединенными силами совершенно уничтожить нѣмецкую колонію⁹⁷⁾.

Долгіе годы прошли въ упорной борьбѣ и въ очень запутанныхъ дипломатическихъ осложненіяхъ, пока, наконецъ, въ началѣ сентября⁹⁸⁾ 1224 г.
139 Дерптъ былъ взятъ штурмомъ, и сила эстонскаго народа сломлена. Кромѣ того, новгородцы съ сильнымъ войскомъ приходили въ Псковъ и намѣревались вмѣстѣ съ псковичами заставить нѣмцевъ снять осаду; но, узнавъ о взятіи укрѣпленія, вернулись назадъ въ жестокомъ горѣ и негодованіи (cum dolore vehementi et indignatione — XXVIII, 6). Побѣжденные должны были признать нѣмцевъ своими господами. Также и *русскіе изъ Новгорода и Пскова* — осенью того же года⁹⁹⁾ — послали въ Ригу *просить о мирѣ*. Рижане приняли ихъ, заключили съ ними миръ и возстановили за ними
140 опять дань, которую они всегда получали съ Толовы (Miserunt et Rutheni de Nogardia et Plesecowe nuncios in Rigam, petentes ea, quae pacis sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis, et tributum, quod semper habebant in Tholowa, eis restituentes — XXVIII, 9). Къ сожалѣнію, документъ этого важнаго договора не сохранился; русскіе источники ничего не говорятъ о немъ, такъ что приходится довольствоваться исключительно разсказомъ Генриха. Въ виду того, что ни однимъ словомъ не упоми-

97) R. Hausmann, Das Ringen der Deutschen und Dänen um den Besitz Estlands (Leipzig, 1870, стр. 8).

98) См. замѣчаніе на поляхъ у Пабста, стр. 333 и слѣд.; также Hausmann, стр. 61; по Боннелю, Chronographie, стр. 42, Дерптъ былъ взятъ еще въ августѣ.

99) Основываясь именно на томъ, что уже 16-го ноября 1224 г. папа приглашалъ христіанъ въ *Россіи* поддержать дарами епископовъ Лифляндіи, Сеноліи и Леаля (Bunge, Urkundenbuch, т. I, № LXVI), слѣдуетъ предположить, что миръ былъ заключенъ уже *тогда*, а не *только* «зимой 1225 г.», какъ это готовъ думать Пабстъ, стр. 339, прим. 1. Точно также нельзя согласиться съ его соображеніемъ, будто русское посольство, прибывшее въ Ригу предыдущей зимою (1223—1224 г.), дѣль котораго, правда, не вполнѣ выясняется (XXVII, 6) — почему Боннель и считаетъ его (Chronogr., стр. 42) за посольство «изъ Полоцка?» — повело къ заключенію перемирія, такъ какъ война все еще продолжалась.

нается объ Угауніи и остальной Эстляндіи, слѣдуетъ заключить, что русскіе отказались ото всего, чѣмъ они владѣли (хотя бы и временно) въ эстонской странѣ, и отъ всякой дани — только старинная дачь съ Толовы осталась за псковичами. Для насъ остается неизвѣстнымъ, платилась ли она ежегодно 141 или въ болѣе долгіе сроки, каковы были ея размѣры, состояла ли она въ деньгахъ или естественныхъ произведеніяхъ; можно бы принять, пожалуй, послѣднее, въ виду того, что рѣчь идетъ о возстановленіи дани очень старинной¹⁰⁰). Нѣтъ также указаній насчетъ того, какимъ способомъ должна была вноситься дань, — сами ли русскіе должны были получать ее отъ туземцевъ или ихъ начальниковъ, или же летты, епископъ или магистръ ордена должны были отсылать ее въ Псковъ. Ибо Толова еще въ 1224 г. или началѣ 1225-го была подѣлена между лифляндскими владѣтелями такъ, что магистру досталась область отъ озера Буртнекъ по обоимъ берегамъ Аа до Вика или дальше, за исключеніемъ 12-ти деревень вблизи озера Буртнѣкъ, кромѣ того Адзеле, исключая четыре деревни, которыя также 142 названы поименно; въ свою очередь епископу рижскому достались двѣ трети земли, а именно тѣ двѣнадцать деревень въ сѣверозападной части края, четыре деревни въ «Адзеле» и страна къ югу отъ средняго теченія Аа и также къ востоку отъ праваго берега Аа до псковской границы¹⁰¹). Для занимающихъ насъ частныхъ вопросовъ имѣетъ значеніе то соглашеніе, 143 которое за четырнадцать лѣтъ до этого состоялось между епископомъ Альбертомъ и Владиміромъ полоцкимъ насчетъ двинскаго края: ливы должны

100) Ср. замѣчанія на стр. 77, прим. 1 этого изслѣдованія.

101) По поводу этого документа и его литературы см. стр. 115, примѣч. и стр. 127, прим. 1 этого изслѣдованія. Генрихъ — XXVIII, 9—ограничивается простымъ указаніемъ на сравнительную величину епископской и орденской области (*Lethos vero de Tolowa Rigensis episcopus cum fratribus suis militie dividebat, et duas partes accipiens episcopus, tertiam fratribus militie relinquebat*). По барону Толлю и Шварцу, *Brieflade*, т. III, стр. 144, — раздѣлъ относится «къ началу январскаго 1225 года», такъ какъ разсказъ Генриха относится «къ концу 1224 мартавскаго года»; поэтому Bunge въ «*Liv-est- und kurländische Urkunden-Regesten bis zum Jahre 1300*» (Leipzig, 1881), стр. 19 — относитъ документъ къ началу 1225 г., между тѣмъ какъ въ т. VI, стр. 141 своего «*Urkundenbuch*» (1873) онъ помѣтилъ его юлемъ 1224-го года. Но дата, установленная бар. Толлемъ и Шварцемъ, не представляется однако несомнѣнной. Слѣдуетъ поэтому предпочесть обозначеніе времени у М. Перлбаха («*Mittheilungen*»), т. XIII, стр. 5 и 13) — «с. 1224». — Г. Беркгольцъ въ томъ же томѣ «*Mittheilungen*», стр. 47, обращаетъ вниманіе на то, что изъ точнаго смысла документа не ясно, принадлежало ли Адзеле еще къ Толовѣ, или оно просто названо здѣсь рядомъ съ нею. Между тѣмъ выше, стр. 115, въ прим. 1, мы видѣли, что по разнымъ соображеніямъ Адзеле надо разсматривать лишь какъ часть земли Толова, такимъ образомъ, соображая сравнительную величину епископскаго и орденскаго участковъ, какъ опредѣляетъ ихъ Генрихъ, мы должны принять, что Толова простиралась къ югу весьма далеко, такъ что расположеніе ея по обоимъ берегамъ верхней Аа слѣдуетъ считать доказаннымъ. Изъ того же документа нельзя однако же вывести, простирались ли уже въ силу этого раздѣла земли епископа и ордена до самаго псковскаго княжества, какъ это впоследствии дѣйствительно и было.

были *ежегодно* уплачивать епископу должную дань или онъ за нихъ. Слѣдовательно, *тогда* верховный владѣтель края бралъ на себя заботу о правильномъ, ежегодномъ взносѣ дани и такимъ образомъ прямо ручался за нее.

Я считалъ особенно необходимымъ войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса, когда и при какихъ обстоятельствахъ утвердилось нѣмецкое владычество въ Толовѣ, потому, что этимъ путемъ объясняются многія особенности въ отношеніяхъ этого подвластнаго края къ сосѣднимъ русскимъ княжествамъ. Благодаря сравнительной содержательности нашего древнѣйшаго туземнаго источника, въ которомъ мы находили или указанія, или прямо разсказъ о событіяхъ, намъ удалось придти къ не маловажнымъ результатамъ. Прежде всего мы видимъ, что зависимость съ самаго начала была *очень слабая*. Нельзя указать ни русскихъ поселеній, ни укрѣпленій, которыя имѣли бы цѣлью обезпечить прочность дани, платимой Толовою. Между тѣмъ псковичи изъ одного соперничества съ западными пришельцами и изъ страха передъ ними, безъ особой настойчивости, взялись за миссіонерскую дѣятельность среди своихъ данниковъ леттовъ¹⁰²). Что, проповѣдуя крещеніе, русскіе здѣсь такъ же, какъ въ 1210 г. въ Угауніи, имѣли въ виду однѣ *политическія* цѣли, на это находимъ совершенно ясное указаніе у Генриха, извѣстное сужденіе котораго (XXVIII, 4)¹⁰³), хотя вообще говоря и не всегда безпристрастнаго къ русскимъ, согласуется въ данномъ случаѣ съ фактами. Также нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы псковичи когда нибудь защищали этотъ издавна подчиненный имъ край отъ многочисленныхъ притѣсненій и набѣговъ литовцевъ, эстовъ и ливовъ: они имѣли въ виду только дань. Въ виду этого дѣлается понятнымъ *добровольное* подчиненіе жителей Толовы нѣмцамъ въ 1214 г. и переходъ ихъ въ латинскую церковь: по совершенно опредѣленному свидѣтельству хрониста, они искали поддержки и защиты, которой могли ожидать только отъ рижскаго епископа¹⁰⁴). И со стороны русскихъ не было

102) Боннель относитъ это (Chronographie, стр. 22) ко времени «между 1200 (1186?) и 1208 гг.; но такіе предѣлы слишкомъ широки. Въ хроникѣ говорится: «eorum [Latinorum] tempore». Во всякомъ случаѣ, когда Алобрандъ пришелъ на Имеру, летты Толовы были уже крещены псковичами.

103) . . . mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jesu Christi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subjugare conatur.

104) Генрихъ XVIII, 3. . . eo quod pacis quam belli tempore semper tuerentur ab episcopo, et essent cum Theutonicis cor unum et anima una, et contra Estonos et Letones eorum semper gauderent defensione. То же побужденіе приписывается въ 1208 г. леттамъ съ Имеры (XI, 7); оно же предполагается (что въ данномъ случаѣ особенно важно) и при заключеніи въ томъ же году союза латышскаго края съ Бартольдомъ Венденскимъ и Ригою (XII, 6).

Прим. Вслѣдствіе пропажи на почтѣ оригинала, на краяхъ этого листа страницъ его нельзя было обозначить.

оказано никакого противодѣйствія ни въ 1208 году, когда былъ заключенъ союзъ, ни шесть лѣтъ спустя, когда летты открыто отпали отъ греческой церкви и въ то же время признали за нѣмцами верховное право на землю; такъ какъ все эти событія не мѣшали дальнѣйшему существованію дани, русскіе не вмѣшались въ нихъ и довольствовались тѣмъ, что по окончаніи многолѣтней войны, прямой поводъ къ которой подали угаунцы, право на дань договоромъ 1224 года было утверждено за ними. — Остается наконецъ вопросъ: долго ли въ послѣдствіи псковичи сохраняли за собой это право? Имѣющійся матеріалъ представляетъ пробѣлы, онъ состоитъ въ разбросанныхъ указаніяхъ самыхъ разнородныхъ источниковъ и не можетъ привести изслѣдователя къ удовлетворительному отвѣту.

Фактъ заключенія осенью 1224 г. «прочнаго» мира не можетъ быть подвергаемъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе что онъ подтверждается, повидимому, также свидѣтельствомъ папы Гонорія III въ буллѣ отъ 17 января 1227 года¹⁰⁵); кромѣ того мы знаемъ, что лѣтомъ 1225 года въ Ригѣ послы отъ Новгорода и другихъ русскихъ городовъ просили папскаго легата Вильгельма, епископа Моденскаго, о подтвержденіи мира, который они давно заключили съ нѣмцами (*Rutheni Norgadenses et alii de civitatibus aliis... miserunt [ad legatum] puncios suos, petentes ab eo pacis jam dudum a Theuthonicis facte confirmationem*). Хронистъ прибавляетъ къ этому, что легатъ долженъ былъ выслушивать [*другія*] подобныя просьбы отъ пословъ, что многими увѣщаніями онъ подкрѣпилъ въ нихъ увѣренность и отпустилъ ихъ домой обрадованными (*et exaudivit eos in hujusmodi petitionibus, fidem eorum etiam multis exhortationibus roborando, remisitque omnes in terram suam cum gaudio* — Генрихъ, XXIX, 4). Не только возрастающее могущество юной нѣмецкой колоніи дѣйствовало въ этомъ случаѣ внушительнымъ образомъ на русскихъ; была и другая причина — страхъ передъ монголами, которая заставляла ихъ даже вступать въ переговоры о главенствѣ папы¹⁰⁶). Слѣдовательно отношеніе русскихъ къ ливляндцамъ, въ столицѣ которыхъ и велись переговоры, было совершенно мирное. Но еще при жизни епископа Альберта, осенью 1228 г., послѣдніе соединились съ псковичами противъ Ярослава Всеволодовича новгородскаго. Онъ только что вернулся снова на новгородскій столъ¹⁰⁷); вожаки враждебной ему

105) Бунге, *Urkundenbuch* ч. I, № XCV. Въ посланіи «Ко всемъ королямъ русскимъ» сказано: «*Interim autem pacem cum Christianis de Livonia et Estonia firmam habentes, non impediatis perfectum fidel Christianae*». Впрочемъ Боннель, *Chronogr.* стр. 47, понимаетъ иначе это мѣсто: князья русскіе должны были съ своей стороны «имѣть прочный миръ съ латинскими христіанами въ Ливоніи и Эстоніи и не препятствовать распространенію христіанской вѣры».

106) Сравни Боннель, *Commentar*, стр. 65.

107) Боннель, *Commentar*, стр. 247; однако Ярославъ не осенью, а самое позднее лѣ-

партіи ушли во Псковъ и, когда онъ хотѣлъ пріѣхать туда же, псковичи его не пустили. Тогда подъ предлогомъ войны противъ нѣмцевъ онъ привелъ изъ Переяславля свою дружину. «То же слышавъше Пльсковици яко приведе Ярославъ полки, убоявшеся того, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то Новгородцы, а намъ ненадобѣ; нѣ оже поидуть на насъ то вы намъ помозите. и они рекоша: тако буди, и пояше у нихъ 40 мужъ в талбу»¹⁰⁸). Съ другой стороны и новгородцы отказались воевать безъ псковичей, и такимъ образомъ война не состоялась. Только что приведенное мѣсто: «взяша миръ съ Рижаны» въ связи съ ходомъ обстоятельствъ, только что изложенныхъ, можно пожалуй отнести къ оборонительному союзу, заключенному раньше съ лифляндцами¹⁰⁹).

Связь этихъ фактовъ имѣетъ историческую важность. Послѣ многихъ столкновений и упорной борьбы въ 1268 году была опять война между нѣмцами и русскими. «Wol uf drizec tûsent şap»¹¹⁰) — при чемъ и князь Довмонтъ изъ Пскова былъ вмѣстѣ съ новгородцами — вторглись въ датскую Эстляндію, гдѣ произошли кровавыя битвы. Но уже въ іюнѣ магистръ ордена Отто фонъ Лютербергъ писалъ городу Любеку, что онъ опустошилъ до гла городъ Псковъ, но что, въ то время какъ онъ готовился взять укрѣпленіе, пришли послы изъ Новгорода и просили о мирѣ; онъ по совѣту опытныхъ мужей заключилъ съ ними миръ — такъ, какъ было *во времена магистра Волкуина и епископа Альберта* (cum quibus расем, quae temporibus şagistri Volqñini et episcopi Alberti fuit, consilio fecimus peritogum). Впрочемъ пока былъ заключенъ лишь предварительный договоръ. Утвержденіе же мира (расis confirmatio, расis reformatio; quousque раса firmetur) — говорится далѣе — послѣдуетъ тогда, когда будутъ возобновлены и точнѣе опредѣлены столько разъ нарушенныя права нѣмецкихъ купцовъ и т. д.¹¹¹). Въ орденской грамотѣ магистра договоръ о мирѣ отдѣ-

---

томъ въ третій разъ сдѣлался новгородскимъ княземъ, какъ видно изъ данныхъ, приведенныхъ на стр. 48 Chronographie. О тогдашнемъ состояніи Новгорода и Пскова, а также о зависимости послѣдняго, см. соответствующія мѣста у Соловьева и Бестужева-Рюмина.

108) Бестужевъ-Рюминъ, ч. I, стр. 322, прим. 36; ср. также Соловьевъ, ч. II, стр. 365 и слѣд. и Wopnell, Chronographie, стр. 49.

109) Бестужевъ-Рюминъ, ч. I, стр. 365.

110) [Древнѣйшая] лифляндская римованная хроника (изд. Leo Meyer'омъ, Paderborn 1876), стихъ 7573.

111) Бунге, Urkundenbuch. т. I, № CDX; въ существенныхъ чертахъ то же самое содержить грамота рижскаго совѣта къ Любеку, помѣщенная подъ № CDXI. Указанія на другіе источники см. у Боннеля (Chronographie, стр. 79), также ссылки его на Комментарій. Переговоры тянулись долго; окончательное соглашеніе состоялось только въ началѣ 1270 г. — К. Е. Наріерску, Russisch-livl. Urkunden (St. Petersburg, 1868) S. 15 — считаетъ, что первая изъ упомянутыхъ грамотъ относится «вѣроятно, къ 1269 г.», вторая же «навѣрно къ 1269 г.». Бунге въ своей новой обработкѣ регестъ (1881 г., см. приведенную тамъ цитату) помѣчаетъ объ грамоты «іюнь(?) 1268».

ляется отъ послѣдовавшаго упорядоченія торговыхъ отношеній; по поводу послѣднихъ дѣлается ссылка на мирный договоръ 1224 года; тогда тоже послы отъ Новгорода и Пскова сообщали договаривались съ нѣмцами; не говорится однакоже ничего и о томъ, что послѣ приготовленій къ походу въ 1228 г. — еще при жизни епископа Альберта — состоялось *форменное* заключеніе мира съ новгородцами. Основатель лифляндскаго государства скончался, какъ извѣстно, 17-го января 1227 года; магистръ же ордена Волкуинъ погибъ семь съ половиной лѣтъ спустя во время большого пораженія отъ литовцевъ на Зоулѣ. Итакъ въ 1268 г. толовская дань снова была подтверждена за псковичами¹¹³).

Еще въ 1225 году дань была получена. Въ первой псковской лѣтописи читаемъ: «Въ лѣто 6792. Высть знамешѣ въ лунѣ, декабря 24, въ день недѣльный; по двою недѣлю, генваря, погибохомъ, въ 12, избиша Нѣмцы Псковичъ на дани, у Алысту, 40 мужъ. Якоже древнїи Хронографы глаголютъ, яко знаменіе нѣсть на добро, но на зло присно является»¹¹⁴). Во второй псковской лѣтописи редакція короче: «Въ лѣто 6792, генваря 2, избиша Нѣмцы Псковскихъ данщиковъ, 40 мужъ, у Вольсту»¹¹⁵). Эти данныя источниковъ дополняются двумя сохранившимися въ любекскомъ архивѣ росписями товаровъ, которые въ 1288—1311 годахъ силой были отняты русскими у нѣмецкихъ купцовъ во время ихъ поѣздокъ между Новгородомъ и Псковомъ; росписи эти «никѣмъ не засвидѣтельствованы и безъ обозначенія мѣста, года и дня»¹¹⁶). Въ интересующемъ насъ мѣстѣ обѣ онѣ въ существенныхъ чертахъ совпадаютъ. Въ первой говорится: «Въ 1288 г. отъ Р. Х. было отнято у нѣмецкихъ купцовъ около 20,000 мелкихъ мѣховыхъ шкурокъ, и то сдѣлали *Псковичи*, и въ присутствїи дерптскаго (сogam Bonino Tarbatensi), братьевъ и пословъ изъ Новгорода, также въ присутствїи многихъ другихъ уважаемыхъ мужей они сознались, что они это сдѣлали *въ отмщеніе за убитыхъ*, которыхъ братъ *Отто Пашедахъ* вмѣстѣ съ людьми изъ Розитты умертвилъ *въ землѣ Адзеле* (pescowenses fatebantur..., se fecisse ad vindictam occisorum, quos frater Otto Päschedach cum Illis de Rositen occiderant[!] in terra adzelle); при этомъ эти купцы потеряли шесть-

112) 22 сентября 1236 г.; см. бар. Толль и Шварцъ, Brieflade, т. III, стр. 146 и 12.

113) Съ этой точки зрѣнія получаютъ особенный смыслъ 7759—60 *стихи римоваанной хроники* :

und machte [der meister] einen vride güt.
des *vreute* sich der Rützen müt.

114) Псковская первая лѣтопись въ Полномъ собранїи русскихъ лѣтописей, т. IV, (С.П.Б. 1848 г.), стр. 183.

115) Пск. вторая лѣтопись въ П. С. Р. Л., томъ V (1851), стр. 10.

116) G. F. Sartorius Freyherrn v. Waltershausen urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse. Zwei Bände. Hamburg 1830 — Bd. II, S. 156 f. — Росписи недавно напечатаны у Bunge, Urkundenbuch, Bd. VI, № MMVCCCLXX.

десять марокъ». Вторая роспись представляет варианты; кромѣ не важныхъ въ смыслѣ содержащія — еще слѣдующіе: обозначенъ «1298» годъ вмѣсто 1288-го, имя рыцаря пишется «phacedhach», кромѣ того замѣчено, что убытокъ нѣмцевъ равнялся «сорока маркамъ серебра». Боннель¹¹⁷⁾ на основаніи матеріала, которымъ я не располагалъ, признаетъ какъ 1288 г. такъ и имя Пашедахъ «вѣрными»; по поводу же умерщвленія сорока псковичей онъ думаетъ, что оно произошло не 2-го, а 12-го января 1285 г., «потому что 24-го декабря 1284 года дѣйствительно было лунное затмѣніе». Съ другой стороны слѣдуетъ ему возразить, что мѣсто Alyst или Wolyst уже по смыслу обѣихъ росписей слѣдуетъ искать въ округѣ Адзеле и потому не отождествлять его съ теперешнимъ имѣніемъ Hallist — въ старинной эстонской мѣстности Сакала¹¹⁸⁾; это соображеніе насчетъ мѣсто-находящія Alyst'ы или Wolyst'ы подтверждается также фактомъ толовской дани и участіемъ рыцаря Отто Пашедаха «вмѣстѣ съ людьми изъ *Розиттъ*», укрѣпленія, построеннаго для защиты восточной границы; сверхъ того и самъ Боннель въ своихъ «Nachträge», стр. 240, указалъ на то, что *подъ Alyst'-ой слѣдуетъ разумѣть позднѣйшій Мариенбургъ*: слѣдовательно Алиста относилась къ округу Адзеле¹¹⁹⁾. — Наконецъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе фактъ, что псковичи, отправившись за данью, были убиты орденоскими братьями. *Нѣтъ никакихъ доказательствъ* того, что право на дань было раньше утрачено русскими, притомъ послѣдній мирный договоръ не былъ нарушенъ новыми войнами, да и, кромѣ того, такое предположеніе противорѣчило бы разсказу обѣихъ псковскихъ лѣтописей. Было ли это убіеніе сорока псковичей ничѣмъ инымъ, какъ простымъ актомъ насилія или оно имѣло до нѣкоторой степени характеръ законности и основывалось хоть отчасти на правѣ? Далѣе мы наталкиваемся на вопросъ, уже затронутый раньше: имѣли ли вообще псковичи право сами собирать дань съ жителей? Или не случилось ли такъ, что дань, которую имъ, можетъ

117) Chronographie, S. 87, Commentar, S. 124.

118) Aliste — no Pabst'у, стр. 157, примѣч. 29 — «der Unteren (Land) Niederland» — считалась во время Генриха Летляндскаго (южнымъ) отдѣломъ этого края: «Letti . . . transeuntes per nemora in Saccalanensem provinciam, que Aliste vocatur...» (XV, 7).

119) Подробности см. на стр. 232 Приложенія къ настоящему изслѣдованію. — Боннель высказываетъ еще (Nachträge, стр. 240) также предположеніе: «Vielleicht erhoben die 40 Pskower Tribut in demjenigen Thelle Lettgliens, der einst von Jaroslaw Wladimirowitsch (aber nicht mit Einwilligung aller Pskower) an die Deutschen abgetreten war». Но не говоря уже о томъ, что такое толкованіе мало подкрѣпляется источниками (Chronographie, стр. 64) и представляется крайне сомнительнымъ изъ общей связи всѣхъ обстоятельствъ (въ документахъ вообще Летигаллія не упоминается), оно не мѣняетъ того факта, что по не разъ упомянутому акту раздѣла 1224 г. въ то время (и раньше) *Адзеле* уже не принадлежало болѣе псковичамъ, и что въ добавокъ тогдашнія условія мира были снова подтверждены въ 1268 году, между тѣмъ, какъ Ярослава Владиміровича уже «въ 1249 году не было въ живыхъ» — (Commentar, стр. 85).

быть, доставляли обыкновенно сами летты, не была на этотъ разъ своевременно уплачена, и они отправились сами въ чужую страну, чтобы вымогать ее? Если же они имѣли право собирать дань сами, то не допустили ли они при сборѣ ся какого произвола? Съ другой стороны, было уже указано на возможность существованія извѣстныхъ гарантій со стороны верховныхъ господъ Толовы — ихъ ручательствъ въ уплатѣ дани псковичамъ, какъ это было сдѣлано относительно полоцкаго князя на короткое время въ 1210 году. Можетъ быть, псковичи, явившись въ страну, вмѣсто того чтобы получить дань изъ рукъ нѣмцевъ, стали вымогать ее у жителей? Самое число убитыхъ значительно и заставляетъ думать о *вымогательствахъ и насиліяхъ*, такъ какъ легко предположить, что столько же или еще больше псковскихъ людей ушло отъ преслѣдованія нѣмцевъ. Во всякомъ случаѣ весьма значительную долю законности должны мы, повидимому, признать за кровавымъ дѣломъ рыцарей. По крайней мѣрѣ мы ничего не узнаемъ о томъ, чтобы псковичи потомъ добились или хотя добивались какого нибудь удовлетворенія за это дѣло. Если вѣрить имѣющимъ свѣдѣніямъ, отношенія обладателей Толовы къ русскимъ оставались мирными. Даже ни о какихъ переговорахъ по поводу случившагося не говорится вовсе. Если же впоследствии, когда цѣлыхъ три года спустя пѣмецкіе купцы были ограблены русскими, эти послѣдніе выставляли это какъ месть за причиненную имъ неправду, то въ этомъ можно видѣть простой предлогъ съ цѣлью оправдать то, что случалось и безъ того часто. Мы имѣемъ впрочемъ изъ этого времени грамоту дерптскаго епископа Бернгарда II и его капитула къ совѣту города Любека по поводу наслѣдства послѣ епископа Фридриха Ф. Haseldorpe, предмѣстника Бернарда, въ которой говорится про дерптскую церковь, что она отовсюду подвержена нападеніямъ какъ язычниковъ, такъ и русскихъ (... eidem ecclesiae nostrae, quae multis undique tam paganorum quam Ruthenorum propulsatur insultibus); трудно установить дату этой грамоты: самое позднее ее можно отнести къ 1285 и 1290 г.¹²⁰). Но грамота высказываетъ эту жалобу *лишь мимоходомъ и въ самой общей формѣ*, такъ что опредѣленнаго указанія на какія нибудь *извѣстные факты* здѣсь нѣтъ. Притомъ здѣсь говорится о враждебности русскихъ *къ епископству дерптскому только* и нѣтъ надобности относить это также къ архіепископу и магистру ордена, которые владѣли каждый отдѣльной частью платившаго дань края; наконецъ, хотя и вѣроятно, но не несомнѣнно, что подъ русскими здѣсь разумѣлись именно псковичи.

120) Bunge, Urkundenbuch, Bd. I, № DIII. Относительно времени составленія грамоты см. Baron Toll und Schwarz, Brieflade, Th. III, S. 341 f. Въ своей новой обработкѣ регестъ, Бунге относитъ этотъ документъ (стр. 98) ко времени «около 1290 года».

Здѣсь приходится уже прекратить наше изслѣдованіе единственно потому, что изъ болѣе поздняго времени мнѣ не удалось найти никакого матеріала. Изъ этого одного невозможно, разумѣется, заключить еще о томъ, что послѣ 1285 г. русскіе не получали больше дани съ Толовы; нельзя сдѣлать этого вывода и изъ общаго положенія дѣлъ въ краѣ. Было показано напротивъ, что въ 1285 году дань существовала. Но когда она перестала существовать, и не пришло ли это важное для псковичей право само собой въ забвеніе, потому что оно не всегда, можетъ быть, осуществлялось, — этого разрѣшить я не въ состояніи. Однако-же вопросъ заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ то, которое ему до сихъ поръ удѣлялось. Я уже кончаю на этомъ, не вдаваясь въ область гаданій, неустойчивость которыхъ обнаружилась бы, можетъ быть, очень скоро. Оставляя въ сторонѣ то, что удалось сказать въ этомъ изслѣдованіи объ отношеніи русскихъ и нѣмцевъ къ землѣ Толова, до мира 1224 г., я принужденъ въ отношеніи дальнѣйшей ея судьбы *пока* отказаться отъ рѣшенія интересныхъ вопросовъ и быть довольнымъ, если мнѣ удалось *дать толчекъ* къ ихъ удовлетворительному разрѣшенію.

III.

Русско-эстонскія отношенія въ XIII столѣтіи до завоеванія Дерпта нѣмцами.

Въ то время когда нѣмцы впервые приходятъ въ соприкосновеніе съ эстами, т. е. въ первое десятилѣтіе XIII вѣка, они застаютъ этихъ послѣднихъ *независимымъ* отъ русскихъ народомъ.

Однако, оставляя здѣсь въ сторонѣ болѣе раннія отношенія между русскими и эстами, столь мало для насъ ясныя, мы должны припомнить, что великій князь Ярославъ «въ 1030 г. или немногимъ раньше побѣдоносно воевалъ съ одной частью эстовъ, именно племенемъ унгаунцевъ [должно быть: угаунцевъ], которые жили къ югу отъ Эмбаха между Пейпусомъ и Вирцъервомъ; такъ что могъ заложить въ ихъ странѣ укрѣпленіе и пытался обезпечить тамъ продолжительность своего господства»¹²¹). Это господство, опорнымъ пунктомъ котораго долженъ былъ сдѣлаться построенный въ то время Юрьевъ¹²²) (по правописанію древнѣйшихъ русскихъ лѣтописей собственно «Гургевъ»), продолжалось на первыхъ порахъ втеченіе одного поколѣнія и впослѣдствіи возобновлялось только время отъ времени съ большими промежутками. Что касается именно Дерпта, то весною 1061 года онъ былъ сожженъ эстами, и можно съ точностью указать, что только семьдесятъ три года спустя былъ снова завоеванъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ новгородскимъ — 9-го февраля 1134 года¹²³). Какъ долго послѣ 1134 года находился онъ подъ русской властью, опре-

121) Voynell, Chronogr. Commentar, S. 21.

122) E. Seraphim, Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. I, S. 16 (Reval, 1895) — полагаетъ, что Юрьевъ, «можетъ быть» стоялъ только на мѣстѣ тепершняго Дерпта. Но пока не опровергнута локальная тождественность Юрьева и Дерпта, слѣдуетъ признавать ее, потому что Дерптъ какъ до тѣхъ и послѣ 1224 года постоянно обозначается въ русскихъ источникахъ какъ Юрьевъ, — названіе, сохранившееся и въ устахъ русскаго народа вплоть до состоявшагося недавно переименованія (см. мои замѣчанія въ «Sitzungsberichte», и т. д. за 1887 г., стр. 24 и слѣд.). Дерптъ, какъ извѣстно, есть собственно *эстонское* названіе (см. H. Neus, Erklärung des Stadtnamens Dorpat въ журналѣ «Inland» 1852, №№ 48—51, и L. Meyer, Zu den Versuchen einer Erklärung des Namens Dorpat, въ «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1898», S. 1—27), которое нѣмцы, а, можетъ быть, и в. кн. Ярославъ уже застали на мѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ, Ярославъ только укрѣпилъ заново уже имѣвшееся эстонское поселеніе и назвалъ его именемъ прилагательнымъ, образованнымъ отъ его христіанскаго имени Юрій.

123) Не сообщается о томъ, что Всеволодъ и его братья, которые въ 1130 г. опять вынудили дань у эстовъ, овладѣли Дерптомъ. Годъ спустя эсты возстали противъ Всеволода и 23 января 1132 г. нанесли ему поражение при Вайгѣ.

дѣлать невозможно. Во всякомъ случаѣ зимой 1192 г. князь Ярославъ Владиміровичъ снова завоевалъ Юрьевъ и въ этомъ же самомъ году (послѣ 29-го іюня 1192 г.) сжегъ Оденпе¹²⁴). — Это — послѣднія извѣстія, сообщаемыя русскими лѣтописями объ эстонскомъ краѣ до того момента, когда начинается новѣствованіе о немъ Генриха Летляндскаго. Когда собственно Дерптъ, столько разъ оспариваемый, былъ отнятъ эстами обратно, этого мы не знаемъ. Изъ источниковъ можно только вывести, что къ началу тринадцатаго столѣтія ни Дерптъ, ни Оденпе не были подвластны русскимъ, и сами эсты не платили даже никакой дани Новгороду.

Но вотъ въ началѣ 1210 г. (или немного позже) великій князь Мстиславъ Мстиславичъ новгородскій вмѣстѣ съ братомъ его Владиміромъ псковскимъ двинулись съ большимъ войскомъ на Угаунію и осадили укрѣпленіе Оденпе. Послѣ восьмидневней осады, понуждаемые недостаткомъ въ пищѣ и въ водѣ, осажденные попросили мира, который и получили, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ крестились, и русскимъ было заплочено четыреста марокъ ногать. Уходя назадъ, русскіе обѣщали прислать къ эстамъ священниковъ, чтобы докончить ихъ обращеніе въ христіанство, но это, замѣчаетъ хронистъ, они не собрались сдѣлать, такъ что угаунцы были окрещены уже нѣмцами¹²⁵). По русскимъ извѣстіямъ, которые относятъ впрочемъ эти происшествія, а также и нѣкоторыя послѣдующія, на нѣсколько лѣтъ позднѣе, русскіе обратились также противъ Тормы¹²⁶) и взяли тамъ богатую добычу¹²⁷).

Уже за два года до этого (въ 1208 г.) извѣстный намъ священникъ Алобрандъ во главѣ посольства приходилъ къ угаунцамъ, чтобы требовать съ нихъ вознагражденія за убытки, которые они причинили (еще до основанія города Риги) нѣмецкимъ купцамъ, отправлявшимся во Псковъ, отнявъ у нихъ товаровъ на сумму въ девятьсотъ марокъ и болѣе; переговоры не привели ни къ какимъ результатамъ (Генрихъ, XI, 7). Вслѣдствіемъ этого были многочисленныя вторженія нѣмцевъ и ихъ союзниковъ-ливовъ и лет-

124) Оденпе означаетъ на древне-эстонскомъ языкѣ: Медвѣжья голова; названо это мѣсто въ первый разъ въ 1116 г.; въ то время оно было захвачено временно русскими.

125) ... et baptisate suo quosdam ex eis baptizaverunt, et acceperunt ab eis quadringentas marcas nogatarum et recesserunt ab eis et reversi sunt in terram suam, dicentes se sacerdotes suos eis missuros ad sacre regenerationis lavacrum consummandum; quod tamen neglexerunt, nam Ugaunenses postea sacerdotes Rigensium susceperunt et baptizati sunt ab eis et connumerati sunt cum Rigensibus. Генрихъ Летляндск. XIV, 2.

126) Къ сѣверу отъ Эмбаха, см. Dr. Vergram, Wagien (Dorpat, 1868), а особенно приложенную къ этому сочиненію карту.

127) Троицкая, воскресенская, вторая и четвертая новгородская лѣтописи подъ 6720 годомъ (помѣщены въ тт. I, VII, III и IV Полнаго собранія русскихъ лѣтописей, изд. Археографической Коммисіи. С.-Петербургъ, 1841 г. и слѣд.; новое изданіе первой новгородской лѣтописи подъ заглавіемъ: Новгородская лѣтопись по синодальному харатейному списку—1888). О тѣхъ же происшествіяхъ см. Vonnell, Chronogr., Comment. S. 53. Ср. Соловьевъ, часть II, стр. 359.

товъ въ эстонскій край, а также и эстовъ въ латышскую землю; потомъ было заключено сначала перемиріе на годъ, а зимою 1209—1210 г. — миръ, въ которомъ однако орденъ и латышскій старшина Русинъ изъ Зотекле не приняли участія (XII, 6 и XIII, 5). Слѣдующимъ лѣтомъ (1210 г.), слѣдовательно всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ князья новгородскій и псковской взяли дань съ Угауніи, провинціальный магистръ Бертольдъ изъ Вендена вмѣстѣ съ латышами отправились снова опустошать Угаунію; такой же набѣгъ сдѣлалъ онъ еще разъ, послѣ того какъ куроны отступили отъ Риги, (стр. 72) подкрѣпленный на этотъ разъ не латышами, а ливами и людьми епископа Альберта; участіе послѣднихъ объясняется тѣмъ, что эсты, какъ предполагалось, были заодно съ куронами. Въ этомъ второмъ походѣ союзникамъ удалось овладѣть Оденпе, гдѣ они, говоритъ хронистъ, нашли не много людей (*paucos in castro repererunt*); укрѣпленіе было разграблено и сожжено, и съ богатой добычей войско вернулось домой. Послѣдовала неудачная осада Вендена «эстами»¹²⁸⁾ и во время преслѣдованія послѣднихъ нѣмцы потерпѣли пораженіе при Седдѣ, о чемъ было уже сказано.

Таковы были первыя враждебныя столкновенія между нѣмцами и эстами. Очень скоро возобновились они въ болѣе широкихъ размѣрахъ, при чемъ однако *нѣмцы и русскіе* оставались пока въ мирныхъ отношеніяхъ, какъ это опредѣленно свидѣтельствуетъ хронистъ; оттого псковичи зимою 1210—1211 года по приглашенію нѣмцевъ принимаютъ участіе въ набѣгѣ на Викъ (стр. 133). Бросается въ глаза въ особенности то, что русскіе не протестуютъ противъ разграбленія и сожженія нѣмцами эстонскаго укрѣпленія Оденпе: болѣе полнымъ владычествомъ надъ Угауніей они и теперь не пользовались; напротивъ, довольствовались данью, которую взяли въ первой половинѣ 1210 г. и не препятствовали другимъ опустошать Угаунію. Только впослѣдствіи обнаружился конфликтъ между русскими притязаніями въ этомъ краѣ и завоевательной политикой нѣмцевъ.

Не раньше, чѣмъ въ мартѣ¹²⁹⁾ 1211 г., послѣ пятидневной осады, нѣмцы взяли Феллинъ (*Viljand*) въ мѣстности Сакала, и здѣсь въ первый разъ крестили туземцевъ (XV, 1). Но жители Сакалы очень скоро отпали отъ христіанства, и борьба все шире захватывала эстонскія племена. Впрочемъ лѣтомъ 1211 года¹³⁰⁾ аббатъ Теодорихъ изъ Динамюнде былъ посвященъ въ епископы всей Эстляндіи. Въ одномъ изъ своихъ походовъ, въ концѣ того же года, нѣмцы коснулись между прочимъ Дерпта: они нашли укрѣ-

128) Прежде всего, навѣрно, угаунцами, но также и жителями другихъ эстонскихъ мѣстностей, какъ можно, пожалуй, заключить изъ хода войны.

129) *Rabst*, S. 138, на поляхъ.

130) *Baron Toll und Schwartz, Briefdaffe*, Th. III, S. 214.

пление оставленнымъ, такъ какъ оно было раньше сожжено латышами (*castrum Tharbetense desertum, a Lettis eciam quondam incensum*). Въ 1212 г.¹³¹⁾ послѣдовало новое вторженіе въ Угаунію, котороераспространилось оттуда въ Вайгу (*Walga*)¹³²⁾ и на сѣверозападные мѣстности *Jerwen*, *Мосха* и *Normegunda* (XV, 7). Въ прямой связи съ этимъ находимъ у Генриха разсказъ (XV, 8): «Когда великій король Мстиславъ новгородскій услышалъ о походѣ нѣмцевъ въ Эстляндію, поднялся и онъ съ пятнадцатю тысячами войска, двинулся на *Вайгу* и отъ Вайги на *Jerwen*; когда же онъ не нашель [тамъ] нѣмцевъ, пошелъ онъ въ *Garrію*, осадилъ укрѣплеше *Варболу*¹³³⁾ и бился съ ними [осажденными] нѣсколько дней. И осажденные въ укрѣпленіи обѣщали ему семьсотъ марокъ ногать, для того чтобы онъ отступилъ, и онъ возвратился въ свою землю»¹³⁴⁾. Русскіе источники также упоминають объ этомъ походѣ — хотя короче, но сообщая кой-какія подробности, которыя могутъ намъ служить дополненіемъ. Такъ мы узнаемъ, что изъ Новгорода выступили въ походъ «въ январѣ мѣсяцѣ или пятого февраля 1212 г., причеиъ князя Мстислава сопровождали братья его, князь Давидъ изъ Торопца и князь псковской Всеволодъ Борисовичъ¹³⁵⁾. Сообщается, что въ то время какъ русскіе находились въ Эстляндіи, старшина земли Сакалы Лембитъ напалъ на Псковъ и разграбилъ его¹³⁶⁾.

По разсказу Генриха Летляндскаго выходитъ слѣдовательно, что появленіе русскихъ князей въ Эстляндіи было вызнано воинственнымъ образомъ дѣйствій нѣмцевъ въ этой странѣ, и что Мстиславъ оттого, что не нашель уже послѣднихъ въ Вайгѣ и Ервенѣ, двинулся тогда и на Варболу и взялъ дань, которая, надо полагать, была взята здѣсь русскими въ первый разъ¹³⁷⁾. Въ это же время летты и ливы заключили въ первый разъ

131) *Bar. Toll und Schwartz, Brieflade*, тамъ же.

132) *Bertram, Wagien. Waiga* — на древне-рускомъ Клинь (отъ эстонскихъ словъ «*waia*» или «*wagja*» = клинь).

133) *Warbola* — на древнерусскомъ Воробинъ или Воробьевъ носъ (отъ эстонскаго «*warhiene*» = воробей). О мѣстонахожденіи Варболе см. *Paul Jordan, Beiträge zur Geographie und Statistik des Gouvernements Estland* (Reval, 1889), особенно стр. 83 «*Ueber die Bauerburgen*».

134) *Audiens itaque rex magnus Jogardie Mysteslawe exercitum Theutonicorum in Ecstonia, surrexit et ipse cum quindecim milibus vitorum et abiit in Waygam, et de Wayga processit in Gerwam, et non inventis Theuthonicis, progressus est in Harien, et obsedit castrum Warbole, et pugnavit cum eis per dies aliquot, et promiserunt ei castrenses ut recederet septingentas mareas nogatarum, et reversus est in terram suam.*

135) Первая новгородская, троицкая, воскресенская и первая псковская лѣтописи подъ 6722 г. переяславско-суздальская лѣтопись подъ 6721 (изданіе князя Оболенскаго, Москва, 1851). *Bonnell, Chronogr., Comment. S. 56, Nachträge, S. 236*. Какъ разъ передъ этимъ Владиміръ былъ изгнанъ изъ Пскова.

136) Генрихъ XV, 10. *Bonnell l. c.* По первой новгородской и первой псковской лѣтописямъ это были литовцы. Возможно, что эсты изъ Сакалы и литовцы дѣйствовали вмѣстѣ.

137) *Ср. Pabst, S. 160, Anmerk. 5.*

миръ съ «эстами» (XV, 11); нѣсколько недѣль спустя — «вѣроятно, въ апрѣлѣ» 1212 года (VonneP, Chronogr. S. 28) — былъ заключенъ также миръ между нѣмцами и эстами, въ Торейдѣ, на три года, по которому нѣмцамъ доставалась Сакала до Палы, причемъ обитатели этой территоріи *должны были снова* принять христіанство (XVI, 1). — Враждебнаго столкновенія сильнаго войска Мстислава новгородскаго съ нѣмцами не произошло, повидимому, благодаря только случаю, и такимъ образомъ отношенія между русскими и нѣмцами оставались пока, по крайней мѣрѣ по виду, мирными, тѣмъ болѣе что втеченіе четырехъ слѣдующихъ лѣтъ русскіе держались вдаль отъ Эстляндіи. Боннель впрочемъ думаетъ (Chronogr. S. 30), что литовскій князь Даугеруть, тестъ князя Всеволода изъ Герцике, весной 1213 г. «заключилъ союзъ противъ нѣмцевъ» съ великимъ княземъ Мстиславомъ новгородскимъ. Но догадка Боннеля идетъ слишкомъ далеко. Генрихъ Л. (XVII, 3) говоритъ только о «*pacis cum eo* [т. е. Мстиславомъ] *federa*», т. е. вообще о «мирномъ договорѣ», не относя его именно къ нѣмцамъ. Если же, съ другой стороны, князь Даугеруть на обратномъ пути изъ Новгорода былъ захваченъ рыцарями ордена и уведепъ плѣнникомъ въ Венденъ, гдѣ и лишилъ себя жизни, то причину этого надо искать прежде всего въ набѣгѣ, который только что сдѣлали литовцы на землю леттовъ (XVII, 2). Если же предполагаемый Боннелемъ «союзъ противъ нѣмцевъ» дѣйствительно состоялся, то во всякомъ случаѣ онъ не оказалъ никакого вліянія на политику Новгорода.

Враждебныя дѣйствія нѣмцевъ противъ *эстовъ* снова открылись въ 1215 г. и продолжались настолько энергично, что во второй половинѣ того же года мѣстности Угаунія и Сакала были совершенно покорены и какъ здѣсь, такъ и въ области по берегамъ Вика совершенно было крещеніе (XVIII, 5 до XIX, 8); во второй половинѣ августа кромѣ того нѣмцы прошли побѣдоносно черезъ всю Гаррію до мѣстности Ревеле (XX, 2). Теперь только поднимаются русскіе съ цѣлью помѣшать разростанію нѣмецкаго владычества.

Въ связи съ походомъ на Гаррію Генрихъ сообщаетъ намъ (XX, 3): «Русскіе изъ Пскова были недовольны угаунцами за то, что они *приняли* крещеніе отъ латинянъ, а ихъ крещеніе презрѣли, и, угрожая имъ войною, требовали у нихъ денегъ и дани¹³⁸⁾. Тогда угаунцы просили совѣта у лифляндскаго епископа и у орденскихъ братьевъ и требовали кромѣ того помощи. Въ помощи они [т. е. епископъ и орденъ] имъ не отказали и, обѣщая имъ съ ними вмѣстѣ жить и умереть, завѣряли ихъ, что они сво-

138) . . . censum ac tributum ab eis exegerunt. «Это одно и то же» (Pabst, S. 219, Anm. 4).

бодны отъ русскихъ, какъ всегда были до крещенія, такъ и теперь»¹³⁹).— Что именно «русскіе изъ Пскова», а не новгородцы возобновили требованіе дани, становится понятнымъ въ виду того, что великій князь Мстиславъ Мстиславичъ только что отправился въ Кіевъ (Vonnell, Chronogr. S. 33, Nachträge S. 247), а Псковъ, какъ извѣстно, находился въ зависимости отъ Новгорода; потому же вскорѣ за тѣмъ псковской, а не новгородской князь, подступаетъ два раза къ Оденпе: раньше обыкновенно въ походахъ на Эстляндію Псковъ шелъ за Новгородомъ. Обращенія въ христіанство, предпринятія русскими въ 1210 году у угаунцевъ, на которыя они ссылались теперь, очевидно, имѣли только политическую цѣль: этимъ средствомъ хотѣли они подкрѣпить свои притязанія на дань съ латышей и эстовъ. Между тѣмъ мы узнаемъ, что нѣмцы вопреки этому не признаютъ вовсе господства русскихъ въ Угауши, потому что, по ихъ мнѣнію, до 1210 года зависимости угаунцевъ отъ русскихъ не существовало. *Окрещены были тогда лишь немногіе (quosdam); священники, которыхъ русскіе обѣщали прислать тогда, не были ими присланы, какъ это заявляетъ впередъ латышскій лѣтописецъ.* Такимъ образомъ обвиненіе въ томъ, что угаунцы «презрѣли» православную вѣру, *должно назвать неточнымъ*, если только псковичи обвиняли ихъ въ этомъ, что не вполнѣ ясно изъ текста.

Нѣмцы не признали заявленныхъ русскими правъ, что и привело къ *открытой войнѣ между ними.*

Уже осенью 1216 года князь Владиміръ псковской вторгся съ большимъ войскомъ въ Угаушию, занялъ на нѣсколько дней Оденпе и разослалъ оттуда своихъ въ окружныя деревни и мѣстности (omnes villas ac provincias in circuitu) опустошать ихъ, убивать мужчинъ, а женщинъ и дѣтей уводить въ плѣнъ (XX, 3). Видя, что предстоитъ трудная война съ русскими (considerantes, bellum Ruthenorum sibi forte imminere), епископы Альбертъ и Теодорихъ и орденъ рѣшили подѣлить между собою уже покоренный ими эстонскій край¹⁴⁰). Вмѣстѣ съ тѣмъ епископы послали по вторичной просьбѣ угаунцевъ на помощь имъ своихъ вооруженныхъ людей вмѣстѣ съ рыцарями въ область, тѣмъ временемъ оставленную Владиміромъ, и тамъ съ помощью мѣстныхъ эстовъ очень сильно укрѣпили Оденпе (по всей вѣроятности, въ концѣ 1216 г.). Когда же псковскіе сборщики дани въ Толовъ, собравъ дань, зажгли укрѣпленіе Беверинъ (стр. 137), по распоряженію провинціального магистра Бертольда ихъ схватили и заключили какъ плѣн-

139) . . . . liberos esse a Ruthenis, sicut semper ante baptismum fuerunt, sic et nunc esse, confirmabant.

140) Генрихъ XV, 4; о раздѣлѣ см. Hildebrand, S. 104, ср. стр. 100.

никовъ; но когда пришли послы отъ короля новгородскаго [вѣроятно, хлопотать объ ихъ освобожденіи], магистръ освободилъ ихъ и отпустилъ съ честью въ Россію (*quos tamen, venientibus nunciis regis Nogardie, solvit et honorifice remisit in Russiam*). Такая готовность сбъясняется повелѣніемъ верховныхъ владѣтелей страны, которые, хотя и были готовы къ войнѣ съ русскими, хотѣли однако по возможности избѣгать ея. Если это было такъ (а наша догадка получаетъ особенное вѣроятіе, если сравнимъ воинственную предпріимчивость, только что выказанную Бертольдомъ), то, конечно, по своей уже волѣ нѣмецкое войско, бывшее въ Оденпе, и тамошніе эсты предприняли 6-го января 1217 г. опустошительный набѣгъ на русскія владѣнія, который былъ успѣшенъ¹⁴¹). Съ другой стороны, наступившимъ въ это время перемиріемъ нѣмцы воспользовались для того, чтобы сейчасъ же (еще въ январѣ 1217 г.) завладѣть мѣстностью Іервень.

Насколько давали намъ матеріалъ источники, мы изслѣдовали съ особенной подробностью отношенія русскихъ къ эстамъ и нѣмцевъ къ тѣмъ и другимъ, потому что затронутые вопросы представляютъ принципиальный интересъ. Подробности послѣдовавшей большой, почти восьмилѣтней войны, которую нѣмцы вели съ русскими за обладаніе Эстляндіей, могутъ быть изложены лишь въ общихъ чертахъ.

Въ первый разъ оба противника встрѣтились подъ Оденпе. Сюда двинулись въ февралѣ 1217 года новгородцы съ посадникомъ Твердиславомъ и псковичи подъ предводительствомъ князя Владиміра — на этотъ разъ въ союзъ съ жителями Эзеля и Гарріи, а также съ давно окрещенными, но вновь отпавшими сакаланами; однихъ русскихъ и эзельцевъ было до двадцати тысячъ человѣкъ. Нѣмцы и угаунцы, болѣе слабые, были не въ состояніи долго защищать укрѣпленіе. Правда, магистръ ордена Волкуинъ пришелъ къ нимъ на помощь съ отрядомъ тысячи въ три человѣкъ, преимущественно ливовъ и латышей; но осажденные стали терпѣть недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; то же обнаружилось и въ войскѣ русскихъ и ихъ союзниковъ. Поэтому черезъ двадцать дней (вѣроятно, уже въ мартѣ) былъ заключенъ миръ, условія котораго нельзя однако-жъ установить точно. Сказано только: «Русскіе заключили миръ съ ними [нѣмцами], но такъ, чтобы всѣ нѣмцы оставили укрѣпленіе и возвратились въ Лифляндію (*fecerunt quoque pacem cum eis, ita tamen, ut Theuthonici omnes relicto castro in Lyvoniam redirent*). И дѣйствительно, послѣ этого нѣмцы вмѣстѣ съ ливами

241) Генрихъ XV, 5. Угаунцы, по словамъ хроники, хотѣли отомстить русскимъ: слѣдовательно *они* выставляются зачинщиками набѣга. Набѣгъ былъ сдѣланъ «in Russiam versus Nogardiam»; точнѣе: въ псковскую область. Ср. Pabst, S. 221 Anm., также и Wonnell, Chronogr., Comm. S. 58.

и латышами отступили отъ Оденпе. Вратъ же епископа Теодорихъ, зять князя Владиміра, отправился къ русскимъ для закрѣпленія мира, т. е. въ качествѣ заложника до ратификаціи договора; но новгородцы схватили его и увели въ плѣпъ¹⁴²).

Такимъ образомъ Угаунія и Сакала были вторично потеряны нѣмцами и «въ этомъ положеніи епископъ Альбертъ, повидимому, думалъ о томъ, чтобы совсѣмъ отказаться отъ части потеряннаго, сознавая, что у него не хватаетъ силъ удерживать всю страну¹⁴³). Миръ при Оденпе, который заключалъ въ себѣ отрѣченіе отъ Угауніи, онъ рѣшился утвердить и отправилъ съ этой цѣлью пословъ въ Новгородъ. Но *русскіе* не пошли на миръ и не смотря на всѣ просьбы не выдали брата епископа, но *намѣревались сообща съ эстами продолжать борьбу до самаго уничтоженія нѣмецкой колоніи*. Это заставило епископа искать помощи въ Германіи (XXI, 1).

Военныя дѣйствія русскихъ замедлились, потому что въ это время въ Новгородѣ происходила смѣна князя: великій князь Мстиславъ Мстиславичъ удалился на югъ, и 1-го августа 1217 г. прибылъ его преемникъ Святославъ, сынъ Мстислава Романовича. На *просьбу эстовъ* онъ обѣщалъ имъ придти къ нимъ во главѣ большого войска вмѣстѣ съ Владиміромъ псковскимъ и другими князьями. Но въ продолженіи пятнадцати дней шеститысячное эстонское войско напрасно ожидало русскихъ; а 21-го сентября недалеко отъ Феллина оно было разбито на голову пѣмецкимъ войскомъ, подкрѣпленнымъ вновь прибывшими крестоносцами (XXI, 2 и 3). Скоро удалось имъ привести значительную часть Эстляндіи снова подъ свою власть, однако «Угаунія оставалась не покоренной и такимъ образомъ восточный ихъ флангъ не защищеннымъ». Какъ ни различны были интересы отдѣльных эстонскихъ племенъ и русскихъ, они сходились въ одномъ, «in ihrem Hass wider die Deutschen, der führte sie immer zusammen. Die Esten kämpften für Freiheit, Glaube, Sitte; die Russen wollten

142) Генрихъ XX, 7 и 8; троицкая, первая и четвертая новгородская и первая псковская лѣтописи подъ 6725 годомъ. Въ то время какъ свѣдѣнія русскихъ источниковъ обыкновенно скудны, на этотъ разъ указанные выше лѣтописи по поводу событіи подъ Оденпе содержатъ нѣкоторыя интересныя подробности, которыхъ нѣтъ у Генриха. См. также Voppell, Chronogr. Comment. S. 58 f.; также Соловьевъ, ч. II, стр. 362.

143) Hausmann, Das Ringen der Deutschen und Dänen, S. 8. Противъ этого предположенія, высказаннаго впервые Hildebrand'омъ (стр. 104), высказывается Трусманъ, Введеніе христіанства въ Лифляндіи. С.-Петербургъ, 1884, стр. 217, говоря: «Что въ это время Альбертъ намѣревался отказаться отъ части потеряннаго, какъ это утверждаютъ Hausmann и Hildebrand [!], — это ниоткуда не видно. Онъ просмотрѣлъ основаніе, заключающееся въ общихъ соображеніяхъ, которое и приводится въ словахъ: «сознавая, что» и т. д. Раньше (стр. 8) у Hausmann'a сказано: Въ лицѣ русскихъ «erwuchs den Deutschen ein höchst gefährlicher Feind, der grössere Massen ins Feld führten, als die Esten. Die Züge der Russen waren die verheerendsten und gefürchtetsten im Lande». Подобнымъ же образомъ много разъ и дальше, напр. стр. 11 внизу.

die Deutschen, diesen fremden Körper, aus ihrem Gesichtskreis bannen, weil er sie in ihren Berechnungen auf Livland störte, und sie seine Gewalt fürchteten, sobald er auch die Esten unterworfen¹⁴⁴).

Только въ августѣ 1218 г. окончили новгородцы свои приготовления къ походу, которыя, по словамъ хрониста, были на этотъ разъ особенно значительны. Во второй половинѣ этого мѣсяца великій князь Святославъ въ сопровожденіи Владиміра псковского съ шестнадцатитысячнымъ войскомъ вторгся въ Угаунію. Небольшое войско нѣмцевъ, получивъ извѣстіе о приближеніи русскихъ отъ перехваченныхъ русскихъ эмиссаровъ, отправленныхъ для того, чтобы созывать къ походу эстовъ, пошло изъ Сакалы навстрѣчу русскимъ, разбило ихъ въ двухъ сраженіяхъ, но вскорѣ однакоже отступило. Тогда Святославъ прошелъ черезъ Имеру до Идумей, сильно опустошая страну; здѣсь къ нему присоединилось второе русское войско подъ предводительствомъ сына князя Владиміра, Ярослава, который только что безуспѣшно осаждалъ Венденъ. Русскіе поджидали жителей Эзеля, Сакалы и Гарріи. Первые дѣйствительно въ это время грабили безнаказанно по берегамъ Двины; сакалановъ удержало извѣстіе о двухъ вышеупомянутыхъ сраженіяхъ; когда же вслѣдъ за извѣстіемъ, что нѣмецкое войско идетъ отъ Торейды, русскіе со всѣми силами отступили опять къ Вендену, здѣсь къ нимъ присоединились эсты изъ Гарріи. Не смотря на это вторая осада Вендена также не имѣла успѣха. Тутъ мужество стало покидать великаго князя. Онъ попытался было вступить съ рыцарями въ переговоры о мирѣ, но мирныя предложенія были отвергнуты, и онъ успѣшно возвратился въ Россію, частію изъ страха передъ нѣмцами, частію вслѣдствіе полученнаго имъ въ Угауніи извѣстія о томъ, что въ его отсутствіи псковское княжество подверглось нападенію литовцевъ. — Летты особенно пострадали отъ русскихъ опустошеній, за которыя отомстили цѣлымъ рядомъ набѣговъ на псковскую землю; тогда (именно зимою 1218—1219 г.) псковичи отправили къ нѣмцамъ посольство съ просьбой о мирѣ. Но послѣдніе, по словамъ хроникъ, не довѣряли имъ за ихъ связь съ эстами, и такимъ образомъ миръ не состоялся¹⁴⁵).

Въ это время нѣмцы съ большей увѣренностью смотрѣли въ глаза

144) Hausmann, S. 11 f.

145) Генрихъ XII, 2—8, первая и четвертая новгородская лѣтопись подъ 6726 и 6727 гг. — Vonnell, Chronogr., Comment. S. 59—62. О сраженіи при Венденѣ и дрѣвнерусскомъ названіи этого мѣста — Кѣсь (Кесь) и Пертуевъ — см. G. Vierhuff, Wo lag die Burg «Alt-Wenden»? (Riga, 1884); ср. Bielenstein, Grenzen u. s. w., S. 94, особенно стр. 334 и слѣд. Также C. Schirren, въ «Göttingischen Gelehrten Anzeigen» 1893, № 5 и въ «Magazin der Lettisch-Litterarischen Gesellschaft» Bd. XIX, Stück 3 (Mitau, 1894), тамъ же Bielenstein'a «Bemerkungen». — Въстѣ съ только что упомянутымъ посольствомъ вернулся, должно быть, и братъ епископа Теодорихъ (XXII, 8); по крайней мѣрѣ въ февралѣ 1220 г. онъ принималъ участіе въ походѣ нѣмцевъ на Гаррію (XXIII, 9).

будущему. А именно, епископу Альберту удалось подвинуть на крестовый походъ въ восточный языческій край не только весьма уважаемаго императорскаго князя, герцога Альберта Саксонскаго, но также и короля датскаго, Вальдемара II. Впрочемъ послѣдній съ самаго начала имѣлъ въ виду свои выгоды. Не какъ простой пилигримъ, а какъ завоеватель, присталъ онъ въ 1219 г. къ берегамъ Эстляндіи съ флотомъ въ полторы тысячи парусовъ, основалъ здѣсь свою собственную, датскую колонію, изъ союзника скоро превратился въ опаснаго соперника и сталъ стремиться даже къ господству надъ самой Ригой¹⁴⁶). Но если датскій король, какъ свидѣтельствуется Генрихъ, былъ призванъ на помощь именно «въ великой борьбѣ съ русскими и эстами», то, когда помощь эта была обѣщана, въ Ивановъ день 195 1218 г., понятно, что нѣмцы могли спокойнѣе и смѣлѣе смотрѣть въ глаза русскимъ: подкрѣпленные новыми крестоносцами и имѣя союзникомъ датскаго короля, они могли теперь надѣяться одолѣть обоихъ противниковъ, русскихъ и эстовъ; этою вѣрою въ успѣхъ и объясняется, что *они дважды* отклонили мирныя предложенія русскихъ.

Съ своей стороны русскіе долгое время уклоняются отъ продолженія борьбы. Повидимому, неудача послѣдняго большого похода уменьшила ихъ предприимчивость. Къ этому присоединились безпорядки въ самомъ княжествѣ новгородскомъ, вызванные главнымъ образомъ несогласіями посадника Твердислава съ княземъ¹⁴⁷). Въ началѣ 1219 г. новгородцы указали путь князю Святославу Мстиславичу; весной его смѣнилъ на новгородскомъ столѣ его братъ *Всеволодъ*¹⁴⁸). Онъ смотрѣлъ безучастно на то, какъ въ томъ же году сперва летты опустошали псковскіе предѣлы, а потомъ псковичи землю леттовъ (XXIII, 5). Далѣе находимъ разсказъ о томъ, что епископъ Альбертъ — навѣрно весной 1220 г. — приказалъ крестить въ Угауніи язычниковъ и тогда отправилъ посольство къ новгородцамъ съ мирными словами¹⁴⁹). Вотъ все, что сообщается намъ за этотъ періодъ времени о русско-лифляндскихъ отношеніяхъ.

Успѣхи западныхъ христіанъ въ подчиненіи себѣ эстовъ, именно новыя обращенія въ Угауніи въ лѣто 1221 года, повидимому, заставили русскихъ возобновить военныя дѣйствія. Они начали съ того, что, по словамъ хроникъ, отослали назадъ грамоту мирнаго договора, заключеннаго при Оденпе 197 (et miserunt Rutheni rescriptum pacis de Piescowe, que facta est apud Odempe); изъ этого можно заключать, что въ свое время этотъ договоръ

146) Подробности см. у Hausmann'a, Das Ringen der Deutschen und Dänen и т. д.

147) См. Соловьевъ, ч. II, стр. 362 и 336 и сл.

148) Bonnell, Chronogr. S. 36 и Comment. S. 60 и слѣд.

149) Генрихъ, XXIV, 1. Et missis nunciis in Russiam, episcopus verbis pacificis cum Nogardensibus locutus est.

былъ утвержденъ по крайней мѣрѣ во Псковѣ. Затѣмъ двѣнадцатитысячное русское войско явилось подъ предводительствомъ великаго князя Всеволода Мстиславича *въ землю леттовъ*, производя страшныя опустошенія; князь подступилъ къ *Вендену*, былъ опять побѣжденъ рыцарями ордена, перешелъ Аа и вступилъ въ мѣстность *Торейду*, заселенную ливами. Здѣсь присоединился къ нему отрядъ литовцевъ, которыхъ русскіе поджидали еще въ странѣ леттовъ, и которые, переправившись черезъ Аа у Вендена вслѣдъ за русскими, разграбили всю мѣстность до самаго моря. Но ничего существеннаго не могли сдѣлать русскіе и на этотъ разъ. Подвергаясь нападеніямъ со стороны нѣмцевъ и ливовъ, они вмѣстѣ съ литовцами прошли черезъ Имеру и Угаунію, продолжая грабить, и вернулись во Псковъ. 198 Литовцы пробыли во Псковѣ мѣсяцъ и, когда они на обратномъ пути хотѣли пробиться черезъ землю леттовъ, они были истреблены нѣмцами. Послѣ этого, осенью 1221 г. и слѣдующей зимою, предприняли нѣмцы, ливы и латыши, съ ними и эсты изъ Угауніи и Сакалы, рядъ походовъ въ псковскую и новгородскую области, чтобы отомстить русскимъ, проникли какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ Пейпуса до Ингріи (Ингерманландіи) и почти до Великаго Новгорода; недалеко отъ него, какъ разсказываетъ хроника, латыши между прочимъ разграбили церковь и унесли иконы, колокола, церковные сосуды и другіе предметы, при этомъ много русскихъ было уведено въ плѣнъ въ Лифляндію и Эстляндію¹⁵⁰).

Союзъ эстовъ съ русскими прекратился, съ тѣхъ поръ какъ эсты были 199 покорены нѣмцами и датчанами, и они не разъ, какъ было только что показано, сражались противъ русскихъ. Но скоро отношенія перемѣнились.

Лѣтомъ 1222 г. датскій король, Вальдемаръ II, высадился на островъ Эзель, овладѣлъ имъ и построилъ тамъ каменное укрѣпленіе. Тогда же состоялось новое соглашеніе между нимъ и нѣмцами: между прочимъ они обязались помогать другъ другу противъ русскихъ и язычниковъ (XXVI, 2). Но когда король удалился, возстали, вѣроятно, въ концѣ лѣта 1222 г., *жители Эзеля*; датскій замокъ долженъ былъ имъ сдаться и былъ ими 200 разрушенъ. Тогда возстаніе распространилось и на континентъ; эсты поднялись какъ противъ датскаго, такъ и противъ нѣмецкаго владычества, и области Сакала и Угаунія были снова потеряны нѣмцами: къ началу 1223 г. во всей Эстляндіи оставалось *одно* укрѣпленное мѣсто, датское укрѣпленіе

150) Генрихъ XXV, 3—6: первая и четвертая новгородская, троичкая, первая псковская и софійская лѣтописи (Полное собраніе русск. лѣт. т. V) подъ 6730 годомъ. Wopnell, Chronogr. Comment. S. 59—64, Nachträge, S. 237. Возможно, что русское войско отправилось въ это время на югъ, гдѣ, по Боннелю, весной 1222 г., а по Кунику годомъ позже, произошла битва съ Татарами на р. Калкѣ, о которой упоминаетъ и Генрихъ — XXVI, 1. (См. также цитируемая Боннелемъ работы ак. Куника). Ср. Pabst, S. 301, Ашп. 5 къ XXVI, 1.

Ревель, одиноко стоявшее на сѣверѣ¹⁵¹⁾. «У эстовъ достало силъ сбросить
201 съ себя иго христіанъ, но гораздо труднѣе было удержать занятое по-
ложене, ибо было ясно, что христіане снова будутъ стремиться поко-
рить ихъ себѣ. Тогда эсты призвали на помощь *русскихъ изъ Пскова и*
Новгорода, подѣлились съ ними захваченной добычей, передали имъ *Дерптъ,*
Феллинъ и другія укрѣпленія [не Оденпе ли?] для защиты, укрѣпивъ ихъ
очень сильно¹⁵²⁾, и приготовились сами къ борьбѣ; захваченныя у нѣм-
цевъ военныя маныны они подѣлили между собою, изготовили также но-
202 выя и упражнялись въ стрѣльбѣ изъ самострѣловъ. Наконецъ послѣдовало
съ ихъ стороны полное отпаденіе отъ христіанства: прежнія языческія
жены вернулись къ своимъ мужьямъ, похороненные по христіанскому об-
ряду были сожжены по обычаю язычниковъ, и истреблены эстами всѣ
слѣды христіанства въ домахъ и укрѣпленіяхъ.... Сакаланы торжественно
объявили въ Ригѣ, что они согласны на миръ, но *низачто не примутъ*
христіанства, пока хоть одинъ мальчикъ, имѣющій годъ отъ роду или
одипъ локоть росту, остается въ ихъ странѣ. Рыцарей, захваченныхъ ими
въ плѣнъ, и христіанскихъ купцовъ они предложили отпустить на свободу
взамѣнъ ихъ сыновей, остававшихся въ Ригѣ заложниками. Нѣмцы согла-
сились на это предложеніе, что говорить объ ихъ слабости, ибо такимъ
образомъ лучшее обезпеченіе покорности эстовъ уходило у нихъ изъ рукъ.
203 Все будущее христіанской колоніи было теперь поставлено на карту: если
бы возстаніе эстовъ увѣнчалось успѣхомъ, то не одна Эстляндія была бы
потеряна, Лифляндія также угрожала бы отпаденіемъ»¹⁵³⁾.

Скоро однакожь пришла къ нимъ помощь: весною 1223 г. Бернгардъ,
епископъ Зелоніи¹⁵⁴⁾, привелъ сильное войско крестоносцевъ изъ за моря.
Прежде всего удалось нѣмцамъ при Имерѣ нанести рѣшительное пораженіе
Сакаланамъ и Угаунцамъ, которые передъ тѣмъ опустошили вдоль и попе-

151) Ревель (Revale и пр.) — первоначальное названіе мѣстности. Генрихъ назы-
ваетъ его «Lundanise», что основывается на недоразумѣніи, потому что это слово обозна-
чаетъ буквально по эстонски: «въ укрѣпленіе» (отъ старинной формы «linda», вм. «lipp» =
городъ, укрѣпленіе). Старинное русское названіе Колыванъ также эстонскаго происхожде-
нія. См. мои замѣчанія «Ueber früher gebräuchliche russische Benennungen baltischer Oert-
lichkeiten» въ «Sitzungsberichte» и пр. за 1887 годъ, стр. 24 и сл., и приведенную тамъ же
литературу (также работу P. Jordan'a: «Ueber die Bauernburgen in Estland» въ «Beiträge
zur Geographie und Statistik» и проч.).

152) Ruthenos vero tam de Nogardia quam de Plescekowe sibi vocaverunt in auxilium
firmantes pacem cum eis, et locantes quosdam ex eis in Tharbata, quosdam in Viliende et in
aliis castris contra Theuthonicos et Latinos et omnes christianos pugnatueros, dividentes cum
eis equos et pecunias et omnem substantiam fratrum millie.... et muniverunt castra sua firmis-
sime. Heinr. XXVI, 8.

153) Hausmann, S. 49.

154) Объ епископѣ Бернгардѣ см. у F. G. v. Bunge, Livland, die Wiege der deutschen
Weihbischöfe (Leipzig, 1875).

рекъ Летляндію (XXVII, 1). Затѣмъ 15-го августа 1223 г. послѣ двухнедѣльной осады сдался Феллинъ: эстамъ была подарена жизнь, русскіе же, сколько ихъ нашлось въ укрѣпленіи, были повѣшены¹⁵⁵⁾ для устрашенія ихъ *единоплеменниковъ*. Когда же черезъ нѣсколько дней эстонское²⁰⁴ укрѣпленіе при Палѣ сдалось нѣмцамъ, Сакала снова оказалась въ ихъ власти (XXVII, 2).

Очевидно, уже гораздо раньше, хотя Генрихъ сообщаетъ объ этомъ только въ гл. XXVII, 3, старшины изъ Сакалы были отправлены «въ Россію» съ золотомъ и многими подарками — приглашать «королей русскихъ» къ открытой борьбѣ «противъ нѣмцевъ и латинянъ»; заведены были сношенія даже съ вел. княземъ суздальскимъ Юріемъ. И вотъ въ сентябрѣ появилось двадцать тысячъ русскихъ въ Угауніи. Ихъ привелъ Ярославъ Всеволодовичъ¹⁵⁶⁾ переяславскій, который въ это время опять княжилъ въ²⁰⁵ Новгородѣ; Владиміръ псковской также присоединился къ его рати, которую подкрѣпляли также многіе суздальцы. Угаунцы встрѣтили русскихъ съ большой радостью: принесли имъ большіе дары и выдали имъ нѣмецкихъ плѣнниковъ. Въ *Дертт* и *Оденне* великій князь оставилъ отряды войска, для того чтобы, говоритъ хроника, *господствовать надъ Угауніей и всей Эстляндіей — слѣдовательно не оказать помощь эстамъ* имѣли на самомъ дѣлѣ цѣлью русскіе, а приобрѣсть снова во свое владѣніе край, который давно они имѣли въ виду. — Подкрѣпленный угаунцами, Ярославъ пошелъ па Лифляндію; но при «*Ruidise*»¹⁵⁸⁾ съ нимъ сошлись эзельцы и «совѣтовали»²⁰⁶ ему сперва осадить ревелъское укрѣпленіе и, уже завоевавъ его, идти въ Лифляндію... Русскій князь послушался совѣта. Серьезная опасность, которая грозила нѣмцамъ и могла имѣть для нихъ роковыя послѣдствія, миновала; оставивъ свой первоначальный, совершенно вѣрный планъ — сперва нанести ударъ болѣе сильному непріятелю на югѣ, русскіе погубили этимъ все свое предпріятіе, тѣмъ болѣе, что были не искусны въ осадныхъ работахъ. — Путь русскихъ на сѣверъ шелъ черезъ *Сакалу*. Князь огорчился, когда узналъ, что эта мѣстность покорена, когда же въ Феллинѣ онъ уви-

155) ... ad terrorem aliorum Ruthenorum — Heinrich, XXVII, 2. Начальникъ русскаго гарнизона въ Феллинѣ «Waremagus» (порусски, должно быть, Варемиръ) вмѣстѣ съ многими русскими и эстами» былъ раньше этого убитъ латышскимъ старшиною Рамеке въ сраженіи при Палѣ въ то время, какъ русскіе и эсты грабили (въ Идумѣ). — XXVII, 1. О происхожденіи имени Варемаръ см. замѣчанія ак. Куника въ: В. Dogn, «Caspia» (Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de Saint-Petersbourg. VII Série. Tome XXIII (1877), стр. 402, столб. 2 и стр. 405, столб. 2).

156) Bonnell, Chronogr. S. 41. Comment. S. 247.

157) ... ut haberet dominium in Ugaunia et per totam Estoniam.

158) Искаженное эстонское названіе, которое значитъ буквально «по деревьямъ» или «при деревьяхъ» (ср. обозначеніе «Lyndanise» для Ревеля). Мѣсто это лежало вблизи Wirzjerw. Подробнѣе у Pabst'a S. 239. Ann. 10 къ XXII, 2.

дѣлъ повѣшенныя трупы своихъ, онъ пришелъ въ большую ярость и подвергъ страну самому страшному опустошенію, не встрѣчая въ этомъ препятствій со стороны нѣмцевъ. Не думая о возвращеніи Феллина, онъ пошелъ дальше, призвалъ къ себѣ вспомогательныя отряды изъ Ервена, Вирлянда, Варболы и съ Эзеля и осадилъ датское укрѣпленіе Lyndanise [т. е. *Ревель*]. Большое и сильное войско облегло Ревель; осада велась нѣмецкимъ искусствомъ, т. е. помощью камнеметательныхъ и другихъ осадныхъ машинъ, которыя неоднократно упоминаются въ исторіи этого возстанія. Но датчане защищались храбро и стрѣльбой изъ самострѣловъ причинили неприятелю особенно много ущербъ. Четыре недѣли простояли русскіе и эсты подѣ крѣпостью и не могли взять ея; тогда они отступили за позднимъ временемъ, такъ какъ наступилъ уже октябрь 1223 г., а можетъ быть, какъ позволяютъ *догадываться источники*, и склоненные къ тому деньгами¹⁵⁹).
 208 Производя новыя опустошенія, оставили они страну. «Самое сильное войско, изъ до сихъ поръ вступавшихъ въ этотъ край, сокрушилось о сопротивление датчанъ и не сдѣлало ничего существеннаго; только *Угаунія была закрѣплена за русскими*»¹⁶⁰).

Въ то же время рыцари пять дней осаждали безъ успѣха Дерптъ; по выраженію хрониста, они были не въ состояніи взять «такое сильное укрѣпленіе съ такими малыми силами»—XXVII, 4. Мы знаемъ, что приблизительно за годъ до возстанія сами рыцари укрѣпили особенно сильно Дерптъ, 209 именно «изъ страха передъ русскими», снабдили его воинскимъ снарядомъ и самострѣлами (XXV, 5 и XXVIII, 3); кромѣ того князь Ярославъ оставилъ тамъ гарнизонъ.

Дерптъ и долженъ былъ сдѣлаться опорнымъ пунктомъ русскаго владычества въ Эстляндіи и резиденціей князя, зависящаго, очевидно, отъ Новгорода. И вотъ осенью 1223 г. новгородцы послали туда бывшаго куконосскаго князя *Вячко*, дали ему денегъ и двѣ сотни людей и поручили ему *княжить надъ Дерптомъ и надъ другими мѣстностями, которыя ему возможно будетъ подчинить своей власти*. Въ Дерптѣ его приняли охотно, какъ защитника отъ нѣмцевъ, и окружныя мѣстности платили ему дань, т. е. прежде всего Угаунія и, можетъ быть, еще сосѣднія болѣе мелкія области (напр. Nurmegunde и др.), потому что дальше разсказывается, что

159) Hausmann, S. 53 и 54. У Генриха XXVII, 3 и въ троїцкой, первой [и четвертой] новгородской, первой псковской [и софійской] лѣтописяхъ подѣ 6731 г. По послѣднимъ источникамъ представляется *въ высшей степени вѣроятнымъ*, что «отъ русскихъ откупились»; см. замѣчанія Hausmann'a и относящееся сюда мѣсто первой новгородской лѣтописи, подѣ 6736 г., приведенное мною на стр. 222, пр. 170.

160) Hausmann, l. c. Что русскіе на обратномъ пути прошли «къ сѣверу отъ Пейпуса», какъ полагаетъ Hausmann, не видно изъ источниковъ. Но должно быть путь ихъ былъ таковъ, потому что они сперва попали въ Дерптъ, а потомъ въ Оденпе.

противъ тѣхъ, которыя не платили, онъ снарядилъ войско и опустошалъ всѣ подчиненныя ему земли отъ Вайги до Вирлянда и отъ Вирлянда до 210 Ервена и Сакалы, и совершалъ надъ христіанами всякое зло, какое только могъ¹⁶¹). Ливы и летты нѣсколько разъ выступали противъ него и «дерптчанъ», но ничего не могли сдѣлать; также безуспѣшно осаждали рыцари Дерптъ во второй разъ втеченіе пяти дней, послѣ пасхи 1224 г. (XXIII, 1). Тѣмъ временемъ остальные части эстонскаго континента одна за другою переходили окончательно подъ власть западныхъ христіанъ, пока наконецъ одна только Угаунія, да одна часть Вирлянда, должно быть, зависѣвшая отъ князя Вячко, оставались имъ непокорны (XXXIII, 5); когда же угаунцы 211 въ Оденпе хотѣли признать своимъ господиномъ брата епископа Альберта, Германа, котораго Альбертъ послѣ смерти Теодориха сдѣлалъ епископомъ Эстляндіи¹⁶²), имъ воспрепятствовалъ въ этомъ князь «со своими дерптчанами» (XXVIII, 2). Лифляндскій хронистъ рѣзко порицаетъ и жителей Дерпта, и князя Вячко; онъ часто упоминаетъ объ ихъ грабежахъ и указываетъ особенно на то, что Дерптъ сдѣлался, какъ онъ говоритъ, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ злодѣевъ изъ сосѣднихъ мѣстностей и Сакалъ, всѣхъ предателей, убійцъ и зачинщиковъ злыхъ замысловъ противъ лифляндской церкви (XXVIII, 3).

Во второй половинѣ апрѣля епископъ Альбертъ возвратился со своимъ братомъ Германомъ и многими пилигримами, послѣ полуторагодичнаго пре- 212 быванія въ Германіи (XXVIII, 1). Съ тѣхъ поръ какъ его опасный соперникъ, Вальдемаръ, король датскій, находился въ плѣну у графа Шверина¹⁶³), онъ могъ посвятить все свое вниманіе упорядоченію эстляндскихъ дѣлъ. Онъ вошелъ съ орденомъ и своимъ братомъ въ соглашеніе, договоры котораго дошли до насъ, относительно дѣлежа земель (XXVIII, 2), а къ князю Вячко отправилъ посольство, требуя, чтобы онъ оставилъ бунтовщиковъ, которые находились въ укрѣпленіи (*ut recederet a rebellibus illis, qui erant in castro*), т. е. очистилъ Дерптъ. Но эта попытка покончить дѣло мирнымъ образомъ не привела къ результату: князь не хотѣлъ оставлять укрѣпленія, потому что Дерптъ и прилежащія земли были ему даны новгородцами и королями русскими навсегда, причемъ они обѣщали защи- 213

161) Post hoc Nogardenses miserunt regem Wiesceka ... et dederunt ei pecuniam et viros ducentos secum, committentes ei dominium in Darbeta et in aliis provinciis, quas sibi posset subjugare. Et venit idem rex cum viris suis in Darbetam, et receperunt eum cum gaudio, ut fortiores contra Theuthonicos efficerentur, et dederunt ei tributa de circumiacentibus provinciis, et quicumque tributa non prebebant, exercitum contra eos direxit et devastavit omnes terras... Генрихъ XXVII, 5.

162) Bar. Toll und Schwartz, Brieflade, Th. III, S. 216 f.

163) Hausmann S. 56 f. Король былъ взятъ въ плѣнъ 7 мая 1223 г.

щать его отъ нападеній нѣмцевъ¹⁶⁴). Кромѣ того онъ рассчитывалъ на хоропія укрѣпленія Дерпта, который, по замѣчанію Генриха, дѣйстви- тельно былъ крѣпче всѣхъ другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ Эстляндіи, также на запасъ оружія, оставленный нѣмцами, и на многочисленность русскихъ стрѣлковъ (*sagittarios Ruthenos quam plures*); вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ раньше эзельцы, дерптчане изготовили камнеметныя машины и другіе военные снаряды (XXVIII, 3). Такимъ образомъ крѣпость могла, до прихода рус- скихъ, защищаться противъ очень сильнаго врага.

Когда переговоры не привели ни къ чему, нѣмцы рѣшили дѣйствовать противъ князя силою, тѣмъ болѣе что устраненіе русскаго владычества въ Угауніи являлось необходимымъ условіемъ прочности нѣмецкаго господства 214 надъ Эстляндіей. Тогда было сдѣлано воззваніе, призывавшее на войну всѣхъ нѣмцевъ въ Лифляндіи, людей епископа, рыцарей ордена, пилигри- мовъ, купцовъ, гражданъ Риги, также ливовъ и латышей. 15-го августа 1224 г. большое войско приступило къ *осады Дерпта*, въ подробности которой здѣсь *нѣтъ надобности входить*. На девятый день, должно быть, узнавъ о приближеніи русскаго войска, спѣшившаго на выручку своихъ, осаждающіе отрядили посольство въ городъ: князю предлагали свободный выходъ со всѣми его людьми, лошадьми и со всѣмъ добромъ, лишь бы онъ оставилъ укрѣпленіе и отступился отъ мятежниковъ эстовъ. Но рассчиты- вая, что новгородцы выручатъ его, князь объявилъ съ упорствомъ, что 215 онъ низачто не оставитъ Дерпта¹⁶⁵). Дѣйствительно въ это время русскіе грабили въ странѣ [Угауніи], такъ что пришлось часть осаждающаго войска отрядить противъ нихъ; но отрядъ этотъ не нашелъ ихъ, и скоро всѣ силы нѣмцевъ опять соединились для блокады крѣпости¹⁶⁶). Осажден- ные очень храбро оборонялись, но нѣмцы день и ночь вели осадныя ра- боты: ни тѣ, ни другіе не спали вовсе, и такимъ образомъ, по словамъ хроники, прошло много дней. На общемъ совѣтѣ христіанъ было принято рѣшеніе въ противоположность кроткому образу дѣйствій въ раньше быв- шихъ случаяхъ взятія укрѣпленій, не внушившаго достаточнаго страха, 216 на этотъ разъ поступить самымъ *суровымъ образомъ* съ осажденными; тотъ, кто первымъ проникнетъ въ укрѣпленіе, долженъ былъ быть награжденъ

164) *Et nolebat rex ab eis recedere, eo quod Nogatenses et reges Ruthenorum sibi castrum ipsum cum adiacentibus terris perpetua donatione donaverint et liberationem Theutonico- rum impugnatione promiserint.*

165) . . . *promittitur ei via libera, ut exeat cum viris et equis et omnibus rebus suis, si tantum recedat de castro et gentem illam apostatricem derelinquat. Sed rex a Nogatensibus liberationem expectens, nullatenus se castrum derelinquere pertinaciter affirmat.*

166) Можетъ быть, какъ думаетъ Pabst, (S. 331, Ann. 20), эти русскіе еще раньше вышли изъ Дерпта на добычу, потому что большое русское войско, шедшее на выручку, дошло впослѣдствіи только до Пскова. Или: не были ли это псковичи, которые уклонились отъ битвы съ сильнымъ лифляндскимъ войскомъ и ушли обратно?

особымъ почетомъ и богатой добычей и плѣнниками, князя же рѣшено было повѣсить на самомъ высокомъ деревѣ, чтобы вознести его надъ другими (XXVIII, 5).— При окончательномъ штурмѣ Дерпта особенно личной храбростью отличился рыцарь Іоаннъ Аппельдеринъ, также братъ епископа Альберта: всего съ однимъ товарищемъ взобрался онъ на валъ и оттуда проникъ въ укрѣпленіе. Примѣръ его увлекъ другихъ, сперва нѣмцевъ, потомъ латышей и ливовъ; началась страшная рѣзня. Около тысячи эстовъ было убито, въ числѣ ихъ и женщины; тогда только добрались до русскихъ, которые защищались особенно долго — ихъ перебито было около двухъ сотъ, между ними и князь Вячко¹⁶⁷). Изъ всѣхъ людей, бывшихъ 217 въ укрѣпленіи, говоритъ буквально хроника, остался въ живыхъ *только одинъ*, который былъ дружинникомъ (vasallus) великаго короля суздальскаго, посланный своимъ господиномъ въ это укрѣпленіе. Его потомъ рыцари одѣли и послали домой въ Новгородъ и Суздаль на добромъ конѣ возвѣстить своимъ господамъ о томъ, что совершилось¹⁶⁸).

Надежды осажденных на то, что свои ихъ выручатъ, не были безосновательны: изъ Новгорода шло уже сильное войско и уже достигло 218 Пскова, но здѣсь встрѣтило ихъ извѣстіе, что Дерптъ взятъ нѣмцами. И наконецъ осенью 1224 г. въ Ригѣ состоялся *миръ съ новгородцами и псковичами*, о которомъ также уже шла рѣчь¹⁶⁹).

Мы видѣли, что грамота этого мирнаго договора не сохранилась, и что мы знакомимся съ нимъ исключительно изъ соотвѣтствующаго мѣста хроники Генриха Летляндскаго, изъ котораго слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ старая дань съ Толовы была сохранена за русскими (XXVIII, 9); и такъ какъ при этомъ ни однимъ словомъ не упоминается про Угаунію и остальную Эстляндію, то надо заключать, что русскіе *отказались отъ всего, чѣмъ они когда либо* (хотя бы временно) *непосредственно владѣли въ эстонскомъ* 219 *краѣ, и отъ всякой дани съ эстовъ* — слѣдовательно, былъ признанъ прямо или непрямо status quo, на что я особенно обращаю вниманіе. Этому выводу находимъ мы и *иного рода подтвержденія*.

Какъ непосредственное владѣніе русскихъ мы можемъ разсматривать

167) Можетъ быть, въ этомъ перечисленіи имѣются въ виду только эсты и русскіе, убитые въ самомъ укрѣпленіи, не считая бѣглецовъ, которые были пойманы и убиты внѣ его; навѣрно не мало народа было перебито и во время продолжительной осады. Истребленъ былъ собственно гарнизонъ; если и упоминаются эстонскія женщины, то, навѣрно, онѣ принимали участіе въ сопротивленіи. Что женщинъ и дѣтей обыкновенно щадили, это ясно изъ рассказываемаго въ концѣ этого отрывка.

168) Генрихъ XXVIII, 6, первая и четвертая новгородская лѣтописи подъ 6732 г. упоминаютъ одной короткой фразой о смерти князя Вячко и потерѣ Дерпта. Ср. Соловьевъ, т. III, стр. 363—365.

169) См. гл. II, стр. 139 этого изслѣдованія.

Дерптъ и его окрестность съ осени 1223 года, но князь, посаженный сюда изъ Новгорода, палъ при завоеваніи этой мѣстности нѣмцами. Въ то же время новгородцы были уже на пути для выручки Дерпта, когда получили во Псковѣ вѣсть, что онъ взятъ. Вмѣсто того чтобы вторгнуться сейчасъ же въ Угаунію и по крайней мѣрѣ попытаться вернуть ее, они примирились съ совершившимся фактомъ ея окончательнаго перехода въ нѣмецкія руки и ушли обратно, хотя, какъ замѣчаетъ Генрихъ, съ горемъ и досадою (XXVIII, 6). — Далѣе мы видѣли, что эсты, когда они въ первый 220 разъ пришли въ соприкосновеніе съ нѣмцами, были *независимы* отъ русскихъ, что только въ началѣ 1217 г. общая борьба съ нѣмцами, повторившаяся потомъ въ началѣ 1223, временно свела русскихъ и эстовъ, и что изъ борьбы, возгорѣвшейся именно изъ за эстонскаго края, нѣмцы вышли побѣдителями. Поэтому, заключая миръ въ 1224 г., они могли настоять на томъ условіи, которое они еще осенью 1216 года, передъ самымъ началомъ долготѣней борьбы, противопоставляли притязаніямъ русскихъ на дань: *тогда* они объявили угаунцевъ «свободными отъ русскихъ» — «какъ *всегда* [т. е. насколько *простирались свѣдѣнія нѣмцевъ*] они были свободны *до крещенія* [начатаго въ 1210 г. новгородцами и псковичами], такъ остались и теперь» (XX, 3). — Наконецъ имѣется еще *русское свидѣтельство* изъ нѣсколько позднѣйшаго времени, которое въ связи съ предыдущимъ 221 служитъ доказательствомъ того, что новгородцы отказались отъ эстонскаго края. Именно, когда въ 1228 году великій князь Ярославъ Всеволодовичъ новгородскій снова призвалъ псковичей къ походу противъ нѣмцевъ, что было уже упомянуто (стр. 149), они отказались слѣдовать за нимъ, ссылаясь на *безплодность* продолжительной борьбы въ слѣдующихъ характеристныхъ словахъ: «Кланяемся тебѣ, князь, и братьѣ новгородцамъ, но въ походы [на Ригу] не идемъ и своей братьи тебѣ не выдаемъ, а съ рижанами имѣемъ мы миръ. Ходили вы къ Ревелю, взяли денегъ [собственно «серебра»] и вернулись въ Новгородъ; а дѣла не сдѣлали, города не взяли; такъ же было и при Венденѣ и при Оденпе. За это нашихъ избили на озерѣ, а нѣкоторыхъ увели въ плѣнъ. Такимъ образомъ вы [только] раздразили [нѣмцевъ], а сами ушли прочь. Или вы задумали что противъ насъ? Тогда мы выйдемъ къ вамъ съ Пресвятою Богородицею и съ покло- 222 номъ. Пожалуй, изрубите насъ, а дѣтей и женъ [нашихъ] возьмите себѣ; тогда будете не лучше язычниковъ [!]. На томъ кланяемся вамъ»¹⁷⁰⁾.

170) [Первая] новгородская лѣтопись по синодальному пергаментному списку подъ 6736 г., стр. 226 и сл. («Тобѣ ея, княже, кланяемъ и братьѣ Новгородьцемъ; на путь ни идемъ, а братьи своей не выдаемъ; и с Рижаны есме миръ взяли. Къ Колываню есте ходивъше, серебро поимали, а сами пойдосте въ Новъгородъ, а правды не сотворися, города

Не столько превосходству въ военномъ искусствѣ надъ русскими, не 223
 столько самой храбрости, сколько цѣлесообразно направленной и упорной
 энергіи, которую питало религіозное одушевленіе крестоносныхъ воиновъ,
 обязаны нѣмцы тѣмъ, что имъ удалось устранить русское вліяніе изъ
 теперешняго балтійскаго края. И только *подъ нѣмецкимъ владычествомъ*
 суждено было кореннымъ жителемъ этого края не только обратиться въ
 христіанство — правда на первыхъ порахъ большею частію путемъ при-
 нужденія — но и перейти въ упорядоченныя, государственныя формы
 быта, которыя прежде всего, положивъ конецъ царившей въ краѣ непре-
 рывной войнѣ, обезопасили ихъ жизнь и обезпечили собственность, впо-
 слѣдствіи же сдѣлали возможнымъ ихъ культурное перевоспитаніе въ духѣ
 христіанства. Русскимъ были чужды такого рода культурныя стремленія;
 они не думали о томъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ свое господство
 введеніемъ христіанства: это обстоятельство и имѣло роковыя послѣдствія 224
 для ихъ власти. Совершенно *разрозненныя*, такъ сказать, случайныя по-
 пытки крестить туземцевъ, вызванныя чисто внѣшними побужденіями въ
 Толовѣ и Угауніи, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій.

Когда же съ началомъ сороковыхъ годовъ тринадцатаго столѣтія, духъ
 завоеванія сталъ руководить нѣмцами и направилъ ихъ предприимчивость
 уже на коренныя русскія земли, изъ среды русскаго народа выступилъ
 герой — великій князь новгородскій, Александръ Невскій, который и по-
 ложилъ предѣлъ ихъ поступательному движенію.

не взясте, а у Кѣси такоже, а у Медвѣжс Головѣ такоже а за то братью избиша на озерѣ,
 а иниѣ поведени; а вы раздравше та прочъ; или есте на насъ удумали, тѣ мы противу
 васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ; то вы луче насъ посѣчите, а жены и дѣти
 поемлите себе, а не луче погани. Тѣ вамъ ся кланяемъ»). Очень неточно и съ неоснова-
 тельными измѣненіями это мѣсто было уже переведено. Th. Schiemanн'омъ въ его сочи-
 неніи: «Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert», Bd. I. (Berlin 1886), S. 193 f.
 (въ Onken's «Weltgeschichte in Einzeldarstellungen»).

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Нѣкоторые спорные вопросы географіи старинной Лифляндіи.

Въ своемъ недавно явившемся весьма фундаментальномъ сочиненіи: «Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII. Jahrhundert» (St. Petersburg 1892) Dr. A. Bielenstein ссылается много разъ на мои работы: «Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Pleskauer» и «Das livische und lettische Dünagebiet und die Fürsten von Polozk, Gercike und Kokenhusen am Ausgang des XII. und zu Beginn des XIII. Jahrhunderts», напечатанныя въ XIV и XV томахъ изданія «Mittheilungen aus der livländischen Geschichte». Нѣкоторыя разногласія съ достопочтеннымъ авторомъ даютъ мнѣ поводъ 226 еще разъ вернуться къ спорнымъ вопросамъ.

Дѣло идетъ прежде всего о протяженіи *земли Толова* и, въ частности, о томъ, какія области къ ней относились.

Я полагаю (см. стр. 114 и сл. этого изслѣдованія и «Mitth.» Bd. XIV, S. 82 f.), считая себя въ правѣ ограничиться лишь общими указаніями, что: «Во время Генриха хрониста Толова обнимала область по верхнему и среднему теченію Аа, граничила на востокъ съ русскими владѣніями и простиралась къ западу до озера Вуртнекъ, такъ что Трикатуа (около имѣнья Трикатенъ) и Адзеле (около имѣнья Адзель), которыя упоминаются при случаѣ рядомъ съ Толовой, должны бытъ включены въ нее какъ части ея.» Возражая на это, Dr. Bielenstein противопоставляетъ слѣдующее мнѣніе: es lasse sich «so viel klar erkennen dass Tolowa die heutigen Parochien Trikatzen, Wolmar, Burtneek (wohi ganz), ebenso Papendorf, (zum Theil)

Wohlfahrt, Luhde-Walk, Adsel, Palzmar und Smilten umfasste. Ob die 227 Grenzen von Tolowa sich noch weiter nach Osten oder Südosten erstreckt, bleibt sehr fraglich» (S. 83)—и въ примѣчаніи дѣлается ссылка на стр. 99-ую первой изъ моихъ выше названныхъ статей, гдѣ въ примѣчаніи я признаю область верхняго теченія Аа принадлежащую къ Толовѣ. Если поставить вопросъ: какъ же г. Биленштейнъ представляетъ себѣ въ частностяхъ предѣлы Толовы, то отвѣтъ находимъ на таблицѣ IV (ср. таблицу II) приложеннаго къ сочиненію «Атласа: мѣстностью Адзеле соприкасалась Толова на сѣверѣ съ эстонскимъ краемъ, къ сѣверозападу со страной Имерскихъ леттовъ и съ Astijerwe (= озеро Буртнекъ), къ западу съ мѣстностями Метсеполе (Metsepole) и Идумея, къ юго-западу съ областью вендовъ¹⁷¹). На стр. 81 и сл. Биленштейнъ отвергаетъ, какъ это сдѣлалъ уже раньше и я (I. с. 228 S. 90 f. Anm.), тождество владѣнія «Rameke» съ теперешнимъ «Ramkau» и встрѣчающихся въ документахъ «Gulbana» и «Prebolge» съ теперешнимъ мѣстомъ Schwanenburg (= лат. «Gulbene») и Pebalg¹⁷²) и заключаетъ далѣе (возражая противъ мнѣнія, котораго я, должно замѣтить, не защищалъ), что Pebalg (къ юго-востоку отъ истоковъ Аа), отстоя «слишкомъ далеко» отъ 229 озера Буртнекъ, «лежалъ навѣрно внѣ предѣловъ Толовы» — такимъ образомъ г. Биленштейнъ не опредѣляетъ точнѣе южной границы; правда еще на стр. 81 (вверху) онъ замѣчаетъ, что въ юговосточномъ направленіи границу слѣдуетъ искать «между приходами Адзель и Мариенбургъ». «Относительно распространенія Толовы къ востоку», по мнѣнію Биленштейна «имѣется всего одно (непрямое) указаніе», именно то, что платилась дань Пскову; дальше мысль развивается слѣдующимъ образомъ: «Die Abhängigkeit von Pleskau könnte schllessen lassen, dass zwischen Tolowa und den Russen nicht gerade grosse Zwischenräume oder wenigstens nicht mächtige Häuptlinge gewesen, die das Vordringen der Russen hätten aufhalten können. Die Hügellandschaft von Oppekaln und Marienburg und die Gegend um die Peddez und die anderen oberen Zuflüsse von Ewst mögen damals von riesigen Wäldern bedeckt und überhaupt wenig bevölkert gewesen sein. 230

171) По вопросу о происхожденіи вендовъ С. Schirren въ своемъ отзывѣ о разсматриваемомъ нами сочиненіи Биленштейна («Göttingische gelehrte Anzeigen» 1893, № 5), пользуясь отчасти матеріаломъ, который былъ неизвѣстенъ балтійскимъ изслѣдователямъ, высказываетъ новую, достойную вниманія гипотезу. Статья Ширрена перепечатана въ изданіи «Magazin der lettischen litterarischen Gesellschaft», Bd. XIX, Stück 3 (Mitau, 1894), S. 57 f.; сравни «Bemerkungen» Биленштейна, стр. 76 и сл.

172) Предположеніе, за которое склоненъ теперь стоять и Биленштейнъ, стр. 93, что подъ «Gulbana» можно понимать теперешнюю почтовую станцію Gulben, приблизительно въ милѣ отъ Валка въ юговосточномъ направленіи, я высказалъ уже въ статьѣ «Ueber früher gebräuchliche russische Benennungen haltischer Oertlichkeiten» въ изданіи: «Sitzungsherichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands» за 1887 г., стр. 24 и слѣд.

Jedenfalis war das Ost-Ende von Tolowa, und was dahinter lag, zur Zeit Heinrichs für die Deutschen eine terra incognita, und wir müssen in Ermangelung von Zeugnissen aus dem Anfang des 13. Jahrhunderts uns he-scheiden, nicht in allen Stücken klar sehen wollen, so auch in Betreff der Ost-Grenze Tolowas». — Какъ видно изъ подробно разсмотрѣннаго раньше и изъ только что изложеннаго, мы сходимся съ д-ромъ Биленштейномъ во взглядахъ на сѣверную и западную границу Толовы, но мы расходимся въ опредѣленіи ея восточной и южной границы. За разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ слѣдуетъ еще разъ обратиться къ подробному разсмотрѣнію относящихся сюда источниковъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ раздѣльный актъ (Bunge, Urkundenbuch № LXX) 1224 (или 1225) г., исправленный текстъ котораго теперь ста-
231 рается возстановить д-ръ Биленштейнъ на стр. 416. Уже въ свое время G. Bergholz, Mittheilungen, Bd. XIII, s. 47 — обратилъ вниманіе на то, что изъ буквального смысла документа не ясно, принадлежало ли вообще Адзеле еще къ Толовѣ или только въ этомъ случаѣ названо вмѣстѣ съ нею. Это именно возраженіе я и имѣлъ въ виду, когда я (I. с. стр. 83) говорилъ: «Въ связи съ разсматриваемымъ ниже извѣстіемъ отъ 1285 г. то обстоя-тельство, что названное въ документѣ Agzele (= Adzele) не упомянуто вовсе у Генриха, мнѣ кажется, какъ разъ подтверждаетъ его принадлеж-ность какъ части къ землѣ Толова, подобно тому какъ Трикатау была также ея частью» (см. стр. 116 этой работы, внизу). Подобнымъ же обра-зомъ Биленштейнъ (стр. 82) хотѣлъ бы выраженіе «terra, quae Adzele dicitur» перевести просто словомъ «Landgut» (= помѣстье, имѣнье); слѣ-довательно для него «terra» Adzele есть самая восточная часть Толовы. Но
232 признавая это, онъ тѣмъ самымъ признаетъ его сопредѣльность съ преж-нимъ псковскимъ княжествомъ. Не говоря уже о выдвинутомъ мною не-маловажномъ доводѣ — въ которомъ однако Биленштейнъ напрасно видятъ «единственное (непрямое) указаніе» — именно, что Толова платила дань Пскову, мнѣ удалось I. с. стр. 129 (ср. стр. 106 и сл. — тамъ именно подробно разбирается извѣстіе 1285 г.) доказать, сопоставляя указанія вышеназваннаго документа и разказа нашего старѣйшаго хрониста съ данными позднѣйшихъ хроникъ и документовъ, что упоминаемый псковскою лѣтописью во второй половинѣ XIII в. «Алысть», позднѣйшій Мариен-
233 бургъ¹⁷³⁾, находился безспорно въ «terra adzele»; а такъ какъ только что

173) Замокъ Мариенбургъ построенъ только въ четырнадцатомъ столѣтіи; 25-го марта 1342 г. онъ былъ «оконченъ» — см. «Sitzungsberichte» за 1887 г. I. с. Подъ рубрикою «Ur-kunden des 13. Jahrhunderts und die Reichchronik» д-ръ Биленштейнъ на стр. 98 пере-даетъ русское «Алысть» по-латышски «Aluikste». На мой запросъ въ письмѣ, откуда взята эта форма, я получилъ любезный отвѣтъ, что это есть попытка «обратнаго образованія

названное мѣсто находилось самое большее въ трехъ миляхъ *отъ русской границы*, то *до этихъ же поръ должна была простираться и земля Толова*. Мы знаемъ также, что въ позднѣйшее время, какъ это можетъ быть съ точностью доказано, эта восточная область принадлежала къ землямъ ордена: это обстоятельство согласуется съ документомъ 1224 г., изъ котораго узнаемъ, что *тогда уже* — говоря словами д-ра Биленштейна на стр. 82 — «das Land(gut) Agzele mit Ausnahme von vier Orten, Dörfern oder Gebieten», которыя составляли вмѣстѣ двѣ трети этой «terra», и въ 234 числѣ которыхъ «Алысть» *не названъ*, достались на долго ордену.

Если такимъ образомъ и по г. Биленштейну распространеніе земли Толова до границъ псковскаго княжества можетъ считаться доказаннымъ, то относительно ея протяженія въ южномъ направленіи приходится придти къ иному результату, основываясь на сообщеніи Генриха Леттляндскаго, XXVIII, 9, которому я на стр. 82, въ примѣчаніи, удѣляю не меньше вниманія, именно что при раздѣлѣ 1224 г. епископу достались двѣ трети, а ордену одна треть этой мѣстности. Тогда именно *орденъ* получилъ: 1) *одну треть* Adzele — во всякомъ случаѣ весьма крупный участокъ, о размѣрахъ котораго можно судить по тому, что между теперешнимъ Мариенбургомъ и мѣстомъ Adsel было около шести миль разстоянія; 2) деревню 235 на р. Вива (Viwa), т. е. теперешній Wihzemhof въ приходѣ Трикатенъ; 3) очевидно, къ западу лежащія владѣнія Рамеке, сына старшины Талибальда, о которомъ Генрихъ Леттляндскій XXIV, 12 упоминаетъ въ послѣдній разъ въ 1223 г.; 4) всѣ прежнія владѣнія епископа (къ западу отсюда), которыя онъ имѣлъ до озера Буртнекъ раньше 1224 г. (см. «Mittheilungen» Bd. XIV S. 90 f. и 98 f., также Bielenstein S. 81); еще принадлежала ордену 5) еще съ 1213 г. (см. документъ № XXXVIII въ изд. Bunge, Urkundenbuch; далѣе «Mittheilungen» Bd. XV, S. 31 f. и Bielenstein S. 416) область много разъ упомянутого въ хроникѣ Генриха и въ документахъ укрѣпленія Аутине, которое Биленштейнъ относитъ къ округу Вольмара и равнымъ образомъ къ землѣ Толова; — сверхъ этого, можетъ быть, еще другіе участки земли, такъ съ конца 1211 или начала 1212 г. (см. «Mittheilungen» Bd. XV, S. 30), если *не* вѣрны догадки 236 Биленштейна на стр. 92 и 96, — навѣрно укрѣпленіе Zerdene, теперешнее Zehrten въ приходѣ Смильтенъ; въ то же время намъ недостаетъ

латышской формы изъ русской формы «Алысть». «Das russische » — пишетъ далѣе д-ръ Биленштейнъ — «halte ich nicht für eine russische Zuthat oder Wandlung, sondern für echt hochlettisch, wie man auf Grund lettischen Umlautgesetzes im Hochlettischen uidents für uidents (= Wasser) sagt». Какъ «современныя латышскія названія» приводятся «Alukste, Aluksne». — Въ позднѣйшихъ русскихъ источникахъ Мариенбургъ часто называется «Алысть». См. напр. въ «Mittheilungen» Bd. I, S. 108 f.

опредѣленныхъ данныхъ насчетъ того, во власти котораго изъ обладателей Толовы — ордена или епископа — находились въ 1224 году лежащія тамъ же туземныя укрѣпленія Beverin, Sotekle и Tricatua. *Епископъ рижскій* въ свою очередь получилъ кромѣ четырехъ названныхъ поименно «мѣстъ, деревень и областей» земли «terra» Adsele (т. е. двухъ третей ея), по буквальному смыслу документа, еще двѣнадцать названныхъ по именамъ деревень или крестьянскихъ дворовъ, которые именно названы «villaе» а не «castra» («или тому подобное названіе, предполагающее болѣе обширный участокъ земли»), и потому не могли быть очень обширны; G. Berkholz 237 «Mitth.» Bd. XIII, S. 46 полагалъ (въ чемъ съ нимъ соглашается Биленштейнъ, стр. 82), что «ихъ слѣдуетъ искать только въ одномъ изъ теперешнихъ приходоу Буртнекъ, Вольфартъ или Вольмаръ», и уже поэтому судя, вышеназванныя земли должны были бы имѣть слишкомъ *малое* протяженіе и безъ Adsele, врядъ ли бы могли составить двѣ трети подѣленнаго края. Оцѣнивая какъ слѣдуетъ всѣ выдвинутыя нами данныя, выносишь невольно такое впечатлѣніе, что при составленіи даннаго документа имѣлось въ виду *въ сущности* регулировать владѣніе лишь въ *нѣкоторыхъ*, а не во всѣхъ частяхъ Толовы, притомъ особенно отчетливо отмѣчая то, что доставалось на долю *ордену* или что, можетъ быть, частію и отнималось у него; ибо не надо забывать, что этотъ документъ принимаетъ за основаніе уже раньше существовавшее владѣніе значительной частью этой земли.

238 Итакъ, если границы занимающей насъ области съ сѣвера, запада, а также и съ востока могутъ быть съ точностью опредѣлены, то вышеприведенное сравненіе величинъ участковъ епископа и ордена должно привести насъ, мнѣ кажется, къ выводу, который, кромѣ того, находитъ себѣ подкрѣпленіе и въ самой этимологіи слова Толова (= земля на Аа) — именно, что въ 1224 году епископу рижскому продолжали принадлежать также и другія земли, а именно *къ югу отъ верхняго теченія Аа* (или по обоимъ берегамъ ея), которыя также должны бы относиться къ Толовѣ¹⁷⁴). Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на то, что, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время,

239 въ области, простиравшейся къ югу отъ средняго теченія Аа, причисляемые самимъ Биленштейномъ къ Толовѣ приходы Smilten и Palzmar, — а также и небезразличныя для нашего вопроса приходы: Ronneburg, Serben, Alt- und Neu-Pebalg, Aahof и проч. — составляли фактическое владѣніе рижской епископіи. Полной очевидности мы однако же не можемъ при-

174) Вслѣдствіе недосмотра, въ томъ мѣстѣ моей статьи, гдѣ я набрасываю границы владѣній епископа и ордена въ Толовѣ — «Mittheil.» Bd. XIV, S. 99—, не названы вторично, передъ тѣмъ стр. 91 впрочемъ уже упомянутыя двѣнадцать деревень, которыя достались епископу и, по Беркгольцу, лежали къ востоку отъ озера Буртнекъ и къ сѣверу отъ Аа.

писывать только что примѣненному нами способу опредѣленія размѣровъ земли Толова — потому уже, что наши источники говорятъ довольно неопредѣленно насчетъ принадлежности «terra» Adzele къ Толовѣ: возможно, что это былъ не «участокъ» Толовы и не «помѣстье» въ ней, а отдѣльная отъ нея область. Далѣе бросается въ глаза и то, что Генрихъ Летляндскій не упоминаетъ о томъ, чтобы и Адзеле платила дань псковичамъ, не говоритъ о ней даже и тогда, когда епископъ и орденъ дѣлились между 240 собой, и Адзеле было приобрѣтено нѣмцами и притомъ такъ же, какъ и Толова, сохраняя обязательство уплачивать дань Пскову.

На вопросъ: имѣлся ли въ Толовѣ, «округъ» *Трикатуа* (подобно тому какъ напр. *Aliste*, должно быть современное *Hallst*, было особымъ округомъ въ эстонской мѣстности *Сакала*, — см. «*Mitth.*» Bd. XIV, S. 107), д-ръ *Биленштейнъ* не останавливается; не ясно, сдѣлано ли это намѣренно, или нѣтъ, я постараюсь только въ краткихъ чертахъ изложить положеніе вопроса. Дѣло въ томъ, что по *Генриху Летляндскому* слѣдуетъ различать *мѣсто* *Трикатуа* отъ «земли» *Трикатуа*, какъ выражается *Пабстъ* въ своемъ переводѣ хроники *Генриха*, стр. 103, прим. 3 (*Beval* 1867): первое упоминается въ XVIII, 2, «земля» же (или «округъ») *Трикатуа* — въ XII, 6 («*in finibus Tricatuæ*») и XXIX, 3 («*provementes usque in Trica- 241 tuam, Thalibaldum seniorum illius provincie ceperunt*»); наконецъ въ XV, 7 и XIX, 3 нельзя разобрать, идетъ ли рѣчь о «мѣстѣ» или о «землѣ». Такимъ образомъ названіе *Трикатуа* слѣдуетъ понимать *въ двухъ смыслахъ* (нѣтъ вовсе необходимости, чтобы названія мѣста и страны различались непременно самими окончаніями); этого различія не проводитъ нигдѣ д-ръ *Биленштейнъ*. Въ свою очередь *C. von Löwis of Menar* принимаетъ *Трикатуа* только за названіе страны и думаетъ даже, что латышское укрѣпленіе *Беверинъ* стояло на томъ холмѣ, на которомъ потомъ былъ построенъ рыцарями замокъ *Трикатенъ* (въ статьѣ «*Die Deutsch-Ordensburg Trikatzen in Livland*» — «*Sitzungsberichte der Gesellschaft für Gesch.*» и пр. за 1890 г. стр. 37 и сл.). Уже въ «*Mitth.*» Bd. XIV, S. 90, Anm. 1 — я замѣтилъ: «Если-бы можно было доказать, что *Талибальдъ* былъ стар- 242 шиной только надъ *Трикатуа*, а не надо всей *Толовой*, то тогда выше означенный округъ долженъ бы былъ простираться къ западу за рѣку *Аа* (можетъ быть, до озера *Буртиѣкъ*)» и т. д. ¹⁷⁵).

Что касается весьма спорнаго вопроса о *мѣстонахожденіи латышскихъ укрѣпленій* *Autine, Beverin* и *Sotekle*, то я въ болѣе обширной моей работѣ о землѣ Толова, на которую не разъ ссылаюсь, могъ отвѣчать на него лишь *гадательно*. Вопросъ былъ еще болѣе затрудненъ сообщеніями

175) См. стр. 126 пр. 88 этого изслѣдованія.

Биленштейна о томъ, гдѣ по его мнѣнію, находилась мѣстность Rospla, и особенно о томъ, что теперешнее имѣніе Raiskum относилось къ Идумѣ (см. сочиненіе д-ра Биленштейна: «Fragmente aus der Ethnographie und Geographie Alt-Livlands» Mitau, 1884), — сообщеніями, которыхъ 243 я отчасти не могъ провѣрить. Правда, самъ авторъ беретъ ихъ назадъ въ своемъ послѣднемъ большомъ трудѣ: «Grenzen des lettischen Volksstammes», но здѣсь же возникаетъ новое затрудненіе: онъ причисляетъ теперь *Autine* также къ *Толовъ*. Это послѣднее мнѣніе, хотя не подкрѣпляется ни однимъ изъ источниковъ, можетъ однако быть и вѣрнымъ, и само по себѣ не противорѣчитъ тому факту, что остальная Толова платила дань княжеству псковскому, потому что мы знаемъ (г. Биленштейнъ однакожь этого не приводитъ), что до 1209 или начала 1210-го года Аутине принадлежало къ княжеству Герцике; такимъ образомъ, если у Генриха сказано — XI, 7, — о жителяхъ Толовы, что они были «semper tributarii Ruthenorum», т. е. псковичей, то относительно Аутине здѣсь долженъ подразумеваться князь Герцике¹⁷⁶).

244 Подробности затронутыхъ только что вопросовъ желающіе могутъ найти въ новомъ сочиненіи д-ра Биленштейна; я ограничусь здѣсь только указаніями на то, что укрѣпленіе *Autine* — округъ котораго, по аналогіи съ образованіемъ другихъ именъ мѣстностей, долженъ былъ называться «Autinipe» или «Autinene» (ср. искаженную форму «Aucenice») — по мнѣнію д-ра Биленштейна, находилось «bei der Wolmarschen Grdensburg-Ruine (Walterhügel) oder beim Kaln-Epin[g]- und Walmerin[g]-Gesinde unter 245 Kangerhof¹⁷⁸), укрѣпленіе же Беверинъ «in der Papendorfschen Parochie unweit des Pastorates am östlichen Ufer des Waidau-Sees» (S. 94) и укрѣпленіе *Сотекле* (Sotekle) — «in der Roopschen Parochie beim Kwexen-Gesinde hart an der Aa» (S. 94). Однако то, что можно привести въ пользу такой топографіи, далеко не убѣдительно¹⁷⁹); относительно же *Autine* легко

176) См. слѣд. страницу.

177) Биленштейнъ, стр. 95, говоритъ по поводу Вебине: «До сихъ поръ могли простираться владѣнія русскихъ князей Герцике», но слѣдуетъ имѣть въ виду, что они простирались далеко за теперешній Sesswegen и за *Autine* — (см. «Mitth.» Bd. XV, S. 29 f.), также стр. 59 этого изслѣдованія.

178) Стр. 94, подробности на стр. 84 и слѣд. Въ 1894 г. д-ръ Биленштейнъ въ указанномъ выпускѣ изд. «Magazin» стр. 152 предложилъ топографическую поправку, именно, что Аутине могло стоять во всякомъ случаѣ и на упомянутой возвышенности «Walterhügel». Я съ своей стороны упомяну здѣсь, что, какъ мнѣ сообщено изъ вполне достовѣрнаго источника, этотъ «холмъ» («Hügel»), застроенный домами и покрытый садами, принадлежалъ въ первой половинѣ *этого* столѣтія *семейству* «Walter»: быть можетъ, ему онъ и обязанъ своимъ названіемъ.

179) Чтобы провѣрить сдѣланное указаніе на Пабста (стр. 102, прим. 1 къ § 6), считаю нужнымъ указать на сообщеніе д-ра A. Bezenberger'a (въ цитированномъ уже выпускѣ изданія «Magazin» стр. 89), который указываетъ, что названная въ документѣ №. DCLXI (Bünge, Urkundenbuch Bd. II) мѣсто должно читаться не «Sotekle», а «Sotekefe».

доказать, что *отождествленіе его съ современнымъ Вольмаромъ не состоятельно.*

По словамъ д-ра Биленштейна — стр. 85 и сл. — д-ръ Г. Беркгольцъ въ свое время въ письмѣ къ нему обратилъ его вниманіе на то, что названіе Autipe столько разъ упомянутое «до 1215 г.» [должно стоять: 246 1213], съ этого года совершенно исчезаетъ, между тѣмъ какъ самое укрѣпленіе («castrum» и «urbs») не могло также исчезнуть. «Въ это самое время (зимой 1214—1215 г.)» изгнанный псковской князь Владиміръ «былъ фогтомъ Аутине и Идумей въ Metimne (правильнѣе читать: Metipine)». Это имя, попадающееся всего въ одномъ мѣстѣ, есть, навѣрно, описка вмѣсто «Autipene» (= округъ Autipe); наконецъ, послѣ Владиміра, это мѣсто, по мнѣнію д-ра Биленштейна, было переименовано въ Вольмаръ, который упоминается въ документахъ уже въ XIII столѣтіи. Однако самъ Биленштейнъ на стр. 416 приводитъ извлеченіе изъ извѣстнаго найденнаго Гильдебрандомъ документа, относящагося къ учрежденію лена въ 1224 г., гдѣ «Autepene» снова встрѣчается. Впрочемъ, этимъ однимъ еще не опровергается гипотеза: одиннадцатъ лѣтъ спустя старое имя могло быть 247 употреблено рядомъ съ пменемъ «Woldemaria». Но изъ точнаго смысла хроники вытекаетъ, что князь Владиміръ *ни въ какомъ случаѣ* не былъ *одновременно* фогтомъ въ Аутине и въ Идумеѣ. Онъ былъ фогтомъ короткое время (зимой 1212—1213 г.) сперва въ Аутине, *пока не произошелъ обменъ* и рыцари ордена не получили, вмѣсто своей части въ Куконосѣ, епископское владѣніе Аутине, т. е. въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1213 г. (см. стр. 60 этого труда); *тогда* князя Владиміра вознаградили тѣмъ, что епископомъ Альбертомъ ему было передано только что ставшее свободнымъ мѣсто фогта въ Идумеѣ, гдѣ жили ливы (= идумейцы) и латыши (XVI, 7). Какъ фогтъ «идумейцевъ и летговъ» (или «въ Идумеѣ и Летляндіи») онъ встрѣчается въ 1213 и 1214 гг. всего три раза (XVII, 248 4, XVII, 6, и XVIII, 2); въ XVII, 6 именно сказано, что онъ имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Метимне (sedit Metimne). Уже Pabst (S. 185, Anm. 6 zu § 6) замѣчаетъ по поводу имени «Metimne», которое по Codex Zamoisianus можно также читать «Metinme, Metipine, Metinuje»: «Etwa Mojahe, lett. Muhjene; oder gar Wolmar (ehemals auch Woldemar), lett. Wolmere, russ. Wlademerez». Слѣдовательно «Metimne» и Autipe были два различныхъ мѣста.

Прямо противъ меня, впрочемъ меня не называя, полемизируетъ д-ръ Биленштейнъ на стр. 84, пунктъ 1, гдѣ рѣчь идетъ объ «Аутине». Разбирается точка зрѣнія, выставленная мною въ противоположность утвержденію графа К. Г. Сиверса, будто Аутине находилось въ шести миляхъ къ юговостоку отъ Вольмара у истоковъ р. Аа, слѣдовательно на лѣвомъ ея 249

берегу; я же ставлю на видъ, что согласно двумъ мѣстамъ въ хроникѣ Генриха — XIII, 5 (въ концѣ) и XVI, 3 (въ началѣ) — *Аутине* должно было лежать на *правомъ*, а *Зотекле* на *лѣвомъ* берегу Аа. Д-ръ Биленштейнъ не останавливается однако на этихъ *двухъ* мѣстахъ и сверхъ того упускаетъ изъ виду, что Аутине уже въ 1209 (или началѣ 1210) г. перешло во владѣніе епископа Альберта. Кромѣ того, если по г. Биленштейну Аутине стояло на возвышенности «Walterhügel» (значитъ на *правомъ* берегу Аа), то войско сакаланъ и уганцевъ въ 1215 г. два раза должно было переходить Аа; на этомъ и остановился г. Биленштейнъ по примѣру графа Сиверса (S. 84, Punkt 8, внизу). Что касается меня, то соображеніе графа Сиверса съ самаго начала уже не было упущено мною изъ виду, только я не приписывалъ ему такого большого значенія, такъ какъ 250 болѣе важныя свидѣтельства дѣлають для меня теперь еще болѣе вѣроятнымъ, что Аутине стояло на правомъ берегу Аа. Не смотря на это я думаю, что, въ виду неполноты доставляемаго намъ источниками матеріала, мы все еще не имѣемъ права переносить имена Аутине, Беверинъ и Зотекле на опредѣленные, сохранившіяся отъ глубокой старины туземныя укрѣпленія.

По поводу другой моей работы «Mitth.» Bd. XV, S. 48 Апш. нахожу у д-ра Биленштейна — стр. 474, замѣч. 71 — слѣдующее недоразумѣніе: *не я отождествляю ручей «Resiza» съ ручьемъ «Iwah», близъ Нитцегаля, а I. Дёрингъ, котораго я цитирую; напротивъ того я въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ какъ разъ утверждаю то, что предполагаетъ теперь д-ръ Биленштейнъ.*

Достойно сожалѣнія то, что д-ръ Биленштейнъ тамъ, гдѣ — на 251 стр. 76 — онъ объясняетъ производство и значеніе слова «Lettgallia», не входитъ въ разсмотрѣніе толкованія, предложеннаго мною, но ограничивается только указаніемъ въ примѣчаніи, что я «Mitth.» Bd. XIV, S. 84 Апш. предложилъ «подобное же». Разногласіе разрѣшается, повидимому, довольно легко, но было бы желательно услышать рѣшеніе отъ ученаго авторитета въ области латышскаго языкознанія, которому исторія прибалтійскаго края также обязана столькими чрезвычайно цѣнными вкладками.

Съ особеннымъ удовольствіемъ могу здѣсь отмѣтить, что д-ръ Биленштейнъ позднѣе присоединился къ вышеизложеннымъ моимъ соображеніямъ, именно по скольку они касаются опредѣленія размѣровъ земли То- 252 лова — см. «Protokoll der fünfundsechzigsten Jahresversammlung der Let-

tisch-Litterarischen Gesellschaft S. 10 и много разъ цитированный выпускъ изданія «Magazin» (Mitau 1874) S. 152. Кромѣ этого вопроса, когда появилось сочиненіе д-ра Биленштейна, я въ началѣ не находилъ возраженій противъ того, что высказано въ немъ по поводу Аутина, Беверина и Зотекле; однако новое внимательное изученіе вопроса привело меня къ только что высказанному скептическому воззрѣнію, которое я и изложилъ — по крайней мѣрѣ что касается Аутина — въ присланной мною въ «Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen» статьѣ, прочитанной тамъ 13 сентября 1895 года. Къ этому моему мнѣнію, повидимому, присоединился и д-ръ Биленштейнъ: по крайней мѣрѣ онъ не признаетъ уже тождественности «Autine» и «Metimne» (см. «Düna-Zeitung» 1895 № 283, затѣмъ «Protokoll der siebenundsechzigsten Jahresversammlung der Lettisch-Litterarischen Gesellschaft», S. 23,— Mitau, 1896) Не вытекаетъ ли изъ этого и *нетождественность* Аутина и *Вольмара*? Можно ли считать достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отождествить ихъ, фактъ пребыванія князя Владиміра въ Аутинѣ, продолжавшагося, какъ извѣстно, самое большее нѣсколько мѣсяцевъ? Не правдоподобнѣе ли было бы предположеніе, что Метимнѣ получило новое названіе отъ имени князя: Володиміръ?!

Отвѣтъ на критику г. А. Сапунова въ „Отчетъ о тридцати восьми при-
сужденіи наградъ графа Уварова“, стр. 79—132. С.-Петербургъ, 1898.

Когда я писалъ мое изслѣдованіе, я зналъ очень хорошо, что многіе
выводы, къ которымъ я пришелъ, способны вызвать недовольство въ томъ
или другомъ читателѣ, такъ какъ мнѣ пришлось въ немъ устранить не
одно воззрѣніе, ставшее традиціоннымъ, разрушить не одну иллюзію.
Имѣя въ виду одни только положительные результаты, я избѣгалъ по воз-
можности полемики и, изслѣдуя матеріалъ строго критически, выдвигалъ
на первый планъ *единственно вѣское въ моихъ глазахъ свидѣтельство пер-*
воисточниковъ. Такимъ путемъ надѣялся я всего лучше оправдать выста-
вленный мною девизъ: «*carissima veritas*», который выражалъ мою един-
254 ственную тенденцію: *на сколько мнѣ было возможно, служить интересамъ*
истины.

Г. Сапуновъ нашель весьма многое возразить противъ моей работы,
и его объемистая рецензія заканчивается слѣдующими словами (стр. 132):
«Несмотря на то, что во многомъ нельзя согласиться съ авторомъ, я, тѣмъ
не менѣе, долженъ признать его трудолюбіе и любовь къ дѣлу, а также
полное знакомство съ новѣйшими, по крайней мѣрѣ нѣмецкими, сочиненіями
по тому вопросу, которому онъ посвятилъ свое изслѣдованіе. Нельзя не
отмѣтить также рѣшимости автора издать свое сочиненіе по русски. *Дья-*
тельность автора была бы несравненно плодотворнѣе во всякъ отноше-
ніяхъ, если бы онъ отрѣшился отъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ взглядовъ».
Если сдѣланный мнѣ здѣсь упрекъ можетъ еще показаться на первый
взглядъ снисходительнымъ, то сужденіе о моемъ трудѣ въ его цѣломъ,
выраженное на предшествующей страницѣ, имѣетъ болѣе существенный
255 характеръ: «Внимательно прочитавъ сочиненіе автора, я нахожу, что загла-
віе труда неточно передаетъ содержаніе; точнѣе было бы озаглавить такъ:
«Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ Прибалтійскомъ
краѣ въ XIII столѣтій, по хроникѣ Генриха Латыша [т. е. Генриха Лет-
ландскаго]. Но тогда необходимо устранить поставленный г. Кейслеромъ

эпиграфъ: «carissima veritas!». Также и раньше, на стр. 81, говорится уже, что я «*сполнѣ довѣряю Генриху Летляндскому*» и т. д. И вообще, какъ то должно явствовать изъ приводимыхъ ниже безчисленныхъ возраженій г. Сапунова, мое изложеніе событій *въ весьма многихъ и существенныхъ пунктахъ* никакъ не можетъ претендовать на правдивость — съ одной стороны по причинѣ моихъ «предвзятыхъ взглядовъ», съ другой вслѣдствіе моего слишкомъ большого довѣрія къ хроникѣ Генриха Летляндскаго.

Не признавъ нигдѣ положительной цѣны за тѣмъ или другимъ моимъ выводомъ, г. Сапуновъ нагромождаетъ свои возраженія въ такомъ внушительномъ количествѣ, что читатель можетъ прямо такъ придти въ недоумѣніе, когда послѣ выше приведенныхъ, довольно безразличныхъ одобреній научныхъ достоинствъ моей работы, встрѣтитъ заключеніе г. Сапунова, что работа моя достойна получить премію гр. Уварова! Невольно напрашивается вопросъ, *не можетъ ли упрекъ въ предвзятости сужденій обращенъ быть на самого критика*, который въ своей рецензій умѣлъ только порицать и порицать, такъ какъ непонятно, что же побудило его въ концѣ концовъ объявить мой трудъ достойнымъ искомой награды.

Но остановимся ненадолго на двухъ главныхъ и весьма существенныхъ обвиненіяхъ противъ меня, на которыя было только что указано. Руководился ли я предвзятими взглядами? Въ отвѣтъ на это сошлюсь на сужденіе безпристрастнаго и высокоавторитетнаго судьи, выраженное имъ гдѣ слѣдовало. *Съ разрѣшенія академика Куника я могу сообщить, что въ засѣданіи Императорской Академіи 25 февраля 1898 г. знаменитый ученый самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ заслуженности сдѣланнаго мнѣ упрека въ «предвзятости взглядовъ»*. Въ подтвержденіе этого академикъ Куникъ сослался на различныя мѣста другихъ моихъ работъ, которыя могутъ свидѣтельствовать, наоборотъ, о моемъ *безпристрастии*, — особенно на указанное мною русское происхожденіе нѣсколькихъ важныхъ въ культурномъ отношеніи латышскихъ словъ, какъ «*basniza*» (божница, церковь) и «*grehks*» (грѣхъ), о чемъ я писалъ въ изданіи «*Sitzungsberichte für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands*», 1891 г., стр. 119; — а также на мои соображенія насчетъ латышскихъ и эстонскихъ названій дней недѣли, и ихъ совпаденія со счисленіемъ восточной церкви — въ «*St. Petersburger Zeitung*», № 212 отъ 30-го іюля 1896 года¹⁸⁰⁾. *Переходя затѣмъ къ характеристикѣ Генриха* 258

180) Эти и другія относящіяся къ дѣлу подробности я разсмотрѣлъ недавно обстоятельнѣе въ небольшой статьѣ: «*Zur Frage der kulturellen Beeinflussung der Letten durch die Russen in der vordeutschen Periode*», напечатанной въ изданіи: «*Magazin herausgegeben von der Lettisch-Litterarischen Gesellschaft*» Bd. XX, Stück 1, S. 14 f. (Mitau 1897). По поводу предпосланнаго редакціей примѣчанія см. Протоколъ 69-го годичнаго собранія вышеука-

Летляндскаго, которую даетъ г. Сапуновъ въ четвертомъ отдѣлѣ своей рецензій, академикъ Куникъ — отмѣчаю это теперь же — столь же рѣшительно присоединяется къ тому мнѣнію, что хронистъ во всякомъ случаѣ былъ не латышъ, а уроженецъ нижней Германіи, какъ это дѣлаетъ и W. Wattenbach въ новѣйшемъ (шестомъ) изданіи (1894) своего труда «Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zum Ende des dreizehnten Jahrhunderts» Bd. II, S. 359, причѣмъ послѣдній ссылается между прочимъ на авторитетъ академика Куника¹⁸¹⁾.

Не буду пока разсматривать тѣхъ мѣстъ критики г. Сапунова, въ которыхъ онъ старается подтвердить на отдѣльныхъ частностяхъ выставленное имъ противъ меня обвиненіе въ «нредвзятыхъ взглядахъ»; остановлюсь раньше на другомъ упрекѣ, который касается моего отношенія къ Генриху Летляндскому и его хроникѣ. Въ отвѣтъ на этотъ послѣдній я прежде всего утверждаю, что мое изложеніе событій *вовсе не направляется все время* «по хроникѣ Генриха», какъ хочетъ увѣрить читателя г. Сапуновъ. Что она служитъ главнѣйшимъ источникомъ для исторіи «окончанія русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ» — этого не въ состояніи отрицать никто, въ томъ числѣ и г. Сапуновъ. Но само собой разумѣется, что этотъ источникъ не единственный и, сообразно съ этимъ, я всякій разъ самымъ тщательнымъ образомъ сравнивалъ показанія хроники Генриха съ соответствующими свидѣтельствами *другихъ* источниковъ, взвѣшивалъ ихъ и комбинировалъ между собою. Эти другіе источники: прочія западноевропейскія хроники, напр. хроника Арнольда Любекскаго, папскія и лифляндскія грамоты въ значительномъ количествѣ, наконецъ многочисленныя русскія лѣтописи. Что процессъ моей работы былъ именно таковъ, какъ я только что описалъ, это можно прослѣдить во всѣхъ частяхъ моего труда; и такимъ образомъ легко убѣдиться *въ несостоятельности второго принципиальнаго возраженія*: будто я «вполнѣ довѣряю» Генриху. Наоборотъ, я не только постоянно прилагалъ внѣшній и внутренній критерій для испытанія его достовѣрности, но также нерѣдко выражалъ сожалѣніе о томъ, что въ томъ или другомъ случаѣ такая провѣрка являлась невозможной за отсутствіемъ другихъ источниковъ (напр. на стр. 2 относительно отсутствія полоцкой лѣтописи, также по поводу не сохранившихся документовъ на стр. 77, 140 и др.); рядомъ съ этимъ я подчеркивалъ пристрастность сужденій Генриха тамъ, гдѣ она была замѣтна (напр. хотя бы въ его сужденіи о восточной церкви, стр. 145); наконецъ, мнѣ приходилось

заннаго общества, 9-го декабря 1897 г., содержащій указаніе на присланный мною докладъ, который былъ прочитанъ въ засѣданіи (стр. 46. Митава 1898).

181) См. А. Bielenstein, «Die Grenzen des lettischen Volksstammes» и пр., стр. 468.

не однажды рѣшительно высказываться противъ достовѣрности сообщаемыхъ Генрихомъ подробностей, напр. на стр. 42 по поводу договора, заключеннаго въ Троицынъ день 1207 г. епископомъ Альбертомъ и куконосскимъ княземъ Вячко. Здѣсь было бы слишкомъ длинно пускаться въ болѣе подробныя указанія. Но отмѣчаемые мною недочеты хроники Генриха все же *въ цѣломъ не подрываютъ существенно ея достовѣрности*; таково мнѣніе извѣстныхъ изслѣдователей и въ особенности Гильдебранда въ его прекрасной монографіи, на которую я ссылаюсь на стр. 29; у него вопросъ разсмотрѣнъ обстоятельно, хотя и не въ примѣненіи спеціально къ темѣ моего изслѣдованія. Какъ бы то ни было, и имѣя дѣло съ хроникой Генриха Летляндскаго, каждый изслѣдователь *обязанъ, подвергать въ каждомъ данномъ случаѣ ея свидетельства проверкѣ, насколько такая проверка возможна, и я не думаю, чтобы я пренебрегъ этой обязанностью.*

Критика г. Сапунова весьма своеобразна. Послѣдуемъ за нимъ шагъ за шагомъ, что облегчитъ намъ трудъ разысканія отдѣльныхъ возраженій; пусть читатель самъ сдѣлаетъ окончательный выводъ, отъ котораго я лично воздержусь.

Необходимо предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній. Въ то время, какъ я пользовался новымъ изданіемъ Генриха, а именно изданіемъ Вильг. Арндта, напечатанномъ въ «Monumenta Germaniae historica», г. Сапуновъ положилъ въ основу своей рецензіи устарѣлое изданіе А. Гансена въ «Scriptores rerum Livonicarum» Bd. I, 1853), сдѣланное съ болѣе позднихъ рукописей Грубера и I. Г. Арндта; этимъ объясняется *различіе цитированныхъ мною и г. Сапуновымъ мѣстъ текста*. Можно найти также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *разницу между моими собственными сло-* 263 *вами* въ русской рукописи моей работы и явившемся въ позднѣйшее время нѣмецкомъ ея изданіи¹⁸²⁾; эти измѣненія редакціи сдѣланы мною лишь съ той цѣлью, чтобы отдѣльныя мысли выступили съ болѣею силою и, что я старательно подчеркиваю, сдѣланы отнюдь не подъ вліяніемъ критики г. Сапунова; эти измѣненія внесены мною и въ это русское изданіе. Съ другой стороны г. Сапуновъ не всегда цитируетъ меня съ буквальной

182) Это нѣмецкое изданіе явилось подъ заглавіемъ: «Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII. Jahrhundert» въ годовомъ отчетѣ училища Св. Анны 1897 г., а также отдѣльнымъ оттискомъ у Эггерса и Кош., въ С.-Петербургѣ; далѣе, также на нѣмецкомъ языкѣ, мною напечатано возраженіе на критику г. Сапунова подъ заглавіемъ: «Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII. Jahrhundert in der Beleuchtung des Herrn A. Sapunow», St. Petersburg, Eggers & K^o. 1898.

точностью, на что я всякій разъ буду указывать. — Наконецъ долженъ я съ сожалѣніемъ замѣтить, что, *русскій рукописный переводъ* моей работы, сдѣланный не мною, представляетъ неточности и даже ошибки; провѣрка 264 его съ моей стороны затруднялась моимъ несовершеннымъ знаніемъ русскаго языка. Въ виду этого я принимаю на себя *полную отвѣтственность лишь за написанный мною нѣмецкій текстъ сочиненія.*

Г. Сапуновъ раздѣлилъ свою статью на шесть отдѣловъ. Первый отдѣлъ (стр. 79—89) начинается нѣсколькими вступительными замѣчаніями. Признается тотъ фактъ, что до сихъ поръ недоставало работы, которая освѣщала бы всесторонне первоначальное русское владычество въ теперешнихъ прибалтійскихъ провинціяхъ, и что я взялся такимъ образомъ за «интересный и важный вопросъ». Затѣмъ г. Сапуновъ старается свести результаты моей работы къ тремъ категоріямъ: 1) *то, что касается пространственнаго распространенія русскаго владычества*; 2) что касается прекращенія его въ отдѣльныхъ областяхъ и 3) касательно вопроса, распространяли ли русскіе христіанство между туземцами. Здѣсь г. Сапуновъ просто цитируетъ мои слова; но весьма неполно и безъ надлежащаго выбора.

Не приводя здѣсь указаннаго мѣста во всей полнотѣ, скажу только по 1) пункту, что уже первая тирада (стр. 4) читается такъ: «Степень зависимости означенныхъ ливонскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земель отъ русскихъ была настолько слаба, что напрашивается самъ собою вопросъ: можно ли вообще говорить о первоначальномъ русскомъ владычествѣ» — и что въ непосредственной связи съ этимъ я говорю дальше: «По поводу такого взгляда позволю себѣ возразить слѣдующее», послѣ чего у меня 266 слѣдуетъ подробное разсмотрѣніе вопроса, которое выясняетъ, насколько должно признать существованіе первоначальнаго владычества русскихъ до прихода нѣмцевъ, въ чемъ это владычество состояло, а также и то, что именно тамъ, гдѣ русскіе князья жительствоваали осѣдло, имъ принадлежало владычество въ болѣе обширномъ смыслѣ. Нельзя не пожалѣть, что г. Сапуновъ *это важное мое разъясненіе какъ разъ выпустилъ и что въ другомъ мѣстѣ своей рецензіи* (стр. 89), *иди непременно нужно было къ нему вернуться, какъ я это покажу далѣе, онъ его игнорируетъ.* Важно это разъясненіе потому, что содержитъ существеннѣйшіе результаты всей моей работы, такъ какъ подобнаго изслѣдованія этихъ столь важныхъ вопросовъ международнаго права нигдѣ потомъ не появлялось! Между тѣмъ г. Сапуновъ довольствуется тѣмъ, что вслѣдъ за короткой цитатой со стр. 4 непосредственно помѣщаетъ начало гл. I (стр. 9): «Изо всего ливонскаго племени только ливы, жившіе по Двинѣ, платили дань князьямъ 267 полоцкимъ». Здѣсь опять *остается не упомянутымъ* мое указаніе на то, что *болѣе обширная латышская область была въ зависимости отъ*

князей Герцике и Куконоса, удѣльныхъ по отношенію къ Полоцку! Дальше слѣдуетъ у г. Сапунова цитата со стр. 144 (съ превращеніемъ придаточнаго предложенія въ главное): «Зависимость Толовы отъ сосѣднихъ русскихъ князей [прибавлено: псковскихъ и новгородскихъ] съ самаго начала была очень слаба»; а непосредственно затѣмъ цитата со страницы 145-ой: «Въ то время какъ нѣмцы приходятъ въ соприкосновеніе съ эстами, т. е. въ первое десятилѣтіе XIII вѣка, они застаютъ этихъ послѣднихъ независимыми». Замѣчу сверхъ того, что г. Сапуновъ *рѣшительно нигдѣ въ своей рецензiи* даже не упоминаетъ о приводимыхъ мною *основанiяхъ*, не говорю ужъ о серьезной оцѣнкѣ имъ этихъ послѣднихъ, — *почему* одни только двинскіе ливы обложены были данью, *почему* зависимость Толовы была слабая, *почему*, наконецъ, къ началу XIII столѣтія эсты не были совсѣмъ данниками Новгорода; между тѣмъ все это — вопросы, которые 268 имѣютъ въ данномъ случаѣ величайшую важность! — Приведа точно такимъ же неудовлетворительнымъ образомъ цитаты изъ моего труда также подъ 2) и 3) пунктами, на которыхъ я пока не останавливаюсь, такъ какъ въ I отдѣлѣ рѣчь идетъ только о пространственномъ распространеніи владычества русскихъ, г. Сапуновъ кратко резюмируетъ ихъ содержаніе и затѣмъ заявляетъ: «*Ни съ однимъ изъ этихъ положенiй автора безусловно нельзя согласиться*».

Послѣ этого г. Сапуновъ приводитъ *рядъ мѣстъ изъ весьма разнообразныхъ источниковъ*, будто бы меня опровергающихъ. Но значительная часть ихъ вовсе не можетъ даже относиться ко мнѣ, на томъ уже простомъ основаніи, что я въ своемъ трудѣ устанавливаю только фактъ «распространенія русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ *въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтiй*», что весьма опредѣленно подчеркиваю на стр. 3 и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ мнѣ нечего 269 дѣлать ни съ «Эймундовой сагой» (стр. 82), ни съ «Sporre Sturlusons» (стр. 83), ни съ русскими лѣтописями отъ «Лаврентьевской» до первой Новгородской: «Въ лѣто 6700» (стр. 84 и 85) — включительно: они не могутъ говорить противъ меня, потому что излагаютъ событія *болѣе ранняго* періода. Что же касается цитатъ изъ грамоты № XV въ Собраніи Бунге, изъ Генриха Летляндскаго, Арнольда Любекскаго и, наконецъ, позднѣйшихъ отдѣловъ русскихъ лѣтописей, то среди нихъ не найдется ни одного мѣста, *которымъ бы я не воспользовался въ надлежащей мѣрѣ*. Равнымъ образомъ не имѣетъ значенія, какъ будетъ показано въ концѣ, и документъ № X Собрашя. Для внимательнаго разбора слѣдуетъ остановиться только на цитатахъ изъ *трехъ другихъ источниковъ*, а именно:

1. Въ старинной лифляндской хроникѣ, написанной стихами («Reimchronik») находимъ такіе стихи (645—648):

270

Selhen, Liven, Letten lant
wāgen in der Rūzen hant
vor der brūder ziten komen
der gewalt wart in benommen.

Г. Сапуновъ (который, кстати сказать, пользуется устарѣлымъ изданіемъ «Scr. reg. Liv.», а не изданіемъ: Leo Meyer'a, Paderborn, 1876), видитъ въ этихъ строкахъ доказательство того, что кромѣ *всей* ливонской и латышской страны также и *земля Зелоновъ* находилась подъ русскимъ владычествомъ. Между тѣмъ всякому, кто знакомъ съ исторіей основанія нѣмецкой колоніи въ Лифляндіи, извѣстно, что упомянутая Стихотворная хроника составлена въ концѣ XIII столѣтія и представляетъ *совершенно непригодный источникъ* для исторіи начала столѣтія; ея значеніе, какъ современнаго свидѣтельства, начинается только съ 1250 года¹⁸³). Впрочемъ, приведенная цитата, пожалуй, имѣетъ значеніе, — но ровно настолько, 271 насколько она согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно уже изъ Генриха Летляндскаго и другихъ современныхъ источниковъ, а именно что ливы, летты и зелоны зависѣли отъ русскихъ князей, хотя *не вст* ливы, летты и зелоны были въ такой зависимости. Что именно князь Куконоса покорилъ себѣ также *зелоновъ*, объ этомъ я говорю на стр. 7, а также 24 и 25; но это были, какъ мнѣ удалось, надѣюсь, доказать, только зелоны *праваго берега Двины*. По вопросу о протяженіи страны зелоновъ будетъ особенно интересно привести здѣсь въ связи съ вышесказаннымъ тѣ указанія, которыя недавно далъ д-ръ А. Биленштейнъ въ своемъ трудѣ: «Die Grenzen des lettischen Volksstammes» и т. д. стр. 169 и слѣд., а именно, что по нѣкоторымъ документамъ 1226 г., поселенія зелоновъ входили даже въ предѣлы рижской городской марки и что *какъ разъ та же самая Стихотворная хроника* въ стихахъ 139—146, гдѣ перечисляются обитатели береговъ 272 Двины «отъ устья до самыхъ истоковъ рѣки», изображаетъ «живущими вверхъ по рѣкѣ сперва ливовъ, потомъ зелоновъ и, наконецъ, русскихъ; а такъ какъ при этомъ латыши не названы, то значить зелоны принимаются живущими *по обоимъ берегамъ Двины* подобно тому, какъ ливы ниже ихъ и русскіе выше». Въ виду этого тѣмъ легче согласить свидѣтельства Генриха и Стихотворной хроники относительно подчиненности зелоновъ русскимъ по скольку они принадлежали къ княжеству Куконоскому.

2. Другой источникъ, привлекаемый къ дѣлу г. Сапуновымъ, есть «Chronicon Equestris Ordinis Teutonici», который, — прибавлю въ пополненіе

183) Ср. между прочимъ: G. Lorenz, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter seit der Mitte des XIII. Jahrhunderts, 2. Auflage (Berlin 1876 und 1877); Bd. II, 213 и слѣд., особенно стр. 216.

устарѣлыхъ указаній г. Сапунова, — уже въ 1874 г. былъ напечатанъ въ своемъ «*первоначальномъ и полномъ видѣ*» въ V томѣ изданія «*Scriptores rerum Prussicarum*» Т. Гирша — подъ заглавіемъ: «*Die jüngere Hochmeisterchronik*». Приводимое г. Сапуновымъ мѣсто читается на стр. 73 такъ: «*Dese meister [Vinne] was seer wys van opset, van rade ende stout van moede, ende in desen tyden stont der Oselen lant, Lieflant ende der 273 Letten lant al onder den Ruyschen, sonder dat die kersten ingewonnen hadden*» и т. д. Хроника составлена только въ послѣдней четверти XV столѣтія и, кромѣ того составлена она далеко на западѣ, въ одной изъ нидерландскихъ баллей нѣмецкаго ордена. Т. Гиршъ, издавшій и обработавшій ее, считаетъ ее совершенно незначительной. Такъ напр. на стр. 41 онъ говоритъ: «*Nach allen diesen dargelegten Momenten kann diese Chronik in keiner Beziehung auf den Namen einer Quellenschrift für die ältere, der Mitte des fünfzehnten Jahrhunderts vorausgehende preussische Geschichte Anspruch machen* [а какъ доказываютъ соображенія Гирша, то же относится и къ лифляндской исторіи]; *sie kann so wenig dafür gelten, dass vielmehr jede für die angegebene Zeit in ihr enthaltene Thatsache erst dann Glauben verdient, wenn sie auf eine andere glaubwürdigere Quelle zurückgeführt werden kann*». Кромѣ того приведенный выше отрывокъ хроники, въ которомъ идетъ рѣчь о первомъ лифляндскомъ магистрѣ 274 ордена Венно († 1209), заимствованъ, по словамъ того же Гирша, изъ лифляндской стихотворной хроники (стихи 625—685), непригодность которой какъ источника для исторіи начала XIII столѣтія была только что отмѣчена нами. Впрочемъ г. Сапуновъ на стр. 87 пробуетъ замѣнить слова «*der Oselen lant*» словами «земля селоновъ»; такая поправка дѣйствительно подтверждала бы его предположеніе. Но прибавка: «*sonder dat die kersten ingewonnen hadden*» (т. е. «кромѣ той [страны], которую заняли христіане») содержитъ ограниченіе, которое г. Сапуновъ опускаетъ и, подводя итогъ на стр. 87, совершенно невѣрно утверждаетъ, будто по свидѣтельству «*Chronicon*» — «вся земля Озельская (Селоновъ?), Ливская и Латышская состояла подъ властью русскихъ».

3. Наконецъ, на стр. 83 г. Сапуновъ приводитъ по Гансеновскому изданію хроники Генриха Летляндскаго въ «*Scr. rer. Liv.*», Bd., I S. 250 одно 275 мѣсто изъ «*Chronicon Episcoporum Lincopensium*» Иоганна Мессениуса, въ которомъ упоминается о походѣ шведовъ въ область Вика (Wiek) въ 1220 г. (ср. Генрихъ XXIV, 3). Тамъ говорится именно, что этотъ походъ былъ предпринятъ «*in Russiam*» и что епископъ Линкѳпингскій былъ убитъ «*a furiosa Ruthenorum gente in Recalom*». Подъ «*Recalom*» слѣдуетъ понимать Роталія въ Викѣ, а подъ «*Russia*, и «*Rutheni*» — Эстляндію и эстовъ. Слѣдовательно — такъ заключаетъ г. Сапуновъ — «*Messenius* Эстонию причисляетъ

къ Россіи» (стр. 87). Но что же это доказываетъ? Юг. Мессеній былъ извѣстный и весьма плодовитый шведскій писатель первой половины XVII столѣтія и умеръ въ 1637 г. (см. А. А. Stierman, Bibliotheca Suiogothica, tom. II, S. 128 f. Holmiae anno MDCCXXXI); «Chronicon Episc. Lincop.» составляетъ VII главу его «Chronicon apud Sueones Gothosque episcoporum». Я сожалею, что мнѣ не удалось доискаться, взялъ ли Мессеній выраженія «Russia» и «Rutheni» изъ болѣе ранняго источника и, если это такъ, то изъ какого, или самъ обмолвился этими ошибочными терминами. (Г. Сапуновъ на стр. 83, примѣч. 4 — приводитъ, что на одной картѣ 1459 г., составленной «fra Мауго», «въ Лифляндіи» подъ обозначеніемъ «Revele» сдѣлано замѣчаніе: «это портъ Россіи». Въ какомъ смыслѣ составитель карты понималъ это замѣчаніе, я не могу рѣшить изъ приведеннаго сообщенія: понималъ ли онъ это въ томъ смыслѣ, что Ревель принадлежитъ русскимъ или что они имъ пользуются для ввоза или вывоза?). *Во всякомъ случаѣ указаніе, находимое нами у Мессенія, не имѣетъ никакой важности по сравненію съ столь подробными данными, которыя сообщаетъ объ эстахъ въ первую четверть XIII столѣтія лифляндскій хронистъ!* — Долженъ исправить также ошибку Гансена въ цитированномъ г. Сапуновымъ отрывкѣ: будто подъ этимъ именемъ [Russia] и въ другихъ мѣстахъ подразумѣвается Эстонія — по словамъ Гр[убера] Ind. III, s. v. Silv. doc. N. V. b. Sp. Arndt. VII, 7». Справившись съ I. O. Gruber, Origines Livoniae (Erancoforti et Lipsiae, anno MDCCXL), я убѣдился, что тамъ рѣчь идетъ не объ «Эстоніи», а о Ливоніи и что тотъ документъ «N. V. h.» есть № X «Собранія» Бунге.

Сообразивъ все вышеприведенное, видимъ, что выводы г. Сапунова относительно пространственнаго распространенія русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ привели къ странному результату: *получилось хаотическое смѣшеніе научно допустимаго съ научно недопустимымъ.* Научно допустимое относится отчасти къ вопросамъ изъ такого періода времени, который не входитъ въ область моего изслѣдованія; съ другой же стороны онъ сообщаетъ такіе факты, которые совпадаютъ съ моимъ изложеніемъ предмета. *Среди же научно допустимаго нѣтъ ничего, что бы противорѣчило моимъ выводамъ!*

278 Въ подкрѣпленіе *своихъ* выводовъ г. Сапуновъ приводитъ на стр. 87 и слѣд. рядъ выписокъ изъ русскихъ историковъ. «Всѣ русскіе историки, замѣчаетъ онъ, признаютъ, что народы, жившіе въ прибалтійскомъ краѣ, находились въ болѣе или меньшей зависимости отъ князей русскихъ». Насколько справедливо такое утвержденіе въ частностяхъ, объ этомъ могутъ судить читатели сами. Я же не останавливаюсь на провѣркѣ этого утвержденія прежде всего потому, что указанные здѣсь авторы, собственно

говоря, не разрабатываютъ *моей темы*: владычество русскихъ въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія, — а ведутъ рѣчь о такихъ историческихъ отношеніяхъ, которыя имѣли мѣсто на нѣсколько столѣтій *раньше*. Переходя на стр. 88 къ *нѣмецкимъ историкамъ прибалтійскаго края*, г. Сапуновъ замѣчаетъ: «вообще говоря, только въ послѣднее время замѣчается *тенденція* ихъ ослаблять какъ въ объемѣ, такъ и въ степени первоначальное вліяніе русскихъ въ прибалтійскомъ краѣ». Именъ и цитатъ рецензентъ 279 не приводитъ; между тѣмъ то, что обозначено здѣсь словомъ «тенденція», является въ большинствѣ случаевъ просто *результатомъ успѣховъ научной исторической критики*, которая между прочимъ и въ разбираемыхъ мною вопросахъ заставила отбросить не одно наивное воззрѣніе прежняго времени.

Наконецъ, по утвержденію критика на стр. 88 и слѣд., *и у меня* можно указать такія мѣста, гдѣ я *противорѣчу первоначальнымъ моимъ утвержденіямъ* (относительно пространственнаго протяженія владычества русскихъ)! Но что же находимъ далѣе? Рядъ цитатъ изъ моей работы, которыя на самомъ дѣлѣ *ровно ничего такого не содержатъ*, что бы сколько нибудь стояло въ противорѣчій съ моими выводами. Въ этомъ могутъ убѣдиться сами читатели; а для облегченія справокъ привожу двойное обозначеніе страницъ: по русскому манускрипту и по нѣмецкому печатному тексту 280 моей работы: стр. 40 русскаго перевода соотвѣтствуетъ стр. 20 (внизу) — нѣмецкаго изданія; стр. 125 — стр. 61 (внизу) и 62 (вверху); стр. 188 — 189 — стр. 90; стр. 200 — стр. 95; стр. 208 — стр. 99; стр. 209 — стр. 99. Только въ одномъ мѣстѣ, можетъ быть, *на первый взглядъ покажется* читателю, что противорѣчіе есть. На стр. 40 (вверху) я говорю о томъ, что ливы изъ мѣстности Торейда въ 1206 г. «по зову князя Владиміра Полоцкаго приняли участіе въ осадѣ Иксуля». Г. Сапуновъ на это замѣчаетъ: «Слѣдовательно Торейда зависѣла отъ Владиміра». Смѣлое заключеніе! Если я кого нибудь «зову» на помощь и онъ приходитъ, это еще не значить, что онъ отъ меня зависитъ. Если же мое выраженіе само по себѣ неясно г. Сапунову, то онъ могъ бы убѣдиться, справившись съ Генрихомъ X, 12, что тамъ нѣтъ употребленнаго мною слова «auffordern», а сказано: «Misit itaque rex nuncios Thoredensibus et Leththis et paganis in circuitu, ut omnes contra Rigenses venirent in expeditionem. 281 Unde gavisī [?] Thoredenses conveniunt» и т. д. — *Почти невѣроятной небрежностью* со стороны г. Сапунова является то, что онъ «*противорѣчіе съ предыдущимъ изложеніемъ*» усматриваетъ въ моемъ замѣчаніи (на стр. 61 — внизу), что укрѣпленіе Аутине находилось во владѣніи князя Герцике! Въ чемъ же однако противорѣчіе, если я уже *гораздо раньше*, многократно и еще обстоятельнѣе говорилъ про этотъ полоцкій удѣлъ

въ латышскомъ краѣ: сперва на стр. 2, потомъ на стр. 7 и слѣд., на стр. 26 и слѣд., а специально о принадлежности Аутпне княжеству Герцике уже на стр. 5, потомъ отъ стр. 29 до 34 (примѣчаніе) и на стр. 46 и слѣд.!? — Г. Сапуновъ выдвигаетъ противъ меня еще одинъ *авторитетъ*, желая оспорить имъ мое слишкомъ, по его мнѣнію, узкое ограниченіе пространства русскаго владычества: на стр. 89 онъ замѣчаетъ, что «по словамъ Гіерна, Имера также находилась въ зависимости отъ псковичей». 282 Кто же этотъ цитируемый имъ авторитетъ? Томасъ Гіернъ, писатель XVII столѣтія, котораго еще не одинъ научно работающій изслѣдователь не удостоивалъ чести признавать за особенный авторитетъ. Если г. Сапуновъ дѣйствительно имѣетъ *фактическое основаніе* сомнѣваться въ справедливости моего воззрѣнія на Имеру, то зачѣмъ же онъ прикрывается именемъ Гіерна (отличное отъ моего воззрѣнія сообщеніе этого послѣдняго въ «Monumenta Livoniae antiquae», Bd. I, S. 79, какъ я это покажу послѣ, при обсужденіи VI отдѣла, основывается въ существенныхъ своихъ чертахъ на невѣрномъ толкованіи Генриха XI, 7) и не пробуетъ опровергнуть хотя бы въ краткихъ словахъ того, что я изложилъ по этому вопросу на стр. 58—60?!

Въ заключеніе I отдѣла своей рецензій г. Сапуновъ, на стр. 89, пишетъ: «Что касается вопроса: насколько слаба была *зависимость* ливскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земель отъ русскихъ, то можно сказать только, что понятіе о «слабости» — понятіе относительное». Послѣ этого слѣдовало бы ожидать, что г. Сапуновъ войдетъ въ подробное разсмотрѣ- 283 ніе того, что мнѣ удалось установить путемъ серьезнаго изслѣдованія, какъ было уже сказано, на стр. 3—5 и въ другихъ мѣстахъ относительно рода зависимости отдѣльныхъ мѣстностей отъ русскихъ. Вмѣсто этого рецензентъ ограничивается нѣсколькими довольно странными *нападками политическаго характера*, а именно: «Если сравнить зависимость мѣстныхъ племенъ отъ русскихъ, — зависимость, не сопровождавшуюся истребленіемъ и обнищаніемъ туземныхъ племенъ, — съ зависимостью ихъ отъ нѣмцевъ, совершенно ихъ поработившихъ, а отчасти и истребившихъ, то, конечно, зависимость отъ русскихъ слѣдуетъ признать *слабою*». Выслушивая такія преувеличенныя обвиненія, чувствуешь потребность спросить хотя бы вотъ о чемъ: *че владычество*, при всемъ суровомъ гнетѣ, въ которомъ не неповинны были и русскіе съ ихъ опустошительными походами 184) 284 (параллельно указаннымъ г. Сапуновымъ у Генриха XIX, 3 и XIX, 4 случаямъ суровости нѣмцевъ), принесло туземцамъ прочныя блага какъ

184) См. приведенныя у меня ссылки на источники по поводу походовъ русскихъ, между прочимъ также прим. 143, гдѣ приведено сужденіе Р. Гаусмана изъ его «Ringens der Deutschen und Dänen» стр. 8. («Die Züge der Russen waren die verheerendsten und gefürchtetsten im Lande»).

духовнаго, такъ и матеріальнаго характера, — *владычество ли русскихъ* до начала XIII столѣтія, которое выражалось только въ полученіи дани да, можетъ быть, еще въ войсковой повинности, или же *господство нѣмцевъ*, пришедшее на смѣну первоначальному русскому владычеству, господство, культурное значеніе котораго я уже характеризовалъ кратко на стр. 223 моего сочиненія? — Далѣе г. Сапуновъ говоритъ такъ: «Тѣмъ не менѣе зависимость эта была въ то время для всѣхъ очевидна и не возбуждала никакихъ сомнѣній. Надѣюсь, авторъ не заподозритъ папу Климента III ни въ пристрастіи къ русскимъ, ни въ томъ, что онъ пользовался въ данномъ случаѣ невѣрными свѣдѣніями, а между тѣмъ этотъ папа говоритъ прямо, что *епископство Иксюльское* находится in Ruthenia».

Г. Сапуновъ здѣсь *не знаетъ* — такъ по крайней мѣрѣ я готовъ ду-²⁸⁵ мать, хотя и трудно предположить это — *противъ кого возражаетъ*. Ему стоило только перечитать стр. 3—5 моей работы, чтобы убѣдиться, что я какъ разъ *возстаю* и *возстаю* съ доказательствами противъ того мнѣнія, будто бы до XIII столѣтія «владычества» русскихъ *не было*. Булла папы Климента III слѣдовательно не опровергаетъ меня, а напротивъ *подтверждаетъ* выводъ, къ которому я *пришелъ самъ!* — положимъ сперва на основаніи общихъ соображеній.

Во II отдѣлѣ рецензіи (стр. 89—100) г. Сапуновъ разсматриваетъ вопросъ о прекращеніи русскаго владычества, въ частности — вопросъ о томъ, *отказались ли русскіе отъ своего господства въ двинскомъ краѣ и въ Эстляндіи*, между тѣмъ какъ я вопросъ объ отказѣ ихъ владѣть Толовой, ²⁸⁶ какъ то упоминаетъ и г. Сапуновъ на стр. 81 (на первой строкѣ которой нужно впрочемъ вмѣсто «1210» г. поставить 1212), оставилъ открытымъ въ виду неполноты матеріала, доставляемаго источниками.

Г. Сапуновъ прежде всего возражаетъ противъ того мѣста хроники Генриха Летляндскаго XVI, 2, гдѣ говорится о томъ, какъ *князь Владиміръ полоцкій отступился отъ владѣнія двинскимъ краемъ* въ 1212 г. подъ условіемъ — какъ тамъ сказано — «чтобы былъ заключенъ между ними вѣчный миръ, какъ противъ литовцевъ, такъ и противъ другихъ язычниковъ, и чтобы купцамъ всегда былъ открытъ свободный путь по Двинѣ». Противъ факта отреченія отъ господства г. Сапуновъ приводитъ слова Костомарова: «Фактъ самъ по себѣ невѣроятный и темный, безъ подробностей, которыя отъ насъ укрылись» («Сѣверно-русскія народоправства», стр. 337), указываетъ въ примѣчаніи также на Соловьева, возраженія котораго однако были уже опровергнуты мною на стр. 88 и слѣд., и ²⁸⁷ далѣе, отмѣтивъ содержаніе заключеннаго русскими договора, разсуждаетъ

такъ: «У полоцкаго князя, кромѣ нѣмцевъ, были единственные враги — литовцы; другіе же враги нѣмцевъ были естественными союзниками русскихъ. Слѣдовательно вся тяжесть этого [создаваемого договоромъ] обязательства [союза противъ литовцевъ и другихъ язычниковъ] падала главнымъ образомъ на полоцкаго князя. Что касается безопасности торговли по Двинѣ, то, какъ извѣстно, русскіе гораздо раньше прихода нѣмцевъ, плавали здѣсь — п дальше на Готландъ — совершенно безопасно: въ XII вѣкѣ русская торговля на Балтійскомъ морѣ играла первую роль¹⁸⁵⁾.

- 288 Г. Сапуновъ высказывается опять съ удивительной рѣшительностью: онъ знаетъ якобы достоверно, что русскіе споконъ вѣка «совершенно безопасно» плавали по Двинѣ, самое большее, что онъ готовъ допустить, — это опасность со стороны литовцевъ. Но «другіе язычники», какъ извѣстно, не разъ бывали въ союзѣ съ литовцами, такъ напр., южные обитатели береговъ Двины, зелопы и семигалы, которые не рѣдко, по словамъ Генриха, «позволяли литовцамъ проходить черезъ свою землю и переправляться черезъ Двину»: группировка партій не представляется ли тогда нѣсколько иною? Говоря совсѣмъ вообще, въ періодъ борьбы съ нѣмцами туземцы теперешняго балтійскаго края были, конечно, въ большинствѣ случаевъ
- 289 «естественными союзниками» русскихъ. Но, замѣтимъ прежде всего, представляется по меньшей мѣрѣ *мыслимымъ*, что князь полоцкій, для того чтобы въ лицѣ епископа Альберта пріобрѣсти себѣ могущественнаго союзника противъ опасной Литвы, могъ отказаться отъ дани, платимой ему Двинскою областью, — дань, которую могущество епископа дѣлало и безъ того ненадежной въ будущемъ —, покинуть своихъ прежнихъ, довольно слабыхъ «естественныхъ союзниковъ» и, какъ слѣдствіе этого, — примкнуть къ новому союзнику противъ нихъ. На *дѣятельную помощь полоцкаго князя* противъ туземцевъ Альбертъ, должно быть, не рассчитывалъ; врядъ ли опъ возложилъ на него такую «тяжесть обязательства»; ему достаточно было, чтобы послѣдній соблюдалъ миръ. — Съ другой стороны, такое соглашеніе насчетъ «свободной» торговли по Двинѣ, замѣтимъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному на стр. 89, имѣло *для русскихъ большое значеніе*, такъ какъ устье и пижнее теченіе рѣки находилось во власти
- 290 нѣмцевъ и послѣдніе могли *запереть* его для торговли въ любое время. Семнадцать лѣтъ спустя (1229) это обстоятельство и привело къ договору,

185) «Русскіе», прибавлю я въ пополненіе того, что г. Сапуновъ сообщаетъ въ примѣчаніи 1) къ стр. 90, — уже въ 1158 г. герцогомъ Генрихомъ Львовымъ были приглашены посѣщать вольную гавань Любека; но эти ведущіе морскую торговлю «русскіе» были на самомъ дѣлѣ варяги или ихъ потомки, въ Новгородѣ и другихъ мѣстахъ перемѣшавшіеся со славянами (такъ напр., упоминаемый у Генриха XIV, 9 «умный и богатый человекъ изъ Смоленска» — очевидно купецъ — «по имени Лудольфъ» — навѣрное не русскій). Ср. мои «Notizen» въ «Balt. Monatschrift», 1896, S. 216 f.

который князь Мстиславъ Давыдовичъ Смоленскій отъ своего имени и отъ имени князей Витебска и Полоцка заключилъ съ купцами Риги и Готланда; договоръ этотъ — на этотъ разъ въ наибольшемъ объемѣ — установилъ безпрепятственную торговлю обѣихъ сторонъ на началахъ полной взаимности и самой широкой свободы¹⁸⁶).

Наконецъ, г. Сапуновъ выдвигаетъ еще слѣдующее. *Во первыхъ.* Еще въ разсказѣ о послѣднемъ нападеніи, предпріятомъ княземъ Владиміромъ въ 1216 г., Генрихъ (XIX, 10) говоритъ опредѣленно, что «онъ всегда искалъ, какъ бы ниспровергнуть ливонскую церковь». Между тѣмъ 291 замѣчаніе хрониста: «qui semper Lyvonensem ecclesiam querebat disturbare», выраженное *относительнымъ придаточнымъ предложениемъ*, даетъ на самомъ дѣлѣ лишь *самую общую* характеристику факта, причѣмъ нужно обратить вниманіе еще на то, что Владиміръ предпринялъ походъ не по собственному почину, по *побуждаемъ къ тому эстами и въ союзъ на этотъ разъ съ литовцами.*

Во вторыхъ. Г. Сапуновъ удивляется, что хронистъ не упоминаетъ, при этомъ случаѣ, ни однимъ словомъ о мирѣ 1212 г. и не дѣлаетъ князю никакого упрека за нарушеніе мира; но такое недоумѣніе рецензента совершенно субъективно, настолько же субъективно, какъ то, что онъ этотъ миръ называетъ почему то «пресловутымъ»! Притомъ я могъ бы напомнить то, что сказано въ моемъ сочиненіи, а именно, что, по мнѣнію Генриха (XXV, 2), Божія Матерь *Повелительница* (слѣдовательно, особая 292 *Покровительница*) *Лифляндіи*, вмѣстѣ Царица Небесная и Повелительница міра и всѣхъ странъ, «покарала» русскаго князя внезапной смертью, какъ только онъ вторгся въ Лифляндію.

Разсказъ Генриха о томъ, что русскій князь отказался отъ дани, которую платили ливы, при ближайшемъ разсмотрѣніи не заключаетъ въ себѣ — вопреки мнѣнію Костомарова — ничего «певѣроятнаго», ни особенно «темнаго»; и я думаю, что приведенныя при томъ «подробности» только подкрѣпляютъ и усиливаютъ правдоподобіе разсказа. При оцѣнкѣ положенія вещей мы должны прежде всего исходить изъ того факта, который г. Сапуновъ упускаетъ изъ виду, — что князь Владиміръ *уже тогда, когда онъ приглашалъ епископа Альберта на свиданіе въ Герцике, могъ вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить послѣдняго о томъ, что онъ хотѣлъ бы не* 293 *только «привлечь его къ отвѣту» по поводу ливской дани, но и договориться*

186) Vunge «Ūrkundebuch» Bd. I, Nr. CI. Сохранилось нѣсколько редакцій въ Ригѣ; онѣ составляютъ, какъ извѣстно, въ то же время древнѣйшіе изъ сохранившихся въ подлинникѣ русскіхъ грамотъ и описаны съ соответствующими указашиями въ «Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896» (Riga, W. F. Häcker 1896), стр. 176 и слѣд. О торговлѣ на Двинѣ см. Н. Hildebrand, «Das deutsche Kontor zu Polozk» въ «Balt. Monatschrift», 1873, стр. 342 и слѣд.

съ нимъ насчетъ обезпеченія торговли на Двинѣ и союза съ литовцами (XVI, 2 внизу). Починъ переговоровъ по обоимъ вопросамъ исходилъ такимъ образомъ отъ самого князя Владиміра, на что нѣмцы при заключеніи договора и могли сослаться¹⁸⁷). Поэтому по крайней мѣрѣ отказъ русскихъ отъ ливской дани является тѣмъ лишнимъ преимуществомъ, котораго добился епископъ Альбертъ въ переговорахъ при Герцике. — Перенесемъ еще разъ въ то положеніе вещей, которое существовало передъ самымъ заключеніемъ договора. Такъ какъ епископъ Альбертъ упорно не соглашался прекратить «крещеніе ливовъ», князь Владиміръ прервалъ первоначальные переговоры и выступилъ въ походъ со своимъ войскомъ. Его требованія отъ нѣмцевъ имѣли для послѣднихъ весьма многозначительный смыслъ: прекратить обращеніе ливовъ значило для нихъ очистить тотъ край, который они подчинили себѣ съ величайшими жертвами и въ которомъ они успѣли уже давно утвердиться! Отсюда понятно вполне ихъ раздраженіе и та особенная готовность сразиться съ врагомъ, о которой хронистъ неоднократно говоритъ въ этомъ мѣстѣ; весьма вѣроятно также, что и тѣ парламентары, которыхъ епископъ, въ виду обоихъ войскъ, отрядилъ передъ началомъ боя къ русскому князю, обратили вниманіе послѣдняго на чрезвычайное боевое возбужденіе нѣмецкаго войска и на его причину. Князю и его войскамъ хорошо извѣстны были военныя преимущества иноземнаго противника, которыя они не разъ испытали на себѣ; а теперь его воинственный пылъ могъ показаться особенно грознымъ, тѣмъ болѣе что въ этотъ разъ впервые *всѣ* нѣмецкіе воины были въ полномъ вооруженіи, между тѣмъ русский князь, если вѣрить Генриху, уже съ самаго начала не рассчитывалъ воевать серьезно, а думалъ только запугать епископа Альберта своимъ войскомъ. — Среди уполномоченныхъ епископа, кромѣ изгнаннаго въ то время изъ Пскова князя Владиміра, который былъ родственникомъ епископу и нанелъ у него пріютъ, упоминается еще высокопоставленное духовное лицо: рижскій соборный священникъ (Dompropst) Юаннъ. О немъ говорится не разъ съ похвалою и въ хроникѣ, и въ грамотахъ; онъ то и могъ также подѣйствовать на совѣсть князя¹⁸⁸) и въ отвѣтъ на заявленіе послѣдняго, что «*взъ его власти крестить его холоповъ ливовъ или оставить не крещеными*», напомнить ему о томъ разрѣшеніи, которое онъ когда то охотно далъ епископу Мейнгарду (надѣливъ

187) Что князь уже при самомъ приглашеніи епископа на свиданіе выставилъ на видѣ въ видѣ предложенія два послѣдніе пункта, — это, замѣчу я, могло бы говорить за возможность факта неуплаты послѣдней дани, вопреки обязательству епископа, о чемъ я говорилъ уже на стр. 82 моего перваго труда; пусть даже такое предложеніе князя имѣло цѣлью лишь заманить епископа въ Герцике.

188) Князь, по словамъ Генриха, былъ «увѣщаемъ не притѣснять войною юную церковь».

его притомъ подарками) — крестить язычниковъ - ливовъ. Достаточно сказать, что, когда князь Владиміръ велѣлъ своему войску отступить, онъ явился снова передъ епископомъ Альбертомъ и при этомъ «привѣтствовалъ его», чего не было при первой встрѣчѣ, «сз почтеніемъ, какъ своего духовнаго отца, и самъ былъ, по словамъ хрониста, принять имъ какъ сынъ». Намъ сообщается лишь результатъ ихъ «устныхъ переговоровъ, при которыхъ они тщательно разсмотрѣли все, что служило дѣлу мира». При этомъ можно понять, какъ опытный, и настойчиво подвигавшійся къ своей цѣли епископъ Альбертъ, который за свое многолѣтнее управленіе одерживалъ не разъ болѣе важныя дипломатическія побѣды, могъ взять верхъ надъ неустойчивымъ и податливымъ княземъ¹⁹⁾ и склонить его къ договору. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ уже сдѣ- 297 ланъ княземъ, когда онъ отозвалъ войска и явился лично въ лагерь епископа: въ личныхъ переговорахъ съ настойчивымъ и болѣе его опытнымъ соперникомъ онъ, по складу своего характера, врядъ ли могъ оказать серьезное сопротивленіе. Да и много ли въ сущности значилъ для него отказъ отъ дани двинскихъ ливовъ, послѣ того какъ Куконосъ давно палъ, у князя Герцике была отнята значительная часть его области и онъ, съ остатками своихъ прежнихъ владѣній, сдѣлался вассаломъ епископа, если бы даже и можно было ожидать, что князь Всеволодъ, вопреки ленной присягѣ епископу, будетъ временно держать сторону полоцкаго князя? Къ этому присоединилось еще не разъ выраженное самими ливами желаніе, чтобы «епископъ освободилъ ихъ совсѣмъ отъ уплаты дани русскимъ». — *На основаніи всего изложеннаго здѣсь и еще раньше — въ моемъ сочиненіи — становится очевиднымъ, что вѣское обвиненіе г. Сапунова, будто раз- 298 сказъ объ отказѣ отъ ливской дани есть вымыселъ хрониста, — совершенно несостоятельно.* Правда, Генрихъ оставляетъ сознательно въ тѣни нѣкоторыя непріятныя ему подробности — я допускаю вполнѣ и въ моемъ первомъ сочиненіи возможность того, что князь Владиміръ имѣлъ основаніе привлечь «къ отвѣтственности» епископа по поводу дани ливовъ (чего доказать однако нельзя!); но чтобы Генрихъ *выдумалъ* столь важный фактъ, какъ отказъ полоцкаго князя отъ ливской дани, — на это не можемъ никакъ считать его способнымъ. Характеристично также, что только тѣ изслѣдователи, которые не знакомы ближайшимъ образомъ съ хроникой Генриха, выражаютъ сомнѣнія по поводу даннаго вопроса. Тѣ же, кто, изучая хронику Генриха долго и основательно, сумѣли оцѣнить ее по достоинству, какъ напр. Е. Боннель и проницательный Эд. Пабстъ, — от- 299 носятся съ полнымъ довѣріемъ и къ этому мѣсту его разказа.

189) Генрихъ (XI, 8) называетъ его: «nimium credulus».

Такое *рѣшительное* отреченіе отъ своихъ правъ, со стороны полоцкаго князя Владиміра, которое совершилось въ 1212 г. при Герцике, очевидно имѣло значеніе *фактическаго признанія* имъ верховныхъ правъ епископа Альберта, какъ едипаго повелителя области *двинскихъ латышей*. Рѣчь шла въ особенности: 1) объ обладаніи упраздненнымъ куконоскимъ княжествомъ, 2) о непосредственномъ владѣніи обширной областью, отторгнутой отъ княжества Герцике, и 3) о вассальной зависимости князя Герцике отъ Рижскаго епископства. На стр. 75 и слѣд. моего перваго сочиненія я уже указалъ на то, что по миру 1210 года во всякомъ случаѣ «могло быть достигнуто молчаливое признаніе *statu quo*»; къ тому же я возвращаюсь и на стр. 90 по другому поводу. Хотя хрופистъ не говоритъ этого 300 прямо, по послѣдовавшей въ 1212 году отказъ русскаго князя отъ дани двинскихъ ливовъ заключалъ въ себѣ, согласно *правовымъ воззрѣніямъ эпохи*, и этотъ несомнѣнный смыслъ, что и всѣ другія прерогативы верховной власти надъ латышскимъ краемъ *утрачивались* съ этого времени русскими. Въ началѣ XIII столѣтія, навѣрно, никто не ломалъ себѣ головы надъ тѣмъ, насколько такое толкованіе совпадало буква въ букву съ договоромъ: такъ теоретически въ то время не разсуждали, а руководились въ разрѣшеніи вопроса *наличными фактами*. Въ этомъ именно смыслѣ я и понималъ — поскольку вопросъ касался распространенія полоцкаго владычества въ *ливскомъ и латышскомъ краѣ* — приводимую ниже тираду (со стр. 114 моей большой работы), которая возбуждаетъ сомнѣнія въ г. Сапуновѣ (на стр. 81 и 89 и слѣд.): «Мы видѣли, что, хотя во всѣхъ другихъ мѣстахъ господство нѣмцевъ было *вполнѣ признано* русскими, 301 въ одной только области [Толовѣ, платившей дань Полоцку] оно было признано неполпѣ».

Въ виду этого теряютъ всякое значеніе слова г. Сапунова, которыми онъ (на стр. 91) такъ заканчиваетъ свой краткій отчетъ о судьбѣ *Куконоскаго княжества*: «Слѣдовательно князь Вячко сжегъ городъ, но не подчинился». Последняго я, вообще говоря, нигдѣ и не утверждалъ; напротивъ, на своемъ мѣстѣ (стр. 51) я выразился такъ: «Такъ перестало существовать княжество Куконось, оставленное самими русскими». Наконецъ, странное производитъ впечатлѣніе замѣчаніе, которое г. Сапуновъ дѣлаетъ въ заключеніе своего очерка исторіи *княжества Герцике* (на стр. 93): «И такъ, вопросъ о добровольномъ *отказѣ* князя Всеволода отъ Герцике остается, во всякомъ случаѣ, крайне неяснымъ и потому не рѣшеннымъ». Гдѣ и когда говорилъ я о «добровольномъ отказѣ» Всеволода? Еще разъ 302 мы натолкнулись на такое *элементарное недоразумѣніе*, что я не имѣю надобности даже опровергать его! Я могу, такимъ образомъ, съ твердымъ убѣжденіемъ повторить все то, что я сказалъ о судьбѣ Герцике на

стр. 51—68 и 90—112; мнѣ пужно только остановиться ненадолго на двухъ примѣчаніяхъ (1 и 3) къ стр. 92, гдѣ г. Сапуновъ хочетъ, повидимому, быть болѣе самостоятельнымъ. Но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду то, что я сказалъ (на стр. 68, пр. 2; стр. 101, пр. 2 и стр. 250) *противъ* приводимыхъ имъ сужденій Пабста и Э. Деринга!

Далѣе, на стр. 93 и слѣд., г. Сапуновъ разсматриваетъ вопросъ объ *отказѣ новгородцевъ отъ эстонскаго края* въ 1224 и опять не соглашается съ моимъ изложеніемъ фактовъ. Но вмѣсто того, чтобы шагъ за шагомъ прослѣдить мой анализъ событій (на стр. 140 и 217 и слѣд.), онъ беретъ только приводимое мною мѣсто изъ первой Новгородской лѣтописи подъ 6736 (1228) годомъ и объясняетъ, по какому поводу псковичи дали свой характерный отвѣтъ князю Ярославу Всеволодовичу новгородскому (что я зоръ сдѣлалъ самъ, правда кратко и ссылаясь на Бестужева-Рюмина, Соловьева и Боннеля; на стр. 150 и слѣд. и на что я ссылаюсь опять на стр. 219 моей работы). Но все это ничуть не мѣняетъ факта, а именно того, что псковичи признали въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ — какъ я только что отмѣтилъ — *безплодность* своей долготѣней борьбы съ нѣмцами!

Послѣ этого, на стр. 95—99, г. Сапуновъ приводитъ рядъ выписокъ изъ источниковъ, которыя, нельзя сказать, чтобы были выбраны съ достаточно строгой критикой и обнимаютъ періодъ отъ 1234 г. до временъ Іоанна Грознаго. Тамъ идетъ рѣчь о многочисленныхъ военныхъ предпріятіяхъ русскихъ противъ лифляндцевъ и о возобновеніи ими ихъ якобы законныхъ притязаній на земли, находившіяся во владѣніи послѣднихъ, что, конечно, было мнѣ не безъизвѣстно. Но что же все это доказываетъ? Изъ ³⁰⁴ всего приводимаго г. Сапуновымъ, мы можемъ вывести только, что *въ послѣдующія времена* такія притязанія были неоднократно заявляемы, но все это *ничуть не опровергаетъ* моего утвержденія, что «въ 1224 г. русскіе отказались ото всего, чѣмъ они непосредственно владѣли (хотя бы и временно) въ эстонскомъ краѣ, а также и отъ всякой дани съ этого края, признавъ, въ опредѣленныхъ словахъ или безъ словъ, *statum quo* даннаго момента». И въ исторіи другихъ народовъ множество разъ бывало, что, даже послѣ совершенно форменнаго отреченія отъ нихъ, старыя притязанія снова воскресали, и снова пытались придать имъ законную силу. Нагляднымъ примѣромъ тому, въ той же области русско-лифляндскихъ отношеній, которая насъ интересуеетъ, можетъ служить князь Владиміръ полоцкій. Въ 1212 г. онъ отказался отъ своихъ прежнихъ владѣній на Двинѣ, а спустя четыре года онъ соединяется съ эстами и литовцами для ³⁰⁵ того, чтобы вернуть себѣ утраченное право!

Далѣе на стр. 99 приводится нѣсколько не идущихъ въ данномъ слу-

чаѣ къ дѣлу цитатъ изъ второй главы моего сочиненія относительно дани, платимой землею *Толовой* Пскову (стр. 113—164), причемъ я самъ отмѣчаю, что мы не въ состояніи опредѣлить, когда состоялся и состоялся ли вообще — отказъ русскихъ отъ этой дани (см. сужденіе о томъ д-ра А. Хедерстрема ниже на стр. 366). Точно также не имѣютъ значенія: приведенная уже у меня на стр. 161—2 цитата изъ грамоты Дерптскаго епископа Бернарда II, цитата изъ сочиненія Гильдебранда «Chronik Heinrichs von Lettland», стр. 37, которую можно относить лишь ко времени, описываемому хронистомъ, но нельзя распространять на позднѣйшую эпоху, цитата изъ Соловьева¹⁹⁰⁾ и, наконецъ, цитаты изъ Бестужева-Рюмина, Иловайскаго и Костомарова, имѣющія лишь самый общій смыслъ.

Если г. Сапуновъ не могъ согласиться съ моимъ взглядомъ, что русскіе, заключая миръ въ 1224 году, должны были отказаться отъ Угауніи и остальной Эстляндіи, потому именно, что имъ тогда было возвращено право брать дань съ Толовы, то, въ виду скудости позднѣйшихъ свидѣтельствъ, онъ долженъ бы былъ поступить такъ, какъ сдѣлалъ я, а именно изслѣдовать тѣ ближайшія обстоятельства, при которыхъ миръ былъ заключенъ; г. Сапуновъ объ этомъ *не подумалъ*. Правда, одну фразу въ моемъ изложеніи онъ вырываетъ изъ общей связи, вырываетъ затѣмъ, чтобы *истолковать ее неверно!* На стр. 219 я говорю: «Въ то же время новгородцы были уже на пути для выручки Дерпта, когда получили въ Псковѣ вѣсть, что онъ взятъ [также вѣсть о смерти бывшаго куконоскаго, впоследствии 307 дерптскаго князя Вячко]. вмѣсто того чтобы вторгнуться сейчасъ же въ Угаунію и по крайней мѣрѣ попытаться вернуть ее, они *примирились съ совершившимся фактомъ ея окончательнаго перехода въ нѣмецкія руки и ушли обратно*, хотя, какъ замѣчаетъ Генрихъ, съ горемъ и досадою (XXIII, 6)». Г. Сапуновъ цитируетъ на стр. 81 слова: «русскіе примирились съ совершившимся фактомъ» и прибавляетъ: «т. е. съ завоеваніемъ края нѣмцами» и такимъ образомъ незаконно *обобщаетъ* то, что сказано про одинъ *спеціальнѣй* случай.

Третій отдѣлъ рецензіи (стр. 100—109) направленъ противъ слѣдующаго мѣста моей работы: «Русскимъ были чужды такого рода куль-

190) Мнѣніе Соловьева объ обложеніи данью Дерптскаго епископства опровергнуто Георгомъ фонъ Бревернъ, Studien zur Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. (Dorpat. 1858) Bd. I, S. 223. — Въ дополненіе къ тому, что сказано о русско-эстонскихъ отношеніяхъ до XII столѣтія *включительно*, обращаю вниманіе на дѣльную работу А. Н. Snellman'a въ «Finska Fornminnesföreningens Tidskrift», XVI (Helsingissä, 1896), который во многомъ расходится съ традиціонными русскими воззрѣніями.

турныя стремленія; они не думали о томъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ свое господство введеніемъ христіанства: это обстоятельство и имѣло роковыя послѣдствія для ихъ власти» (стр. 213—214), особенно же про- 308 тивъ второй половины только что приведенной цитаты. Непосредственное же продолженіе ея, которое г. Сапуновъ цитировалъ на 81 стр., онъ здѣсь — на стр. 100 — опускаетъ, а именно: «Совершенно разрозненныя, такъ сказать, случайныя попытки крестить туземцевъ, вызванныя чисто внѣшними побужденіями, въ Толовѣ и Угауніи, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій». Подобнымъ же образомъ полемизируетъ онъ и по поводу того мѣста хроники Генриха (XVI, 2), которое я привожу на стр. 15—16 и 81: *«Есть обычай у королей русскихъ, когда покоряютъ они какой народъ, не подчиняютъ его вѣрѣ Христовой, а только облагаютъ его платежемъ дани и денегъ».*

Замѣчу съ самаго начала, что возражать моему критику по этому именно отдѣлу для меня особенно затруднительно, — не потому, что онъ выступаетъ здѣсь съ особенно вѣскими аргументами, — напротивъ, я не нахожу между ними ровно ничего такого, что могло бы поколебать мое убѣжденіе — но потому, что *пріемы* г. Сапунова до крайности *ненаучны* 309 и совершенно не поддаются логической провѣркѣ!

Такъ г. Сапуновъ исходитъ изъ того положенія (которое и старается доказать), что *до прихода нѣмцевъ восточная церковь уже пріобрѣла себѣ многочисленныхъ послѣдователей среди туземцевъ теперешняго прибалтійскаго края и что нѣмцы потомъ силой обратили ихъ въ католичество.* Чтобы доказать это, рецензентъ прибѣгаетъ къ непрямому способу доказательства.

На стр. 100, приводится, что, по словамъ митрополита Иларіона, Владиміръ «обратилъ отъ заблужденія идолопоклонства *всю область свою*», и что другой ближайшій къ тому времени свидѣтель, мнихъ *Іаковъ* говоритъ, что Владиміръ «крестилъ всю русскую землю отъ конца до конца. . . *Всю землю русскую и всѣ грады украсилъ святыми церквами*». — Напомню, что митрополитъ Иларіонъ былъ современникомъ Ярослава I и что его и мниха *Іакова* свидѣтельства вошли въ такъ называемую Несторову лѣто- 310 пись¹⁹¹⁾. Но историческая цѣнность послѣдней сама по себѣ не велика, а выше приведенныя свидѣтельства, если взять ихъ буквальный смыслъ, производятъ ли впечатлѣніе *правдоподобія*, особенно если вспомнить, что Русь временъ Владиміра Св. была *государствомъ безъ устойчивыхъ границъ?*!

Вѣроятно, и г. Сапуновъ имѣетъ на этотъ счетъ сомнѣнія, но, не высказывая ихъ, онъ продолжаетъ такъ: *«Изъ лѣтописей же видно, что*

191) О личности и сочиненіяхъ обоихъ говорится, между прочимъ, у Макарія, во многихъ мѣстахъ его Исторіи Русской Церкви, оба первые тома (С.-Петербург. 1868 г. 2-ое изд.).

Владиміръ не только посылалъ повсюду епископовъ и пресвитеровъ крестить народъ русскій, но и самъ лично ѣздилъ съ епископами по нѣкоторымъ областямъ для евангельской проповѣди. Въ важнѣйшіе города подвластной ему Руси онъ разослалъ сыновей своихъ, чтобы они своимъ примѣромъ, авторитетомъ и властію содѣйствовали исполненію воли отца. Владимиръ, говорится въ лѣтописи, «посла съ ними (съ дѣтьми своими) и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да каждо по области своей повелѣзп вааетъ учить и крестить людей и церкви ставити; еже и бысть». (Полн. Собр. Р. Лѣт. 259). «Владиміръ посылалъ также миссіонеровъ къ Волжскимъ Болгарамъ и обратилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ христіанство, а также четырехъ князей ихъ» (Макарій, Ист. Рус. Церкви I, 22); «старался онъ насадить христіанство даже въ глубинѣ сѣвера, въ Біарміи, на берегахъ Двины Сѣверной» (Ibid. I, 23): «Въ XI в. уже существовалъ монастырь Челменскій въ Олонецкомъ краѣ; въ XII в. на слияніи р. Сухоны и Юга существовалъ монастырь Гляденскій (К. И. Бестужевъ Рюминъ, Русск. Исторія I, 231—232)». Слѣдуютъ дальше еще указанія на распространеніе христіанства въ XII и XIII столѣтіяхъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ съ нерусскимъ населеніемъ и цитата изъ «католическаго» историка Нарбута о вторженіи восточной церкви въ Литву, по поводу которой г. Сапуновъ замѣчаетъ: «И приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы видѣть, во-первыхъ, что христіанство — точнѣе православіе¹⁹²⁾ — на первыхъ же порахъ распространилось до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Россіи, а, во-вторыхъ, что князья русскіе принимали въ этомъ святомъ дѣлѣ дѣятельное участіе. Если такъ было *вездѣ*, то почему только въ Прибалтійскомъ краѣ было *иначе*? Вѣдь этотъ край, какъ мы видѣли, съ древнѣйшихъ временъ находился подъ вліяніемъ Россіи».

Что русскіе съ давнихъ поръ имѣли «вліяніе» на значительную часть теперешняго прибалтійскаго края, это не подлежитъ сомнѣнію. Но изъ этого всетаки не слѣдуетъ, чтобы они хлопотали о распространеніи христіанства среди туземцевъ этого края, какъ они это дѣлали въ другихъ мѣстахъ, но, замѣтимъ, не повсюду; да и самъ г. Сапуновъ признается, на стр. 102, что «ничего не говорится въ русскихъ лѣтописяхъ» о миссіонерской дѣятельности русскихъ въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ. Впрочемъ, въ объясненіе этого онъ приводитъ «глубоко справедливыя», по 313 его мнѣнію, слова изъ сочиненія преосв. Павла, бывшаго епископа псковскаго: «Кое что изъ прежнихъ занятій» (Псковъ, 1872), а именно: «Безъ шума и огласки, тихо, незамѣтно, но ощутительно росла и множилась паства церкви до самыхъ крайнихъ предѣловъ тогдашней Россіи. Отъ этой

192) О «православіи» и «православной церкви» въ то время еще не могло быть и рѣчи.

то скромности и смиренія первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Россіи, отъ этой то тишины въ ходѣ распространенія и учрежденія сего дѣла Божія въ нашемъ отечествѣ, мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о первыхъ успѣхахъ христіанскихъ проповѣдниковъ въ Россіи вообще и почти никакихъ у инородцевъ ея въ частности. По этой же причинѣ въ русскихъ лѣтописяхъ ничего не сказано и о томъ, кто, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ въ первый разъ распространилъ православіе между Латышами и Эстами. . . Русскіе не любили много говорить о своемъ добромъ, а любили дѣлать доброе». Все это можетъ дѣлать честь *добрымъ чувствамъ* епископа, но какую имѣетъ оно цѣну въ глазахъ *исторической критики*? Правда «отъ этихъ общихъ соображеній» г. Сапуновъ переходитъ сейчасъ 314 же къ «фактамъ, правда, не многочисленнымъ, зато тѣмъ болѣе драгоценнымъ» и на стр. 102—108 приводитъ *рядъ частныхъ фактовъ*; но это не дѣлаетъ вопроса яснѣе, а напротивъ больше его запутываетъ. Мы должны будемъ еще разъ подвергнуть эти факты исторической оцѣнкѣ.

Прежде всего представляется вопросъ: *знаемъ ли мы вообще что нибудь о томъ, что летты и эсты принадлежали когда либо къ восточной церкви*? Единственное, что удалось добыть по этому поводу историческому изслѣдованію, это тѣ «разрозненныя и случайныя попытки крестить туземцевъ въ Толовъ и Угауніи, вызванныя чисто внѣшними побужденіями», о которыхъ мнѣ уже пришлось сказать, что *онѣ не имѣли никакого значенія*. Подробнѣе я говорю объ этихъ миссіонерскихъ попыткахъ русскихъ на стр. 117—123, 169 и 177 и. сл.; единственнымъ источникомъ служить Генрихъ *Летляндскій*, особенно XI, 7, XIV, и XX, 2. Эти мѣста 315 опять приводятся г. Сапуновымъ на стр. 103 и 104; на 103 стр. онъ воспроизводитъ сперва мѣсто изъ XVIII, 3, которое я разсматриваю на стр. 130 и сл.; на 105 стр. приводится вторично цитата изъ сочиненія — Ніагп: «Ehst- Lyf- und Lettlaendische Geschichte», которой онъ уже пользовался на стр. 89 и которая, какъ я это покажу на стр. 351, *есть не что иное какъ пересказъ XI, 7 хроники Генриха, основанный на невѣрномъ истолкованіи мѣста и снабженный притомъ произвольными прибавками*.

Изъ хроники Генриха г. Сапуновъ извлекаетъ всѣ мѣста, гдѣ что либо говорится о восточной церкви или о русскихъ князьяхъ. Такъ, онъ констатируетъ на стр. 102, совершенно справедливо, что въ Герцике были «церкви» (XIII, 4) и полагаетъ, также справедливо, что церкви могли быть бѣить и въ Куконосѣ; относительно діакона Стефана (X, 3) онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что тамъ было постоянное его мѣстожителство. Под- 316 черкивается то, что Генрихъ выставляетъ князя Всеволода весьма ревностнымъ противникомъ латинской церкви (XIII, 4), и отмѣчается фактъ, что кн. Вячко причинилъ изъ Дерпта много вреда латинянамъ (XXVIII, 2

и XXVIII, 3). О кн. Владимірѣ, изгнанномъ изъ Пскова, г. Сапуновъ полагаетъ на стр. 103, что и онъ смотрѣлъ не равнодушно на распространеніе католицизма (XVIII, 2; къ этому толкованію я еще возвращусь ниже на стр. 357). На стр. 104 рецензентъ предпосылаетъ извѣстному отрицательному сужденію Генриха о греческой церкви (XXVIII, 4) такое, пельзя сказать, чтобъ удачное замѣчаніе: «Генрихъ Латышъ вообще признаетъ, что и православная церковь не относилась безучастно къ Ливоніи!» Между тѣмъ у Генриха сказано: «. . . *mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jesu Christi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subjugare conatur*».

317 Вотъ все, что г. Сапуновъ могъ извлечь изъ Генриха Летляндскаго. Къ этому прибавлено еще кое что на стр. 105, гдѣ онъ ссылается на то, что весной 1206 г. послы ливовъ жаловались на «intolerabile jugum fidei» (XI, 1) князю Владиміру полоцкому, стараясь убѣдить его соединиться вмѣстѣ и прогнать нѣмцевъ (см. стр. 32 моего сочиненія). При этомъ г. Сапуновъ замѣчаетъ, что здѣсь рѣчь идетъ о католицизмѣ, а вслѣдъ за тѣмъ даетъ этому свидѣтельству *такой оборотъ, какъ будто ливы жаловались на угнетеніе среди нихъ восточнаго впроисповѣданія, на что тамъ нѣтъ и намека!* Рецензентъ пишетъ буквально слѣдующее: «Несмотря на крайне суровыя мѣры нѣмцевъ, православіе не было задушено и по временамъ давало себя чувствовать, особенно благодаря тому, что многіе изъ насильно обращенныхъ въ католичество туземцевъ, для которыхъ «intolerabile jugum fidei» (латинства), поднимали возстанія и явно склонялись на
318 сторону русскихъ»; и непосредственно за тѣмъ продолжаетъ: «Это обезпокоило даже самый Римъ, что видно изъ слѣдующаго письма папы Гонорія III», текстъ котораго дальше и приводится. Но въ этомъ письмѣ не говорится *ровно ни одного слова* про то, чтобы кто нибудь изъ *туземцевъ* принадлежалъ къ греческой церкви, ни про «склонность ихъ къ русскимъ»¹⁹³!

193) Булла напечатана Тургеновымъ въ «Historica Russiae Monumenta» т. I, № XII; потомъ у Бунге «Urkundenbuch» Bd. I, № LV. Она помѣчена 8 февраля 1222 г.; приводимъ наивозможно точный ея переводъ: «Гонорій III и пр. къ судьямъ въ Лифляндіи. Отъ нашего достопочтеннаго брата, епископа лифляндской церкви, дошло до насъ извѣстіе, что нѣкоторые изъ русскихъ приходятъ жить въ Лифляндію и, такъ какъ сами они придерживаются греческаго обряда, [а] латинское крещеніе прокливаютъ, какъ достойное отвращенія, не соблюдаютъ праздниковъ и предписанныхъ постовъ, а браки между новообращенными расторгаютъ. Для того чтобы необузданіемъ ихъ дерзости не возбудить болѣе греческую схизму и для того чтобы не казалось, что мы ей потворствуемъ нашимъ равнодушіемъ, поручаемъ мы вамъ смирять такую дерзость русскихъ и, имѣя ввиду устранить соблазнъ между новообращенными, добиваться того, чтобы названные русскіе соблюдали латинскіе обряды, такъ чтобы слѣдованіе греческой обрядности знаменовало ихъ отдѣленіе отъ главы, т. е. отъ римской церкви.

Слова «ne schisma Graecorum suscitetur» («чтобы не возбудить болѣе греческую схизму»)

— И далѣе утверждаетъ г. Сапуновъ на стр. 106, что послѣ того 319 какъ епископъ Альбертъ, послѣ запятія Дерпта и завоеванія Эзеля, «сдѣлался, такъ сказать [!], de facto господиномъ всего края» (между тѣмъ г. Сапуновъ только что не соглашался признать, чтобы русскіе отъ чего либо отказывались въ прибалтійскомъ краѣ!), «православіе было стѣснено еще сильнѣе». Затѣмъ слѣдуетъ цитата изъ Востокова, «Описаніе рукописей 320 Румянцевскаго Музеума»: «Многіе изъ латынней и эстовъ должны были измѣнить православной вѣрѣ; но многіе, конечно, остались вѣрными православію; можно думать, что нѣкоторые даже удалились изъ своей родины и переселились подъ кровъ и защиту русскихъ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ таковыхъ выходцевъ былъ тотъ *латышиъ*, священникъ въ Городищѣ (новгородской епархіи), сынъ котораго Гюргп (Георгій) во 1270 г. написалъ на престольное евангеліе, до нынѣ сохранившесся». Съ удивленіемъ спросить всякій сколько нибудь знакомый съ матеріаломъ читатель, изъ какихъ это *источниковъ* могли быть почерпнуты столь неожиданные «факты», — и вотъ примѣчаніе автора поучаетъ насъ, что такимъ источникомъ была надпись на древнерусскомъ языкѣ, сама по себѣ не лишняя интереса, которая сохранилась въ рукописи: «писахъ же кпигы спя азъ *юрги сынъ поповъ, глаголемаго латыша съ городища*. И на такомъ то скудномъ фундаментѣ возводитъ все свое фантастическое зданіе г. Сапуновъ¹⁹⁴)!! 321

По поводу Дерпта г. Сапуновъ заявляетъ (стр. 103), что великій 322 князь Ярославъ «построилъ въ немъ двѣ православныя церкви, одну — во имя св. *Николая Чудотворца*, другую — во имя своего ангела, великомуче-

г. Сапуновъ подчеркиваетъ; конечно, папѣ и епископу Альберту было весьма важно, чтобы эта схизма не была занесена въ Лифляндію изъ Россіи! Но кто были эти русскіе? Это не поддается опредѣленію. По поводу многочисленныхъ военноплѣнныхъ, которые именно зимой 1221 и 1222 г. (Генрихъ XXV, 5 и 6) изъ псковскаго и новгородскаго княжества были уведены въ Лифляндію (см. мое сочиненіе, стр. 198), Пабстъ замѣчаетъ (стр. 300, прим. 9): «Врядъ ли это тѣ русскіе въ Лифляндіи, о которыхъ папа писалъ 8 февраля 1222 г. въ грамотѣ № 55».

194) Впрочемъ, онъ прибавляетъ въ примѣчаніи еще слѣдующее: «Въ другомъ мѣстѣ ниже я приведу нѣкоторые данныя, доказывающія вліяніе русскихъ на латышей въ древнѣйшую эпоху: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ отношеніи родового быта и 3) въ судебномъ отношеніи». Здѣсь имѣется въ виду докладъ І. Крюгера, который два года тому назадъ былъ имъ прочитанъ на археологическомъ съѣздѣ, и о которомъ г. Сапуновъ упоминаетъ на стр. 131; я также коснусь его ниже (стр. 379). Но г. Сапуновъ не упоминаетъ вовсе о томъ, что очень коротенькій офиціальныи докладъ г. Крюгера вызвалъ потомъ очень энергичскія возраженія, которыя напечатаны въ «Извѣстіяхъ X Археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1—15 августа 1896 г.» (Рига, 1896), стр. 95.

На только что приведенныя пространныя соображенія рецензента я замѣчу только одно, — что тотъ единственный «латышскій» попъ изъ Городища, которому Востоковъ и г. Сапуновъ придали такое огромное значеніе, могъ попасть въ Россію напр. какъ военноплѣнный и раньше не быть священникомъ, или же появиться въ Россію какимъ нибудь другимъ образомъ, причемъ еще позволительно сомнѣваться, былъ ли онъ латышской національности, потому что изъ скуднаго извѣстія о немъ этого опредѣленно не слѣдуетъ.

пика *Георгія*». Источникомъ извѣстія служитъ — *легендарное сказаніе* (!), которое и цитируется въ примѣчаніи. Заглавіе его такое: «Повѣсть о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго первокласснаго монастыря, взятая изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранительницѣ онаго монастыря» (Второе изданіе. Псковъ, 1849 г.). Въ примѣчаніи 2 г. Сапуновъ приводитъ относящееся сюда мѣсто; но по Макарію, Исторія русской церкви, т. VI, кн. II, стр. 41, — этотъ самый Печерскій монастырь (Печурь), находящійся невдалекѣ отъ Пскова на границѣ Лифляндіи, былъ «освященъ» только 15 августа 1477 г. Что, согласно приведенному сказанію, въ Дерптѣ во второй половинѣ XV столѣтія существовала не одна православная церковь во имя святыхъ Николая и Георгія, а двѣ, одна — св. Николая, а другая — св. Георгія, — этому тѣмъ легче можно повѣрить, 323 что это засвидѣтельствовано митрополитомъ Филиппомъ уже для первой половины того же столѣтія (стр. 106); только нельзя съ нимъ согласиться, чтобы эти церкви были дѣйствительно основаны Ярославомъ Мудрымъ! Нѣсколько болѣе исторически обосновано (выражаюсь нарочно осторожно), потому что не вижу надобности подробнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ) развѣ только то извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи, о которомъ говорится въ примѣчаніи 3, а именно, что въ 1234 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ по завоеваніи Дерпта нѣмцами, «князь Святославъ Всеволодовичъ отстроилъ («свершилъ») въ Юрьевѣ церковь святого мученика Георгія и украсилъ ее» (по мнѣнію г. Сапунова, церковь была тогда «вновь перестроена»). — *Независимо отъ легендарнаго преданія*, котораго придерживается г. Сапуновъ, я считаю *весьма вѣроятнымъ*, что великій князь Ярославъ, основавъ въ 1030 г. городъ «Юрьевъ» построилъ тамъ также *церковь во имя св. Георгія*: это подкрѣпляется тѣмъ, что онъ назвалъ городъ именемъ своего ангела, изображеніе котораго приказалъ даже чеканить на монетахъ¹⁹⁵) («Юрій» было христіанское имя Ярослава, о чемъ я упоминаю въ своей работѣ на стр. 167); въ виду этого извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи получаетъ извѣстный интересъ. Если, какъ это можно доказать, православныя церкви были въ Герцике и, по всей вѣроятности, въ Куконосѣ, то могла быть православная церковь и въ древнемъ «Юрьевѣ» — для нуждъ *тамошняго русскаго гарнизона*, но чтобы въ этомъ убѣдиться окончательно, необходимы весьма тщательныя изысканія¹⁹⁶).

195) Серебряная монета такого типа, прекрасно сохранившійся экземпляръ, найдена была подъ самымъ Дерптомъ въ имѣнни Rathshof въ 1834 г.; см. Руникъ, О русско-византийскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича, съ изображеніемъ св. Георгія побѣдоносца (С.-Петербургъ, 1860), стр. 43 и сл.; изображеніе ея дано на таблицѣ В, 2.

196) Она могла впрочемъ просуществовать лишь до 1061 г., когда Юрьевъ былъ сожженъ эстами. Затѣмъ русскіе опять завоевали Дерптъ въ 1134 г. (надолго ли — неизвѣстно) и вторично въ 1192; въ началѣ же XIII столѣтія они навѣрно имъ болѣе не владѣли; и Ген-

По поводу извѣстія изъ «Liefländische Chronik» Іог. Готфр. Арндта 325 (Anderer Theil, S. 47 подъ 1245 г., который вслѣдствіе опечатки превратился въ «1254»), приводимаго г. Сапуновымъ на 103 стр., я ограничусь указаніемъ, что происшествіе, о которомъ тамъ разсказывается, при сравненіи съ источниками возбуждаетъ сомнѣнія, какъ я показалъ это на стр. 158, прим. 1 моего сочиненія; что же касается различныхъ *частныхъ фактовъ*¹⁹⁷⁾ *болѣе поздняго времени* — вплоть до второй половины XVI столѣтія —, то ихъ *слѣдуетъ понимать вовсе не такъ, какъ понимаетъ г. Сапуновъ, а именно будто искони, т. е. между туземцами* 326 *существовавшее православіе не было и впослѣдствіи искоренено окончательно въ балтійскомъ край*» (стр. 106). Это не такъ. Когда край былъ окончательно завоеванъ нѣмцами, обстоятельства измѣнились. Самыя отношенія къ русскимъ, не смотря на повторявшіяся время отъ времени столкновенія и войны, были мирныя. Г. Сапунову должно быть извѣстно, что не только велась торговля изъ Лифляндіи съ купцами Новгорода, Пскова, Полоцка и пр., но что *русскіе купцы* пріѣзжали въ край и поселялись тамъ, можетъ быть, лишь на короткое, а можетъ быть, и на продолжительное время; для нихъ то и были выстроены тѣ *православныя церкви* въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ, къ которымъ постоянно возвращается г. Сапуновъ. (Приведу, по пути, такой примѣръ: въ Ригѣ русское купечество было настолько многочисленно, что тамъ около 1400 г. существовалъ родъ русскаго квартала «dat russche dorp», къ которому примыкала «russche strate», «platea Ruthenorum»).

И такъ мы видимъ, что г. Сапуновъ *ничѣмъ не опровергъ* того мѣста 327 хроники Генриха, XVI, 2, которое онъ цитируетъ на стр. 81 и 100 («Есть обычай у королей русскихъ, когда покоряютъ они какой народъ, не подчинять его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежомъ дани и денегъ»), и *ничѣмъ не доказалъ* своего утвержденія, что до прихода нѣмцевъ греческая церковь имѣла среди туземцевъ теперешняго прибалтійскаго края многочисленныхъ послѣдователей, которые потомъ силою были обращены въ католичество!

рихъ, XV, 7, сообщаетъ, что нѣмцы къ концу 1211 года нашли это эстонское укрѣпленіе «покинутымъ, такъ какъ оно раньше [т. е. въ войнѣ эстовъ съ латышами] было сожжено латышами». Православная церковь могла быть возстановлена въ Дерптѣ, когда осенью 1223 г. князь Вячко вступилъ туда съ большимъ отрядомъ.

197) Я воздерживаюсь отъ критики нѣкоторыхъ изъ этихъ частныхъ со стороны ихъ правдоподобія (напр. что касается разсказа о насиліяхъ, совершенныхъ въ Дерптѣ 8 января 1472 г., или сообщеніи Діонисія Фабриціуса, который, какъ извѣстно, былъ ревностный противникъ реформаціи). Укажу однако по поводу происшествія 1472 г. на мою работу: «Die russischen Aufzeichnungen über den Märtyrertod des heiligen Isidor und seiner zweiundsiebzig Genossen», явившуюся въ «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands», 1898, стр. 139—141 (Riga, 1899).

Въ IV и V отдѣлахъ рецензіи г. Сапунова (стр. 109—118) рѣчь идетъ «О Генрихѣ Латышѣ и его хроникѣ» и о «Характеристикѣ епископа Альберта».

Въ этомъ моемъ отвѣтѣ я считаю себя обязаннымъ останавливаться на несогласныхъ съ моими сужденіяхъ автора и оспаривать ихъ лишь по-
328 столько, поскольку они направлены противъ меня, по считаю излишнимъ пускаться въ полемику тамъ, гдѣ рецензентъ пускается въ болѣе самостоятельныя изслѣдованія, для которыхъ моя работа послужила лишь поводомъ. Такъ — кто интересуется мнѣніями г. Сапунова о личности *лифляндскаго хрониста*, его происхожденіи, степени образоваціи и нравственныхъ качествахъ, тотъ можетъ познакомиться съ ними, прочитавъ четвертый отдѣлъ рецензіи. Для интересующихся этимъ будетъ нелишнимъ напомнить то, что было уже мною отмѣчено, а именно, что такой авторитетъ, какъ академикъ Куникъ, былъ не согласенъ съ мнѣніемъ г. Сапунова о латышскомъ происхожденіи Генриха и, вопреки его возраженіямъ, въ ученомъ собраніи, какъ я сказалъ, настаивалъ вполне рѣшительно на томъ, что онъ былъ *уроженецъ Нижней Германіи*. — На одномъ мѣстѣ четвертаго отдѣла я долженъ однако остановиться. На 114 стр. г. Сапуновъ спрашиваетъ: «Какія же основанія у сторонниковъ нѣмецкаго происхожденія Генриха?»
329 И вслѣдъ за тѣмъ самъ очень смѣло отвѣчаетъ: «Никакихъ; они все только отрицаютъ, колеблются и ссылаются другъ на друга: г. Кейслеръ, напр., ссылается на Пабста [на чемъ основано такое утвержденіе?], г. Пабстъ — на г. Гильдебранда [?]; но г. Гильдебрандъ говоритъ объ этомъ весьма уклончиво; г. Пабстъ еще колеблется, а г. Кейслеръ уже говоритъ категорически». Но я констатирую тотъ фактъ, что я нигдѣ во всей моей работѣ не сказалъ ни слова о происхожденіи Генриха¹⁹⁸!

330 Отдѣлъ, посвященный «характеристикѣ епископа Альберта», г. Сапуновъ начинаетъ, на стр. 116, такъ: «Г. Кейслеръ, вслѣдъ за Генрихомъ Латышемъ, слишкомъ ужъ высоко ставитъ нравственныя качества епископа Альберта: авторъ, напр., не допускаетъ даже мысли о томъ, чтобы можно

198) Дѣло въ томъ, что я, должно быть, первый въ русской исторической литературѣ, назвалъ хрониста Генрихомъ «Летляндскимъ» (von Lettland), а не Генрихомъ «Латышемъ» (der Lette), какъ его, сколько я замѣтилъ, постоянно называютъ.

Относительно нѣмецкаго происхожденія Генриха, не останавливаясь на другихъ имѣющихся основаніяхъ, мнѣ хочется обратить еще вниманіе на одно весьма важное мѣсто въ XXIII, 9, на которомъ Гильдебрандъ на стр. 166 не остановился, хотя и долженъ былъ его знать; а именно: «*Ex nostris vero ceciderunt duo, et ex Letthis duo, frater Rossini et frater Drivalde de Astigerwe, comes juvenis de familia episcopi milesque ducis unus*». Передъ этимъ же было рассказано, что христіанское войско было раздѣлено на три рати: ливы стали налѣво, эсты направо, а третья рать посрединѣ, состоявшая изъ нѣмцевъ и леттовъ вмѣстѣ; ясно вполне, что Генрихъ причисляетъ себя здѣсь къ нѣмцамъ, противоположая ихъ латышамъ.

было признать «политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣнчивою», т. е. что онъ дѣйствовалъ сообразно обстоятельствамъ». Опять долженъ я констатировать фактъ, что я во всей моей работѣ ни слова не сказалъ о «нравственныхъ качествахъ» епископа Альберта, хотя разъяснялъ во многихъ мѣстахъ его политику, причѣмъ я не разъ обнаруживалъ, что онъ, говоря словами г. Сапунова, дѣйствовалъ сообразно обстоятельствамъ. Приводимый г. Сапуновымъ «примѣръ» имѣетъ отношеніе къ слѣдующимъ моимъ словамъ (стр. 29 прим. 1): «пришлось бы признать политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣнчивою». Эта фраза, переданная, какъ я долженъ замѣтить, въ русскомъ переводѣ не совсѣмъ вѣрно, содержитъ въ себѣ ограниченіе слѣдующей мысли: «сопоставляя этотъ фактъ съ тѣмъ, что изложено выше», а «выше» (стр. 23—30) я изслѣдовалъ, что «могло быть поводомъ къ наступательному образу дѣйствій князя полоцкаго» въ 1203 г. Изъ связи мыслей видно, что это ограниченіе сдѣлано именно въ смыслѣ желательномъ для г. Сапунова!

Однако, продолжаетъ г. Сапуновъ, не всѣ «историки» смотрятъ такъ на дѣятельность епископа Альберта и цитируетъ прежде всего Г. Меркеля, который былъ, правда, выдающимся публицистомъ, но никакъ не можетъ считаться «историкомъ»¹⁹⁹). И самъ г. Сапуновъ сознается, что Меркель въ характеристикѣ Альберта «сгустилъ нѣсколько [!] свои краски». Но г. Сапуновъ еще подкрѣпляетъ его цитатой изъ Генриха, VII, 5, вмѣсто того чтобы на основаніи этого самаго мѣста и слѣдующаго отрывка (VII, 6) исправить его тенденціозныя невѣрности. По собственному почину г. Сапуновъ извлекаетъ для характеристики Альберта IV, 4 хроники Генриха Летляндскаго, а затѣмъ приводитъ двѣ цитаты изъ Гильдебранда, которыя передаютъ отрывочно и потому далеко не вѣрно сужденіе этого послѣдняго объ основателѣ западно-христіанской культуры на восточномъ берегу Балтійскаго моря²⁰⁰!

Въ заключеніе мы узнаемъ собственное сужденіе г. Сапунова о «нравственныхъ» качествахъ епископа Альберта: это — отрицательная характеристика нѣмецкаго епископа вообще, какъ ее нарисовалъ намъ «умный» цистерціанскій монахъ Цезарій Гейстербахскій въ своемъ «Dialogus mira-

199) Литературная дѣятельность Г. Меркеля была только что оцѣнена съ ея лучшей и ея худшей стороны Г. Дидерихсомъ въ «Balt. Monatsschrift» 1898, стр. 185 и слѣд.; ср. также его статью за 1870 г., стр. 38 и сл., гдѣ онъ касается и тѣхъ мѣстъ, которыя цитируетъ г. Сапуновъ.

200) Чтобы не просматривать нарочно все сочиненіе Г. Гильдебранда: «Die Chronik Heinrichs von Lettland», беру для примѣра такое мѣсто: «Selbst über die Wirksamkeit des Lenkers jenes ganzen Zuges nach Osten, des so hochgestellten und von Heinrich mit Recht verehrten Bischofs Albert, erfahren wir, da sie meist im Auslande geübt wird, verhältnissmässig Geringes».

culorum» (Distinctio secunda cap. XXVII, изд. Jos. Strange, Coloniae и пр. MDCCLLI, стр. 101). — Что сказалъ бы о такомъ странномъ приѣмѣ самъ «умпый» Цезарій, который былъ знакомъ и съ личностью Альберта, и съ его дѣятельностью²⁰¹)?!

334 Шестой отдѣлъ рецензіи (стр. 118—132) заключаетъ въ себѣ «Замѣчанія, касающіяся частныхъ вопросовъ». Буду разсматривать ихъ по порядку, причемъ цифры въ скобкахъ должны указывать на страницы русскаго манускрипта моей работы.

Стр. (9). Г. Сапуновъ цитируетъ первую фразу: «Изо всего ливонскаго племени и пр.» и замѣчаетъ: «Странно: въ доказательство своего положенія авторъ ссылается на мнѣніе историка [Пабста], который въ данномъ случаѣ не приводитъ основанія своего мнѣнія». Но я ссылаюсь на Пабста вовсе не для того, чтобы «доказать» свое мнѣніе (мое собственное, самостоятельное *доказательство*, которое я даю сейчасъ же дальше и на стр. 87, г. Сапуновъ *оставляетъ безъ вниманія*), а для того чтобы показать, что мое мнѣніе само по себѣ не ново.

Стр. (9). Предложеніе: «Оба укрѣпленія» и т. д. переведено на русскій языкъ не точно. Если же г. Сапуновъ возражаетъ противъ выраженія «Польская Лифляндія», говоря, что «никто этой мѣстности такъ не называетъ, кромѣ польскихъ писателей», то замѣчу на это, что это обозначеніе общеупотребительно и въ Лифляндіи и вообще нерѣдко употребляется въ научной литературѣ, напр. имъ пользуется ак. Куникъ въ «Grenzep» Биленштейна (стр. 473), притомъ я самъ предпослалъ ему слова «такъ называемой».

Стр. (15). «Относительно характера первоначальнаго русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ Генрихъ Летляндскій, со-

201) Эд. Винкельманнъ въ «Mittheilungen aus der livl. Geschichte» Bd. XI, стр. 478 и сл. приводитъ девять мѣстъ изъ «Dialogus», относящихся до Лифляндіи, и одно мѣсто изъ другого сочиненія Цезарія «VIII libri miraculorum»; затѣмъ еще мѣсто изъ его «Homiliae» — см. мою статью въ «Mittheilungen» Bd. XIV, стр. 111 и сл. (о генеалогіи монастырей въ устьѣ Двины), гдѣ я также исправляю нѣкоторые выводы Винкельманна. Будетъ не лишнимъ отмѣтить, что «Dialogus» составленъ въ 1221 и 1222, а «VIII libri miraculorum» — въ 1225-мъ году. — *Положеніе свѣтскаго, земного властителя, вслѣдствіе котораго* — на это обращаю здѣсь вниманіе — *и не могли именно стать святыми, по мнѣнію «Dialogus» (dist. II, cap. XVII), германскіе епископы вообще (pene omnes), занималъ также и епископъ Альбертъ* (ср. еще слѣдующее за этимъ мѣсто, котораго не приводитъ г. Сапуновъ: «Invenimus tamen ex Episcopis Coloniensibus, qui Pontifices simul fuerunt et Duces, aliquos fuisse sanctos» и пр.). Что нѣкоторые все-же «сдѣлались святыми», эту подробность онъ не считаетъ нужнымъ и оговаривать. А что Цезарій выдѣляетъ именно трехъ канонизированныхъ кельнскихъ архіепископовъ, это объясняется принадлежностью монастыря Гейстербахъ къ кельнской діоцезѣ.

гласно съ современными ему русскими источниками, сообщаетъ слѣдующее: Есть обычай у королей русскихъ, когда покорятъ они какой народъ, не подчиняютъ его вѣрѣ Христовой, а только облагаютъ его платежомъ *дани и денегъ*. Послѣ словъ: «согласно съ современными ему русскими источни- 336 ками» г. Сапуновъ ставитъ знакъ вопроса и замѣчаетъ, что «нигдѣ въ современныхъ русскихъ источникахъ не говорится этого». Между тѣмъ смыслъ моего указанія вотъ какой: въ русскихъ источникахъ говорится *только о дани, и рѣшительно нигдѣ ни разу не говорится про какія либо миссіонерскія попытки русскихъ*.

Стр. (28). По поводу словъ: «Странное утверженіе Арнольда Любекскаго» и т. д. г. Сапуновъ возстаетъ противъ моего благопріятнаго сужденія о хроникѣ Генриха, какъ объ «источникѣ, славящемся полнотою и, въ особенности для внѣшнихъ сношеній, своей достовѣрностью». При этомъ я ссылаюсь на Гильдебранда, «Chronik Heinrichs von Lettland», стр. 51 и 52, гдѣ послѣдній *не только на основаніи собственнаго тщательнаго изученія, но и на основаніи сужденій другихъ самыхъ авторитетныхъ зна- токовъ ливляндскаго хрониста, расточаетъ ему самыя большія похвалы*. Всего этого *не хочетъ знать* г. Сапуновъ и находитъ, что «этого далеко 337 нельзя сказать». Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе, онъ ссылается на свои соображенія въ концѣ IV отдѣла репензіи, гдѣ онъ соглашается съ Лаппо-Данилевскимъ, помѣстившимъ статью въ «Библиографѣ», 1888 г. № 5, 6, въ которой онъ даетъ отрицательную характеристику Генриха, основанную на крайне поверхностномъ знакомствѣ съ хроникой и *совершенно не выдерживающую критики*. Тамъ то г. Сапуновъ высказываетъ напрямикъ свое по истинѣ изумительное сужденіе о Генрихѣ Летляндскомъ, достоинствъ котораго, не смотря на указанные и Гильдебрандомъ недостатки, отрицать нѣтъ возможности; туда и отсылаемъ интересующихся дѣломъ! — Коренное разногласіе мое съ г. Сапуновымъ въ оцѣнкѣ «Chronicon Livoniae» объясняетъ и то, почему я, какъ онъ находитъ, «слѣшкомъ ужъ [?] довѣрчиво отнесся къ хроникѣ Генриха»²⁰²), отсюда же вытекаетъ и мое, отнюдь не бездоказательное, «высокое мнѣніе о дѣятельности епископа Альберта». По поводу же цитаты въ концѣ (со стр. 29 прим. 1 я долженъ повторить сказанное уже раньше (стр. 331), — что она невѣрно передаетъ смыслъ 338 нѣмецкаго текста.

Стр. (33). «Потерпѣвъ на дорогѣ неудачу — будучи ограблены литовцами (въ чемъ врядъ ли не принималъ участіе дружившій съ литовцами князь Всеволодъ изъ Герцике, черезъ землю котораго они проходили), прибыли однако епископскіе послы въ Полоцкъ. Къ большому, конечно, уди-

202) Ср. между прочимъ мои замѣчанія на стр. 261 этого «Отвѣта».

вленію нашли они здѣсь нѣсколькихъ ливовъ». Здѣсь, къ сожалѣшю, г. Сапуновъ обрываетъ періодъ, который продолжается такъ: «которые были посланы тайно своими старшинами, чтобы побудить князя изгнать сообща нѣмцевъ». Эта прибавка объясняетъ причину «удивленія», которое отказывается понять г. Сапуновъ. Если онъ притомъ упрекаетъ меня за то, что я «рѣшительно безъ всякихъ основаній» обвиняю Всеволода въ ограбленіи пословъ, то *неосновательность упрека* явствуется изъ самаго текста.

Стр. (35). «Когда задуманное сначала внезапное нападеніе не могло 339 удался, Владиміръ *замыслилъ хитрость* (dolun)». Г. Сапуновъ находитъ, что я «напрасно повторяю слова Генриха безъ всякой оговорки», потому что, «какъ неоднократно уже было сказано, лифляндскій хронистъ вовсе не безпристрастный свидѣтель». Между тѣмъ болѣе внимательное разсмотрѣніе того, что я излагаю далѣе на стр. 34—38, должно убѣдить читателя все же, что «весь замыселъ Владиміра» — былъ *коварный!*

Стр. (38). По поводу мопхъ словъ: «Ливы, которые *все еще бунтовали*, успѣли увѣдомить Владиміра, что настала удобная моментъ» — г. Сапуновъ спрашиваетъ: «Противъ кого? противъ непрошенныхъ пришельцевъ, старавшихся поработить ихъ? Это не бунтъ, а естественное право защищать себя отъ наслія!» *Я отказываюсь* отъ подробнаго объясненія съ моимъ противникомъ и напомню только, что въ 1206 г., когда произошло возстаніе, значительная часть ливовъ уже нѣсколько лѣтъ были подданными епископа!

340 Стр. (43). «Спрашивается только, насколько было искренности со стороны русскихъ [т. е. со стороны Вячко, князя куконоскаго] при этомъ соглашеніи». Г. Сапуновъ спрашиваетъ, почему я ни разу не задался вопросомъ объ искренности со стороны нѣмцевъ. Но здѣсь идетъ рѣчь о только что заключенномъ союзѣ, при которомъ дѣйствительно *первенствующее значеніе* имѣла искренность князя Вячко, — вотъ и все; *слишкомъ наивно* выводить изъ этого, что по моему убѣжденію нѣмцы никогда не бывали неискренни! — Послѣдующія событія дѣлаютъ неискренность Вячко весьма правдоподобной, но вмѣстѣ и довольно простибельной, потому что самый договоръ былъ имъ заключенъ, по всей вѣроятности, не «по его просьбѣ», какъ думаетъ Генрихъ, но по принужденію со стороны епископа, гостемъ котораго онъ въ то время былъ.

Стр. (43—44). Мѣсто, начинающееся словами: «Скоро вышла ссора» и т. д. вызываетъ такое замѣчаніе рецензента по поводу приводимой Генрихомъ «причины» событія: «Было бы наивно ожидать, чтобы Генрихъ 341 принялъ сторону русскаго князя». Можетъ быть, г. Сапуновъ и правъ съ своей точки зрѣнія, — достаточно ли объективной — вотъ вопросъ. Но гдѣ доказательство того, что князь Вячко именно въ этихъ переговорахъ

былъ совершенно безупреченъ? Я самъ говорю буквально слѣдующее: «Какова была причина событія, на это *намекается въ словахъ*» и т. д.: въ переводѣ это вышло, пожалуй, не такъ опредѣленно.

Стр. (48). «Et extirpaverunt traditores de finibus illis» — здѣсь въ русскомъ переводѣ сдѣлана дѣйствительно ошибка: «illis» переведено какъ «suis».

Стр. (53). Словамъ «pro reverencia christiani nominis» г. Сапуновъ противопоставляетъ соотвѣтствующее мѣсто изъ *позднѣйшей Орденской хроники*, гдѣ говорится, что при взятіи Герцике, т. е. въ 1209 г., были убиты «женщины и дѣти». Но это свидѣтельство ненадежно, потому что, какъ я замѣтилъ уже, рассматривая первый отдѣлъ, достовѣрность Орденской хроники слѣдуетъ провѣрять хроникой Генриха, а не наоборотъ.

Стр. (72—73). Въ отмѣченномъ г. Сапуновымъ мѣстѣ — очевидная ³⁴² описка: само собой разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о псковскомъ князѣ, а не о полоцкомъ.

Стр. (77). «Слѣдуетъ думать, что во время переговоровъ этотъ вопросъ былъ обойденъ, и нѣмцы *добились такимъ образомъ молчаливаго признанія status quo*». — «На основаніи чего же *слѣдуетъ думать* такъ?» — спрашиваетъ г. Сапуновъ и полагаетъ, что «очевидно» у меня была «предвзятая мысль». Но отвѣтъ на вопросъ заключается въ предшествующей тирадѣ (на стр. 76): «Въ виду того, что заключенный миръ названъ *вѣчнымъ*, является также, предположеніе» и т. д.

Стр. (77). Г. Сапуновъ несогласенъ съ выраженіемъ: «чисто номинальная» зависимость Всеволода, князя Герцике, отъ Владиміра полоцкаго, и спрашиваетъ опять, на чемъ оно основано. Но основаніе опять заключается въ непосредственно предшествующихъ словахъ: «особенно если припомнить дружественное расположеніе къ Литвѣ князя Всеволода, который, по свидѣтельству Генриха, не стѣснялся подкрѣплять своихъ языческихъ ³⁴³ союзниковъ даже въ ихъ походахъ противъ русскихъ, и зависимость котораго, чисто номинальная, мало приносила пользы Полоцку».

Стр. (77—78). «Остается неяснымъ, въ чемъ заключалась *хитрость* Владиміра»; «самъ авторъ», замѣчаетъ г. Сапуновъ, «заподозриваетъ [стр. 43 русскаго рукописнаго перевода — 22-ая нѣмецкаго изданія] искренность русскихъ безъ всякаго основанія». Насколько такое обвиненіе по отношенію ко мнѣ лишено основанія, я уже разъяснилъ раньше, что же касается словъ: («Наконецъ остается» и пр.), приведенныхъ выше, то укажу на двѣ послѣдующія тирады, начинающіяся словами: «Хотѣлъ ли онъ» и «Слѣдуетъ обратить вниманіе», и на мое замѣчаніе на 43 стр. по поводу отмѣченнаго Генрихомъ коварства. — «На томъ же основаніи и Генрихъ — продолжаетъ г. Сапуновъ — злоупотребляетъ словомъ хитрость,

когда рѣчь идетъ о русскихъ (напр. X, 2, XI, 8, XVI, 2 и др.)). На послѣднемъ изъ указанныхъ мѣстъ, впрочемъ, нѣтъ этого слова: должно быть, 344 промахъ г. Сапунова произошелъ оттого, что я на 43 стр., какъ было сказано, возвращаюсь въ связи съ XVI, 2 къ разсказу о «хитрости» русскихъ въ 1210 г. О X, 2 и XI, 8 говорится на стр. 34 и 45—46 моей работы, и они уже были рассмотрѣны въ моемъ Отвѣтѣ. Если прибавить къ нимъ только что разъясненное мѣсто хроники, XIV, 9, то это и будутъ всѣ три мѣста, гдѣ Генрихъ говоритъ про «*dolus*» русскихъ. Г. Сапуновъ долженъ согласиться, что во всѣхъ трехъ случаяхъ я не довѣряюсь Генриху *слѣпо!*

Стр. (79). Изъ того, что Владиміръ полоцкій въ 1212 г. самъ выбралъ мѣстомъ своего свиданія съ епископомъ Альбертомъ укрѣпленіе Герцике, г. Сапуновъ заключаетъ, что онъ въ то время считалъ Герцике по прежнему подвластнымъ себѣ, потому что «нельзя допустить, чтобы онъ самъ назначилъ свиданіе съ епископомъ въ мѣстности, которая отъ него не зависѣла». Но одно не вытекаетъ непременно изъ другого; князя Владиміръ 345 и Всеволодъ могли заранѣе сговориться; на стр. 91 я уже указалъ на то, что оба князя во время переговоровъ при Герцике были какъ разъ въ союзѣ.

Стр. (82). «Ливы же, которые не хотѣли служить двумъ господамъ, а именно русскимъ и нѣмцамъ, постоянно его [епископа] уговаривали, чтобы онъ избавилъ ихъ совсѣмъ отъ ига русскихъ». По поводу этой цитаты изъ хроники Генриха, которую я также комментирую дальше, г. Сапуновъ полагаетъ, что я «забылъ» высказанное мною раньше, стр. 27 [русскаго рукописнаго перевода = 16 и сл. нѣмецкаго изданія], а именно: «Можно сказать съ увѣренностью, что послѣдніе [ливы] охотнѣе сносили не слишкомъ для нихъ тяжелую русскую дань, нежели нѣмецкое владычество, которое прочнѣе засѣло въ ихъ землѣ, шло дальше въ своихъ требованіяхъ и понуждало ихъ къ новой вѣрѣ». Но разгадка кажущагося противорѣчія — въ *различіи обстоятельствъ* 1203 и 1212 года! Этого не хочетъ звать г. Сапуновъ.

Стр. (82). По поводу моего толкованія слова «*quandoque*» г. Сапуновъ 346 замѣчаетъ не безъ удивленія: «Авторъ разбираетъ каждое слово Генриха точно современную дипломатическую ноту». Мнѣ кажется, что, если бы г. Сапуновъ приложилъ къ дѣлу тотъ же методъ при изученіи лифляндскаго хрониста, онъ лучше бы оцѣнилъ его самого, лучше бы понялъ разбираемые вопросы и, конечно, оказалъ бы большую услугу *наукѣ*, чѣмъ онъ это сдѣлалъ настоящимъ своимъ произведеніемъ!

Стр. (84). Г. Сапуновъ *правъ*, говоря, что противъ предположенія: «Можно было думать, что упрощанія ливовъ избавить ихъ отъ дани

сдѣлались особенно настойчивыми во время переговоровъ епископа съ княземъ Владиміромъ», — говоритъ дальнѣйшее изложеніе: дѣйствительно «этого не видно изъ самаго характера разговоровъ» и т. д. Но развѣ за-
прещается, выясняя всесторонне положеніе вещей, какъ въ данномъ случаѣ, строить возможныя гипотезы и высказываться за и противъ!

Стр. (85). «Непостоянный и поддающійся легко вліяніямъ характеръ князя Владиміра чрезвычайно мѣшаетъ вѣрной оцѣнкѣ событій». Г. Сапуновъ прибавляетъ: «Еще болѣе мѣшаютъ этому предвзятые взгляды и то, что Генрихъ въ своей хроникѣ многое утаилъ умышленно или неумышленно». Если упрекъ въ «предвзятыхъ взглядахъ» относится ко мнѣ, то я его отстраняю, какъ лишенный основанія. Что же касается Генриха, то я, какъ я то не разъ выражалъ, далекъ отъ мысли считать его свободнымъ отъ указаннаго недостатка, именно что онъ многое «умышленно или неумышленно утаилъ». Но спрашивается, какъ далеко простиралъ онъ такое умолчаніе и должны ли мы въ данномъ сложномъ случаѣ *совсѣмъ не до-
вѣрять ему!*

Стр. (85). Почти буквально приведенныя слова Генриха: «Недовольный переговорами, князь Владиміръ прервалъ ихъ» и пр. — вызываетъ справедливое сомнѣніе г. Сапунова; онъ *забываетъ только прибавить*, что я самъ, въ примѣчаніи, столь же *скептически* отношусь къ нимъ.

Стр. (87). По поводу отказа Владиміра брать дань съ ливовъ г. Сапуновъ говоритъ: «Да отказывался ли? А если отказывался, то на какихъ 348
условіяхъ»? Я сошлюсь еще разъ на то, что изложено мной на стр. 87 и слѣд. и на подробный разборъ вопроса въ моемъ отвѣтѣ на второй отдѣлъ рецензіи. Указанія, сдѣланныя въ скобкахъ, на страницы 25—27 [русскаго перевода = стр. 13—15 нѣмецкаго изданія], нахожу лишенными значенія.

Стр. (86—87). Замѣчаніе мое къ словамъ «Tamquam patrem spiri-
tualem» въ русскомъ переводѣ было передано невѣрно.

Стр. 89. «Соловьёву показалась подозрительной ссылка на божеское внушеніе; но такой способъ объясненія не удивитъ того, кто болѣе знакомъ съ хроникой Генриха». «Что хочеть сказать этимъ авторъ? не знаю», замѣчаетъ г. Сапуновъ и, признавая, что я близко знакомъ съ хроникой Генриха, говоритъ: «авторъ дѣйствительно близко знакомъ съ хроникой Генриха, но только съ *буквой*, а не съ *духомъ* хроники». — Относительно послѣдняго замѣчанія отдаю себя на судъ болѣе компетентнаго цѣнителя, чѣмъ какимъ проявилъ себя до сихъ поръ г. Сапуновъ! По поводу «*сно- 349
соба объясненія*» событій, къ которому прибѣгаетъ Генрихъ, я отмѣчаю, что для него *чудо* играетъ роль въ исторіи и что совершенно въ его духѣ изображать непосредственное вмѣшательство Божества въ дѣла людей

вмѣсто того, чтобы объяснять мотивы поступковъ изъ самыхъ обстоятельствъ. Такой пріемъ объясненія лишній разъ подтверждаетъ сужденіе Гильдебранда, что Генрихъ «не былъ политическимъ умомъ».

Стр. (91). «Уже на этомъ мѣстѣ хронистъ замѣчаетъ, что онъ [Всеволодъ] внослѣдствіи участвовалъ однако въ замыслахъ литовцевъ, нарушилъ обѣщанную вѣрность и часто подстрекалъ язычниковъ противъ нѣмцевъ въ Куконосѣ». Г. Сапуновъ замѣчаетъ: «Вѣдь надо же было найти какой либо поводъ къ походу противъ Герцике. Если бы Всеволодъ былъ невиннѣе ягненка, то и тогда самостоятельность его была бы задушена
350 епископомъ Альбертомъ, у котораго аппетитъ послѣ захвата Куконоса сильно разыгрался». А можетъ быть, на сторонѣ Всеволода и была вина? Этого не хочеть изслѣдовать г. Сапуновъ. Вмѣсто того чтобы опровергнуть то изображеніе событій, которое дано, онъ ограничивается однимъ его порицаніемъ, не приводя основаній.

Стр. (106). Отрывокъ: «Такъ какъ притомъ и нѣтъ доказательствъ» и пр. г. Сапуновъ цитируетъ невѣрно, притомъ онъ былъ несовсѣмъ вѣрно переданъ въ русскомъ переводѣ.

Стр. (113). По поводу словъ: «Въ 1224 г. нѣмцы предоставили русскимъ получать дань съ земли Толова» — г. Сапуновъ дѣлаетъ такое возраженіе: «Нѣмцы не могли распорядиться тѣмъ, что имъ не принадлежало». Между тѣмъ жители Толовы *уже за десять лѣтъ* передъ тѣмъ и притомъ даже добровольно подчинились нѣмцамъ, такъ что тогда уже была установлена дань въ опредѣленномъ размѣрѣ; затѣмъ послѣдовала почти восьми-
351 лѣтняя война съ русскими, въ которой принимали самое дѣятельное участіе на *сторонѣ нѣмцевъ* и летты Толовы!

Стр. (121). «З. Относительно леттовъ на р. Имерѣ мы узнаемъ, что они не были данниками русскихъ и именно въ 1028 году подчинились Римской церкви». На это г. Сапуновъ замѣчаетъ: «Гіернъ (см. выше) однако прямо говоритъ о ихъ зависимости отъ псковичей потому, что въ Имеру время отъ времени приходили православные священники». Второй разъ подходит г. Сапуновъ къ тому же мѣсту источника (Генрихъ XI, 7), но вмѣсто того чтобы заняться, наконецъ, имъ и разсмотрѣть обстоятельно, онъ предпочитаетъ выдвинуть опять любезнаго ему Гіерна! Между тѣмъ, сравнивъ оба мѣста, онъ очень легко убѣдился бы въ томъ, что *Гіернъ не только невѣрно понимаетъ Генриха, но еще и перефразируетъ его съ произвольными вставками* («время отъ времени», «такъ охотно хотѣли принять вѣру»)! Ср. Гильдебрандъ, стр. 160, гдѣ отмѣчается то, что впро-
352 чемъ давно уже было извѣстно, — что Гіернъ въ своей «Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte» излагаетъ *древнѣйшій періодъ, «придерживаясь близко Генриха, котораго впрочемъ передаетъ лишь въ извлеченіяхъ».*

Стр. (131). «Видно изъ всего положенія дѣлъ, что восточное христіанство было принято жителями Имеры [въ русскомъ переводѣ было пропущено здѣсь слово «поэтому»] чисто внѣшнимъ образомъ». Г. Сапуновъ спрашиваетъ, изъ чего видно это? Напомню, во первыхъ, приведенныя мною курсивомъ слова Генриха: «discipline christiane incia»; изъ нихъ видно, что летты — но не летты изъ Имеры, какъ ошибочно думаетъ г. Сапуновъ, которые уже за шесть лѣтъ передъ тѣмъ приняли католичество, а въ данномъ случаѣ именно летты изъ Толовы — получили лишь *первыя начатки* христіанскихъ вѣрованій, имъ слѣдовательно до тѣхъ поръ неизвѣстные: это вытекаетъ изъ точнаго смысла цитаты. Во-вторыхъ, какъ я показалъ также, миссіонерскія попытки, предпринятыя русскими въ Толовѣ «уже во времена латинянь», какъ говоритъ Генрихъ, имѣли характеръ соперничества съ послѣдними подъ вліяніемъ опасеній за цѣлость Толовской дани — въ то время, когда нѣмецкіе священники начали распространять христіанство въ Толовѣ. Г. Сапуновъ продолжаетъ: «И какъ принято было жителями Имеры западное христіанство? Русскіе всегда [?] старались дѣйствовать на обращаемыхъ *verbis*, нѣмцы — *verberibus*» (въ скобкахъ г. Сапуновъ указываетъ на II, 5 хроники Генриха, гдѣ эта игра словъ, встречающаяся у древне-классическихъ писателей, находится въ обращеніи ливовъ къ епископу Бертольду, но совсѣмъ въ другой связи и безъ всякаго отношенія къ русскимъ). Опять у г. Сапунова смѣшеніе леттовъ въ Имерѣ съ леттами въ Толовѣ. Притомъ самый примѣръ въ подтвержденіе устанавливаемаго имъ контраста въ пріемахъ обращенія нѣмцевъ и русскихъ — выбранъ неудачно; слѣдовало бы для его цѣлей выбрать какъ примѣръ обращеніе ливовъ или эстовъ, а никакъ не обращеніе леттовъ въ Имерѣ и Толовѣ, потому что тѣ и другіе, ища защиты отъ многочисленныхъ враговъ, добровольно, слѣдовательно безъ помощи *verbera*, присоединились къ западной церкви, подчинившись вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцамъ. Наконецъ, необходимо напомнить, что въ XIII столѣтіи *нѣмцы отличались отъ современныхъ имъ русскихъ большимъ рвеніемъ къ дѣлу обращенія, а не самыми пріемами его!* Подобно тому какъ они мирнымъ образомъ обратили въ христіанство леттовъ, они и на другія народности пробовали *сперва* дѣйствовать только проповѣдью и *только поздне*, какъ истинные сыны своего вѣка, прибѣгали къ мечу, такъ какъ одно проповѣдничество не давало еще среди язычниковъ прочныхъ результатовъ. Епископъ Мейнгардъ, напр., въ началѣ своей миссіонерской дѣятельности ограничивался лишь проповѣдью среди ливовъ, и преемникъ его епископъ Бертольдъ, вступивъ въ свой санъ, намѣревался продолжать дѣло обращенія мирнымъ путемъ (Генрихъ II, 2); но очень скоро оба нашлись вынужденными просить папу о буллѣ, призывавшей къ крестовому походу; наконецъ тѣ же

мірскія средства были пущены въ ходъ епископомъ Альбертомъ, о которомъ я сказалъ уже, что онъ съ самаго начала пришелъ «къ мысли создать прежде всего религіозно-государственный строй, который защищалъ бы миссію и препятствовалъ бы отпаденію обращенныхъ». Что же касается *миссіонерской дѣятельности восточной церкви среди туземцевъ* въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ, то исторически удостовѣрены только двѣ подобныхъ попытки: среди леттовъ въ Толовѣ въ 1208 г. или немного раньше и среди эстовъ въ Угауніи. Правда, первая попытка носила, кажется, мирный характеръ, и не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, потому что не была продолжена. Напротивъ, *воинственный* характеръ имѣла, какъ извѣстно, вторая, предпринятая русскими въ 1210 г. въ Угауніи 356 (см. Генрихъ XIV, 2 и мою работу, стр. 169; указанные тамъ русскія лѣтописи не упоминаютъ объ обращеніи туземцевъ вовсе; въ этомъ можно видѣть доказательство того, что русскіе мало придавали ему значенія). Великій князь Мстиславъ Мстиславовичъ новгородскій и князь Владиміръ псковской сперва ссаждаютъ укрѣпленіе Оденпе въ теченіе восьми дней, вымогаютъ дань — четыреста марокъ ногать, крестятъ нѣсколько человекъ (quosdam) и, уходя, обѣщаютъ прислать эстамъ священниковъ, которые должны были докончить ихъ обращеніе. Этого обѣщанія они однакожь не сдерживаютъ, какъ это отмѣчаетъ Генрихъ. Шестъ лѣтъ спустя русскіе вспомнили про обращенныхъ ими въ Оденпе; причиной было то, что жители Угауніи приняли въ это время крещеніе отъ латинянъ, отвергнувъ восточное христіанство, чѣмъ и навлекли на себя гнѣвъ русскихъ; послѣдніе грозили имъ войною и требовали дани, которой однако не получили. Осенью того же года (1216) князь Владиміръ псковской вторгся съ большимъ войскомъ въ Угаунію, взялъ опять Оденпе и предалъ раззоренію всѣ деревни 357 и всѣ мѣстности кругомъ, причемъ много мужчинъ было убито, а женщины и дѣти уведены въ неволю (см. Генрихъ, XX, 3 и мою работу, стр. 180—183). Такимъ образомъ г. Сапуновъ не могъ не знать, что и русскіе вынуждали обращеніе въ ихъ вѣру при помощи *verbera* и пускали въ ходъ *verbera* противъ отпавшихъ; но г. Сапуновъ объ этомъ *умалчиваетъ* и ставитъ въ упрекъ насильственный образъ дѣйствій *однимъ только латинянамъ!* Несправедлива въ данномъ случаѣ односторонность упрека; но въ то же время было бы исторической ошибкой вмѣнять въ большую вину нѣмцамъ и русскимъ XIII вѣка такой насильственный способъ дѣйствій въ дѣлахъ вѣры: *въ то время подобныя средства считались позволительными*, чего не можетъ не знать г. Сапуновъ!

Стр. (136). Рецензентъ оспариваетъ, что князь Владиміръ псковской, «будучи епископскимъ фогтомъ въ Идумеѣ и Летляндіи», имѣлъ враждебное столкновеніе съ мѣстнымъ духовенствомъ *по поводу его притѣсненій*.

Духовенство [т. е. священникъ Алебрандъ] требовало (разсуждаетъ г. Сапуновъ): «*ne neophytos nostros conturbando magis a fide Christi faceret deviare*»; «притѣсненія же — *только предлогъ*». Г. Сапуновъ заключаетъ такъ на основаніи *устарѣлаго* Ганзеновскаго изданія хроники Генриха, которымъ онъ пользовался. Изданіе W. Arndt'a, сдѣланное на основаніи позднѣе открытаго Codex Zamoiscianus, даетъ нѣсколько иной текстъ отрывка: въ XVIII, 2, а именно: «*Ipse autem Woldemarus in Idumea et in Letthia collegit res et pecunias, iudicia iudicans civilia. Et occurrens ei Alebrandus sacerdos Idumeorum dixit ei: Oportet te, inquit, rex, qui iudex hominum esse meruisti, iudicia insta iudicare et vera, non opprimendo pauperes, nec res eorum auferendo, nec neophytos nostros conturbando magis a fide Christi faceres deviare*». . . . X

Стр. (144). «Слѣдовательно, тогда верховный владѣтель края бралъ на себя заботу о правильномъ ежегодномъ вносѣ дани [ливами двинскаго края] и такимъ образомъ прямо ручался въ ней». Г. Сапуновъ спрашиваетъ: «Кто же долженъ считаться верховнымъ владѣтелемъ края: тотъ ли, кто платитъ дань, или же тотъ, кто ее получаетъ»? Но вѣдь не епископъ, а *его подданные* должны были уплачивать съ давняго времени наложенную на нихъ дань русскимъ; они являлись вслѣдствіе этого, въ нѣкоторомъ смыслѣ, также подданными полоцкаго князя; поэтому я и обратилъ уже во «Введеніи» къ моей работѣ (стр. 6) особенное вниманіе читателя на тотъ фактъ, что «въ теченіе нѣкотораго времени какъ Толова, такъ и земли ливовъ по Двинѣ находились въ *общемъ* владѣніи нѣмцевъ и русскихъ».

Стр. (144—145). «Нельзя указать ни русскихъ поселеній, ни укрѣпленій, которыя имѣли бы цѣлью обезпечить прочность дани, платимой Толовою». На это замѣчаетъ г. Сапуновъ: «Это еще вопросъ, какого происхожденія [древнерусское] «Кесь» = Венденъ, по латышски Zehsis — «латышкаго или славянскаго». Но, во первыхъ, Венденъ *не находился въ Толовъ*; во вторыхъ, что касается возможности «славянскаго» происхожденія названія Кѣсь (Кесь), *то въ частности изъ русскаго языка оно никакъ не можетъ быть выведено*; возможно предположеніе лишь по отношенію къ славянамъ (вендамъ) теперешней сѣверо-восточной Германіи (см. литературу вопроса на стр. 193 прим. — моей работы). — Г. Сапуновъ продолжаетъ: «О русскихъ поселеніяхъ въ Лифляндіи см. Трусмана — Введеніе христіанства въ Лифляндію, стр. 117 (ср. Bunge, Urk. 101, a; 518, Reg. 1238 в, III 1182)». Мѣсто изъ книги Трусмана приведено г. Сапуновымъ на стр. 130; разсмотрю его теперь же. Я долженъ при этомъ предупредить, что *ни одна изъ данныхъ мѣстностей не находилась въ Толовъ*. «Wendeculla» (Генрихъ, XV, 3), т. е. деревня, лежащая близъ извѣстнаго намъ Венденбурга (Wenden, Zehsis, Кесь) — см. Bielenstein, Grenzen и пр.

стр. 337. —, «Wendecole» въ области Wiek и «Wendeverge» въ прежней 361 датской Эстляндіи (цитата «И. В. п. 518» невѣрна; должно быть 832 а и 887а) — Трусманъ *ошибочно признаетъ за «русскія деревни»*, вѣроятно, натолкнутый на это замѣчаніемъ въ «Географическомъ словарѣ» въ Urkundenbuch Bunge, Bd. III, S. 786: «Wendi v. Slavi» (но «Slavi» стр. 785 *совсѣмъ не русскіе!*). Трусманъ отмѣчаетъ еще два названія мѣстностей: упоминаемая въ 1368 г. «Russen-Grave» близъ Леаля (Reg. 1238, в) и названная подъ 1382 г. «Russen dogr», которая принадлежала рыцарю Іоанну фонъ Тизенгаузенъ; но *выводъ*, который онъ дѣлаетъ, а именно, что это были русскія поселенія изъ до-нѣмецкаго періода, — *совершенно произволенъ*; легко можетъ быть, напр., что эти мѣстности получили свое имя отъ русскихъ плѣнниковъ, которыхъ тамъ поселили!

Стр. (145). «Между тѣмъ псковичи изъ одного соперничества съ запад- 362 ными принельцами и изъ страха передъ ними, безъ особой надобности, рѣшились взяться за миссіонерскую дѣятельность среди своихъ данниковъ — леттовъ». Словами «безъ особой надобности» (русскаго перевода) были невѣрно переданы слова нѣмецкаго подлинника: «ohne sonderlichen Nachdruck», т. е. «безъ особеннаго старанія»; будучи притомъ поставлены въ связь съ словомъ «рѣшились», они вызвали справедливое недоумѣніе г. Сапунова. Послѣ этого онъ лаконически замѣчаетъ, что приведенную тираду едва ли можно считать «серьезной». Дѣйствительно для неудачной точки зрѣнія, которой держится г. Сапуновъ, было бы небезопасно признать, «серьезной» ту мысль, что, «проповѣдая крещеніе, русскіе», какъ я говорю непосредственно дальніе, «здѣсь такъ же, какъ въ 1210 г. въ Угаунія, имѣли въ виду *однѣ политическія цѣли!*» Непосредственнымъ продолженіемъ этого служить слѣдующее:

363 Стр. (145—146)... «на это находимъ совершенно ясное указаніе у Генриха (XXVIII, 4), извѣстное сужденіе котораго, хотя вообще и не безпристрастное, согласуется въ данномъ случаѣ съ фактами», — на что г. Сапуновъ совершенно неосновательно замѣчаетъ: «и не безпристрастное и въ то же время согласуется съ фактами — странно что то». Нѣтъ ровно ничего страннаго: стоило обратить вниманіе на ограниченіе: «*въ данномъ случаѣ!*» — Сколько бы ни находилъ г. Сапуновъ высказанные взгляды странными и несерьезными, *наука* признаетъ ихъ основательными; уже Пабстъ, стр. 92, прим. 12, высказалъ ту же мысль: «*Mit der Heidenbekehrung befassten sich die Bussen eigentlich nicht, sondern erst, nachdem die Deutschen Eifersucht erweckten.*»

Стр. (148). «Фактъ заключенія осенью 1224 г. *прочнаго* мира не можетъ быть подвергаемъ сомнѣнію; онъ подтверждается, можетъ быть, [въ 364 русскомъ переводѣ стояло вмѣсто этого: «повидимому»], также свидѣтель-

ствомъ папы Гонорія III въ буллѣ отъ 17 января 1227 г.» Возраженія г. Сапунова опираются отчасти на Боннеля, котораго я самъ цитирую на стр. 148 прим. 1, и настолько слабо обоснованы, что я на нихъ не нахожу нужнымъ останавливаться. Притомъ мой взглядъ на миръ 1224 г., расходящійся со взглядомъ г. Сапунова, я уже изложилъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 48).

Стр. (149). «Хронистъ прибавляетъ, что легатъ долженъ былъ выслушивать [другія] подобныя просьбы отъ пословъ». Г. Сапуновъ находитъ здѣсь, ссылаясь на Гильдебранда, стр. 20, что иначе и быть не могло, такъ какъ Генрихъ писалъ свою хронику по «предложенію епископа» и легатъ взялъ ее съ собою въ Римъ; замѣчу по поводу этого, что такой фактъ не доказанъ. Безъ вниманія оставляетъ г. Сапуновъ замѣчаніе Боннеля, которое я привожу, — что въ то время русскіе изъ страха передъ монголами вели даже переговоры о признаніи церковнаго главенства папы. 365

Стр. (160). «Самое число убитыхъ значительно и заставляетъ думать о *вымогательствахъ и насиліяхъ* [со стороны псковскихъ сборщиковъ дани]». Г. Сапуновъ протестуетъ: «Авторъ вездѣ [?] склоненъ видѣть хитрость и насилія русскихъ; въ кровавыхъ же дѣлахъ нѣмцевъ онъ видитъ [? можетъ быть, слѣдовало бы сказать только: склоненъ видѣть] значительную долю законности; между тѣмъ здѣсь гораздо естественнѣе предположить о насиліяхъ именно со стороны нѣмцевъ». Основаній для этого г. Сапуновъ однако не приводитъ, какъ онъ и вообще не входитъ въ серьезное разсмотрѣніе того, что я привожу въ подтвержденіе своего взгляда.

Стр. (164). Мое слово: «Кончаю па этомъ, не вдаваясь въ область гаданій, неустойчивость которыхъ обнаружилась бы, можетъ быть, очень скоро» — г. Сапуновъ воспроизводитъ неполно — безъ послѣдняго ограничительнаго предложенія — и замѣчаетъ: «Какъ мы видѣли, у автора 366 гаданій не мало». Но извѣстно, что научное изслѣдованіе невозможно безъ гипотезъ; только слѣдуетъ различать обоснованныя гипотезы отъ необоснованныхъ догадокъ. А насколько такой именно характеръ имѣли бы въ данномъ случаѣ предположенія въ желательномъ г. Сапунову смыслѣ (см. стр. 98 и сл. Рецензіи), можно видѣть въ отзывѣ д-ра *A. Hedenström* о моей работѣ, помѣщеннаго въ «*Rigasche Rundschau*», 1897, № 183. Тамъ сказано: «*Wann die Zinspflichtigkeit [Tolowas] aufgehört hat, lässt sich nach Keussler nicht feststellen. Doch scheint uns, dass im Anfang des vierzehnten Jahrhunderts dies Recht [der Pleskauer] als erloschen angesehen worden ist. Dafür spricht eine Stelle in der Pleskauer Chronik [ср. Рецензію г. Сапунова, стр. 96 и слѣд.] für das Jahr 6831 = 1323: «Докончаша мпръ по Псковской воли по всей» («geschlossen den Frieden ganz nach dem*

Wilien Pleskaus»). In den Bestimmungen dieses am 2. Oktober 1323 geschlossenen Friedens (vgl. Livl. U. B. II S. 150 f.) wird aber eines Tolowaer Tributes an Pleskau *nicht* Erwähnung gethan. Falls also wirklich, wie die Chronik behauptet, die Friedensbestimmungen den Pleskauer Forderungen entsprochen haben, so ist damals der Tribut in Tolowa nicht mehr als Recht betrachtet worden, beziehungsweise schon damals in Vergessenheit geraten gewesen».

Стр. (177). По поводу моихъ словъ, что въ 1212 г. въ Варболѣ, «надо полагать», въ первый разъ была взята дань русскими, г. Сапуновъ ставитъ вопросъ, на чемъ я основываю свое предположеніе. Если бы онъ обратилъ вниманіе на примѣчаніе 2, то онъ узналъ бы, что, напр., п Пабстъ «считаетъ едва ли вѣроятнымъ, чтобы это укрѣпленіе уже раньше платило дань русскимъ». Достаточно припомнить хотя бы отдаленность Варболы!

Стр. (180). «Теперь только [1216] поднимаются русскіе съ цѣлью помѣшать разрастанію нѣмецкаго владычества». Г. Сапуновъ указываетъ на сказанное мной раньше (стр. 178): «Враждебное столкновеніе сильнаго войска Мстислава новгородскаго (1212 г.) съ нѣмцами не произошло, по видимому, благодаря только случаю». Но я говорю въ томъ же мѣстѣ, что въ продолженіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ отношенія между русскими и нѣмцами оставались пока, «по крайней мѣрѣ по виду, *мирными*»; рѣшительный, воинственный образъ дѣйствій русскихъ противъ нѣмцевъ начинается лишь къ концу 1216 года.

Стр. (181). Изъ словъ: «Епископъ и орденъ «завѣряли» ихъ [Угаунцевъ], что они свободны отъ русскихъ», г. Сапуновъ дѣлаетъ выводъ, что «значитъ жители [Угауніи] были въ зависимости [отъ русскихъ] — иначе зачѣмъ нужно было завѣрять ихъ, что они свободны»? Такой выводъ несостоятеленъ, потому что послѣдняя посылка устанавливаетъ завѣдомо невѣрную связь между фактами! На стр. 165 и слѣд. я показалъ, что эсты къ началу XIII столѣтія свободны были отъ всякой дани Новгороду. Въ 1210 г. князья Новгорода и Пскова наложили на нихъ дань и начали крестить ихъ; на это крещеніе русскіе и ссылались потомъ, въ 1216 г., грозя имъ войною; между тѣмъ Угаунцы за ~~то~~ время были покорены нѣмцами. Это и говорится въ томъ предложени, которое *непосредственно* слѣдуетъ за фразой, которую безъ связи съ послѣдующимъ вырвалъ г. Сапуновъ; и именно у меня слѣдуетъ: «какъ всегда были они [т. е. Угаунцы] свободны до крещенія [начатаго въ 1210 г. новгородцами и псковичами], такъ и теперь». Сверхъ того въ примѣчаніи я привожу и самый текстъ Генриха: «... *liberos esse a Ruthenis, sicut semper ante baptismum fuerunt, sic et nunc esse, confirmabant*».

Стр. (193). «Епископу Альберту удалось подвинуть на крестовый походъ въ восточный языческій край... герцога Альберта Саксонскаго [и]... короля Датскаго Вольдемара II». Г. Сапуновъ удивленъ, что все еще имѣлся языческій край на востокѣ. Онъ перечисляетъ уже обращенныя въ христіанство области и племена теперешняго прибалтійскаго края, причемъ относительно леттовъ въ Имерѣ приводитъ опять ошибочно 1214 г. 370 (вмѣсто 1208), и также упускаетъ изъ виду, что Сакала и Угаушія опять освободились. Странное возраженіе! Какъ будто кромѣ другихъ эстонскихъ мѣстностей не было еще *языческой* страны, напр. земли семигалловъ и куроновъ? Между тѣмъ именно *противъ семигалловъ* выступила часть новаго крестоноснаго ополченія въ 1219 г. подъ предводительствомъ герцога Саксонскаго (Генрихъ, XXIII, 3 и слѣд.), тогда какъ другая, подъ начальствомъ короля Вольдемара II, направилась *противъ эстовъ* (въ мѣстности Ревеле и т. д.).

Стр. (195). «Вѣра въ успѣхъ и объясняетъ то, что они (нѣмцы) дважды отклонили мирныя предложенія русскихъ». Г. Сапуновъ указываетъ на стр. 184 [русскаго рукописнаго перевода = стр. 88 нѣмецкаго изданія], гдѣ я упоминаю, что «верховные владѣтели страны [т. е. епископъ и орденъ], хотя и были готовы къ войнѣ съ русскими, хотѣли однако по возможности избѣжать ея», — и замѣчаетъ по поводу этого: «А когда возможность эта представилась, они и забыли о миролюбіи, которое навязываетъ имъ нашъ авторъ». На стр. 184 рѣчь идетъ о событіи, относящемся къ зимѣ 1217—1218 г., т. е. случившемся до начала большой борьбы съ русскими. Затѣмъ на стр. 189 — я показываю, что *русскіе не смотря на всѣ старанія нѣмцевъ* «не пошли на миръ», о которомъ сговорились въ февралѣ или мартѣ 1217 г. при Оденпе, но который, какъ кажется, еще не былъ скрѣпленъ, «а вознамѣрились вмѣстѣ съ эстами продолжать борьбу до самаго уничтоженія нѣмецкой колоніи»; осенью 1218 г. и зимою 1218—1219 русскіе сами обращались съ предложешемъ мира, но оба раза нѣмцы отвергли его, потому что «не доверяли имъ за связь ихъ съ эстами»: это я отмѣтилъ весьма опредѣленно на стр. 193. Я могъ бы сослаться еще на миръ при Оденпе, который долженъ былъ внушить нѣмцамъ недовѣріе по отношенію къ русскимъ.

Стр. (211). «Лифляндскій хронистъ рѣзко порицаетъ жителей Дерпта и князя Вячко». Г. Сапуновъ разсуждаетъ по поводу этого такъ: «Что 372 жь тутъ удивительнаго? Вѣдь хронистъ нигдѣ не обмолвился добрымъ словомъ о русскихъ». Г. Сапуновъ заблуждается, если думаетъ, что я отношусь съ полной вѣрой ко всѣмъ рѣшительно нарекашямъ Генриха въ этомъ случаѣ и въ другихъ подобныхъ. *Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, я ихъ отмѣчаю и только, не считая возможнымъ обходить ихъ*

молчаніемъ, но въ то же время *не могу не сожалѣть о томъ*, что не представляется возможности *проверить его здѣсь по другимъ источникамъ!*

Стр. (215). «На общемъ совѣтѣ христіанъ было принято рѣшеніе въ противоположность кроткому образу дѣйствій въ раньше бывшихъ случаяхъ взятія укрѣпленій, который не внушалъ достаточно страха, на этотъ разъ поступить съ осажденными самымъ суровымъ образомъ». Г. Сапуновъ протестуетъ вдвойнѣ. *Во первыхъ*, онъ удивленъ тѣмъ, что я «вездѣ» 373 (?) противопоставляю христіанъ русскимъ, и онъ даже спрашиваетъ: «Неужели авторъ серьезно не считаетъ послѣднихъ [русскихъ] христіанами?» — и въ скобкахъ указываетъ на стр. 201, 202 и 210 русскаго рукописнаго перевода, т. е. 95—96 нѣмецкаго изданія, особенно на цитату изъ сочиненія Р. Гаусмана, и стр. 99, гдѣ переданы слова Генриха изъ XXVII, 5. Но г. Сапуновъ *упускаетъ изъ виду, въ чемъ заключался контрастъ*, который имѣлъ значеніе въ предшествующихъ случаяхъ и особенно въ борьбѣ подъ Дерптомъ: это былъ именно контрастъ христіанства и язычества. Русскіе были призваны *язычниками-эстами*, которые не хотѣли больше слышать о христіанствѣ и послы которыхъ заявили между прочимъ въ Ригѣ, что «они хотятъ возстановить миръ, но отнюдь не хотятъ принять христіанство, пока хоть одинъ мальчуганъ въ возрастѣ одного года или въ локоть ростомъ остается въ странѣ». Притомъ эсты численно превосходили русскихъ, тогда какъ въ лагерѣ нѣмцевъ были исключительно христіане. — *Во вторыхъ*, по поводу словъ: «болѣе кроткій образъ дѣйствій» 374 въ прежде бывшихъ случаяхъ взятія укрѣпленій» — г. Сапуновъ напоминаетъ, съ одной стороны, рассказъ о взятіи Герцике въ позднѣйшей Орденской хроникѣ, которая однако для занимающаго насъ времени есть источникъ совершенно ненадежный, какъ было не разъ сказано, — съ другой стороны, взятіе Феллина 15 августа 1223 г., при которомъ все русскіе были повѣшены. Но это былъ какъ разъ случай исключительный, который объясняется крайнимъ раздраженіемъ со стороны нѣмцевъ по поводу того, что русскіе помогали отпавшимъ отъ вѣры эстамъ (*qui venerunt in auxilium apostatis* — Генрихъ XXVII, 2); напротивъ эстамъ была дана пощада, только взято обѣщаніе, что они никогда больше не будутъ оскорблять отпадениемъ святость вѣры и дадутъ удовлетвореніе за свой проступокъ (*promiserunt se nunquam deinceps fidei sacramento apostando violare et de commissis satisfactionem rependere*).

Стр. (217). «Истребленъ былъ [при завоеваніи Дерпта] собственно 375 гарнизонъ; если и упоминаются эстонскія женщины, то, навѣрно, онѣ принимали участіе въ сопротивленіи. Что женщинъ и дѣтей обыкновенно щадили, это ясно изъ рассказываемаго въ концѣ этого отрывка». Г. Сапуновъ сомнѣвается въ этомъ послѣднемъ. Я долженъ теперь прибавить, что

онъ, можетъ быть, и правъ; во всякомъ случаѣ мой выводъ лишь гада- тельнъ; въ соответствующемъ мѣстѣ хроники именно сказано: «Interfectis autem viris omnibus», а немного дальше: «Post hoc tulerunt. . . et mulieres adhuc superfluas et paruos». Далѣе разсуждаетъ г. Сапуновъ, что, если бы мое толкованіе мѣста и было вѣрно, все же остается разсказъ о жесто- костяхъ при взятіи Герцике; но мы уже видѣли, что этому сообщенію Орденской хроники *нельзя* придавать значенія! Наконецъ г. Сапуновъ категорически заявляетъ, что мое предположеніе, будто эти женщины «на- вѣрно, принимали участіе въ сопротивленіи», показываетъ только мою «склонность обпьять звѣрскіе поступки нѣмцевъ». Но обращаю прежде 376 всего вниманіе хотя бы на то, что я говорю *предположительно* и вовсе не спорю *противъ того*, что въ пылу битвы могли быть убиты и такія жен- щины, которыя не принимали въ ней участія. Въ то же время г. Сапу- новъ, очевидно, не знаетъ, что нѣмцы дѣйствительно имѣли обыкновеніе щадить женщинъ и дѣтей при завоеваніи мѣстностей. Въ противополож- ность позднѣйшей Орденской хроникѣ, которой особенно довѣряетъ г. Са- пуновъ, Генрихъ, единственный удовлетворяющій исторической критикѣ источникъ, который мы имѣемъ, даетъ намъ именно такіе примѣры, напр. въ разсказѣ о взятіи Герцике въ 1209 г. XIII, 4), Оденпе (XIV, 6) и др.

Стр. 222—224). Г. Сапуновъ повторяетъ по поводу «русскаго свидѣ- тельства» отъ 1228 г., именно отрывка изъ первой новгородской лѣтописи, уже извѣстныя намъ соображенія, которыя были разсмотрѣны мною въ дру- 377 гомъ мѣстѣ (на стр. 302 этого Отвѣта).

Стр. (222—224). Г. Сапуновъ воспроизводитъ мое заключительное замѣчаніе, кончая словами: «Русскимъ были чужды такого рода культур- ныя стремленія» и опускаетъ остальное. Онъ не соглашается съ моими су- жденіями *о томъ значеніи, которое нѣмецкое господство имѣло для жизни и культурнаго развитія туземцевъ прибалтійскаго края*; не отвергая моихъ взглядовъ безусловно, онъ однако замѣчаетъ: «Едва ли нѣмцамъ слѣдуетъ особенно кичиться [!] этой [цивилизаторской] дѣятельностью: если они и достигли кое какихъ результатовъ въ этомъ отношеніи, то нельзя не обра- тить вниманія на то, *какою цѣною* достигнуто все это». Всякій не пред- убѣжденный читатель согласится, что въ моемъ заключительномъ замѣчаніи нѣтъ вовсе рѣчи о правѣ нѣмцевъ «кичиться» ихъ цивилизаторскими успѣ- хами. Было, конечно, вполне умѣстно съ моей стороны указать вкратцѣ на 378 то, что только нѣмцами было водворено повсемѣстно въ краѣ христіанство и ими же заведенъ впервые государственный порядокъ, имѣвшій благодѣ- тельныя послѣдствія для края, — было умѣстно, повторяю, сказать все это, послѣ того, какъ я занимался изслѣдованіемъ тѣхъ условій, которыя помогли нѣмцамъ въ ихъ многолѣтней борьбѣ съ русскими за прибалтійскій край и

привели къ побѣдѣ ихъ надъ русскими, а также и тѣхъ обстоятельствъ, которыя дѣлають понятными неудачи послѣднихъ. При такомъ ходѣ мысли слѣдовало ли дѣйствительно непремѣнно остановиться дольше на той долѣ зла, которую долженъ былъ принести съ собою процессъ обращенія въ христіанство «главнымъ образомъ мѣрами насилія», какъ я самъ на то указываю, и суровость нѣмцевъ къ туземнымъ жителямъ? Г. Сапуновъ излагаетъ это съ большою подробностью, черпая цитаты изъ Руссова, Соловьева, Иловайскаго, Риттиха, Карамзина и стихотворной хроники. Не
 379 вхожу въ разсмотрѣніе того, насколько г. Сапуновъ близокъ къ истинѣ въ томъ или другомъ случаѣ. — Вызываетъ возраженія рецензента и та моя мысль, что *«русскимъ были чужды такого рода культурныя стремленія [т. е. тѣ, которыя имѣлись у нѣмцевъ]»*. Онъ приводитъ цитаты изъ сочиненія Ярошевича, «*Obraz Litvy*» и изъ статьи слависта П. Прейса; но обѣ онѣ имѣють отношеніе не къ туземцамъ прибалтійскаго края, а къ литовцамъ; потому я и не имѣю надобности на нихъ останавливаться. Прямо къ туземцамъ прибалтійскаго края относятся однако цитата изъ книги Трусмана, «*Введеніе христіанства въ Лифляндію*» (стр. 171—177) и цитата изъ моей статьи въ «*St.-Petersburger Zeitung*» 1896 и «*Sitzungsberichten*» и пр., 1891 г., на которую ссылается теперь и г. Сапуновъ и на которую я сослался въ самомъ началѣ этого «*Отвѣта*» (на эту статью указалъ г. Сапунову, уже послѣ того какъ его рецензія была написана, академикъ Куникъ); замѣчу также, что указанный въ концѣ рецензіи докладъ I. Крюгера и статья А. Кочубинскаго уже были приняты мною въ соображеніе въ моей небольшой работѣ, о которой я уже упоминалъ раньше, напечатанной въ послѣднемъ выпускѣ «*Magazin der Lettisch-Litterarischen Gesellschaft*», при чемъ *относительно Кочубинскаго* я выражаю тамъ (стр. 17) мнѣніе, что «къ его даннымъ и выводамъ слѣдуетъ относиться *съ большою осторожностью*». *То же нужно сказать съ не меньшимъ основаніемъ и по поводу мнѣній Трусмана*; относительно же доклада I. Крюгера я упомянулъ уже въ примѣчаніи къ стр. 321 этого «*Отвѣта*», что «онъ вызвалъ очень сильныя возраженія». Что касается, наконецъ, Трусмана — я уже показалъ на стр. 361, что его мнѣніе, повторяемое г. Сапуновымъ, — будто русскіе до появленія нѣмцевъ жили уже въ Лифляндіи «цѣлыми деревнями», — несостоятельно. Нисколько не колеблетъ моихъ подробно обоснованныхъ выводовъ здѣсь и въ предыдущей работѣ — цитата, кото-
 381 рую Трусманъ приводитъ изъ статьи W. von Gutzeit'a, «*Die griechisch-katholischen Kirchen Rigas*» («*Mittheilungen aus der livl. Geschichte*», Bd. XI, S. 377 f.); развѣ только сравнительнолингвистическія его соображенія заслуживали бы, пожалуй, вниманія. Не будучи специалистомъ въ этой области, могу отнестись къ нимъ критически на основаніи моего

знанія языковъ нѣмецкаго, латышскаго и латинскаго и, по моему мнѣнію, многія изъ приводимыхъ Трусманомъ латышскихъ словъ, которыя яко бы заимствованы изъ русскаго, могутъ быть объяснены, пожалуй, и *иначе*, нѣкоторыя же прямо *не могли быть взяты изъ русскаго языка*. Во всякомъ случаѣ приводимыя Трусманомъ лингвистическія сближенія нуждаются въ новой тщательной провѣркѣ съ точки зрѣнія науки о языкѣ. Но пусть даже заимствованія были: такъ латышскія названія для понятій «церкви» и «грѣха» и др. — русскаго происхожденія; такъ между прочимъ счетъ дней недѣли въ латышскомъ и эстонскомъ языкахъ ведется такъ, какъ 382 въ восточной, а не такъ какъ въ западной церкви, что видно изъ самыхъ названій²⁰²); *но что же все это доказываетъ? Только то*, что русскіе — христіане, впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій живя въ сосѣдствѣ съ туземцами прибалтійскаго края, имѣли на нихъ еще до прихода пѣмецкихъ миссіонеровъ *нѣкоторое культурное вліяніе*. Русскіе стояли выше ихъ и какъ *христіане* и притомъ *единственные христіане*, съ которыми балтій- 383 скіе туземцы приходили тогда въ соприкосновеніе, и также въ культурномъ отношеніи — своимъ *политическимъ и экономическимъ* устройствомъ; а въ подобныхъ случаяхъ всегда народности, стоящія на болѣе низкой ступени развитія, дѣлаютъ заимствованія у опередившихъ ихъ сосѣдей. Мало этого: русскіе были не только близкими сосѣдями латышей и эстовъ, и частію ихъ господами, по въ области латышей по Двинѣ, какъ теперь можно утверждать съ увѣренностью (см. мою работу, стр. 13, прим. 2), существовало втеченіи *не одного столѣтія* по крайней мѣрѣ одно удѣльное русское княжество — Герцике, а можетъ быть также и другое — Куконось; относительно Герцике Генрихъ Летляндскій свидѣтельствуетъ положительно (XIII, 4), что тамъ были «церкви»; то же самое мы имѣемъ основаніе принять и относительно Куконоса. Это обстоятельство должно было прежде всего вліять на религіозныя понятія латышей, что и сказалось напр. въ 384 заимствованіи ими у русскихъ счисленія дней недѣли, которое имѣетъ вообще важное экономическое значеніе. Но нѣтъ возможности доказать, что русскіе имѣли здѣсь *сознательныя «культурныя стремленія»* или, въ данномъ случаѣ, серьезно проводимую *миссіонерскую дѣятельность* среди туземцевъ прибалтійскаго края, — этого нельзя доказать *ни* на основаніи

202) Въ «St.-Petersburger Zeitung» 1896, № 212, гдѣ я впервые заговорилъ объ этомъ, я замѣтилъ, что высказанное мною мнѣніе «нигдѣ еще въ литературѣ не встрѣчалось». Г. Сапуновъ на это замѣчаетъ, что оно было высказано раньше, подразумевая, очевидно, «Докладъ» Прейса, котораго я дѣйствительно не зналъ до того, и которымъ воспользовался въ первый разъ въ статьѣ: «Die kulturelle Beeinflussung der Letten» и т. д. Но Прейсъ толкуетъ о прусскихъ литовцахъ и сближаетъ *литовскія* названія дней недѣли съ русскими на *лингвистической* основѣ; я же напротивъ даю *историко-хронологическое* доказательство и притомъ относительно *латышскихъ и эстонскихъ* названій дней недѣли.

историческихъ источниковъ, — если, повторяю, не считать «разрозненные и, такъ сказать, случайныя попытки крестить туземцевъ, вызванныя чисто внѣшними побужденіями, — въ Толовъ и Угауніи», которыя такъ и остались попытками, — ни при помощи лингвистическихъ сближеній, о которыхъ шла рѣчь: эти послѣднія, конечно, *недостаточны для такой цѣли!*

Еще утверждаетъ г. Сапуновъ, стр. 132, что приложенная къ моей работѣ карта, о которой я говорю въ предисловіи, что «она можетъ помочь 385 ориентироваться среди названныхъ въ текстѣ мѣстностей, по крайней мѣрѣ тѣмъ читателямъ, которые менѣе знакомы съ даннымъ матеріаломъ», — мною «составлена на основаніи картъ Меркеля и Биленштейна съ нѣкоторыми поправками». Это однако же не вѣрно. Зависимость моей карты отъ карты II въ Атласѣ *Биленштейна* я отмѣтилъ уже тѣмъ, что употребилъ тѣ же оттѣнки цвѣтовъ, что у него; затѣмъ я дѣйствительно сдѣлалъ въ ней «поправки», основанія которыхъ я и привелъ въ «Приложеніи» («Нѣкоторыя спорныя вопросы географіи старинной Лифляндіи», стр. 225—252). Что Меркель также составилъ карту балтійскихъ провинцій, — это мнѣ и теперь неизвѣстно. Но я пользовался не одной картой Биленштейна, но болѣе ея — картой *K. von Löwis of Menar* («Livland im Mittelalter», Reval, 1895). Одну ошибку, которую я перенесъ отсюда на свою карту, могу я теперь исправить; а именно; какъ видно изъ сочиненія А. von 386 Gernet, «Verfassungsgeschichte des Bisthums Dorpat» S. 21 (Reval, 1896), мѣстность *Nurmegunde* лежала къ востоку, а Моча — къ западу отъ *Pahle*, а не наоборотъ, какъ то обозначено на картѣ при нѣмецкомъ изданіи моей работы.

Въ интересахъ дѣла я приложилъ все мое стараніе, чтобы изъ обширной рецензіи г. Сапунова извлечь хоть что нибудь такое, что могло бы подвинуть впередъ въ томъ или другомъ отношеніи наши знанія въ области тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящена моя работа. Но я долженъ сознаться, что рецензія не дала мнѣ ничего такого; пожалуй, я обязанъ ей тѣмъ, что она заставила меня обратить вниманіе на неточности въ русскомъ переводѣ, исправленіе которыхъ и должно теперь послужить на пользу печатному изданію русскаго текста. Можетъ быть, и еще одну полезную для меня сторону имѣли замѣчанія г. Сапунова: опровергая ихъ, я долженъ былъ заново пересмотрѣть нѣкоторыя существенныя подробности и формулировать ихъ съ еще болѣею опредѣленностью.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Лицо, переводившее мое сочиненіе, обратило мое вниманіе на то, *что въ примѣчаніи 2 русскаго рукописнаго перевода имѣлась слѣдующая прибавка, опущенная мною въ печатномъ нѣмецкомъ текстѣ, а именно: «Въ виду того, что латышское происхожденіе хрониста не доказано и даже весьма мало вѣроятно, неправильно называть его Генрихомъ-латышемъ. Есть указанія лишь на то, что онъ былъ священникомъ въ землѣ латышей-леттовъ».*

Эта прибавка предназначалась именно для русскихъ читателей, съ тѣмъ чтобы объяснить употребленное мною названіе «летгяндскій» (вмѣсто «латышъ») въ примѣненіи къ хронисту Генриху; въ нѣмецкомъ текстѣ я ея не помѣстилъ и потомъ, возражая на IV отдѣлъ рецензіи г. Сапунова, упустилъ ее изъ виду. Возстановляя ее теперь, я долженъ прибавить, что на основаніи ея всетаки никоимъ образомъ нельзя утверждать, будто я въ своемъ сочиненіи *«категорически»* высказался за нѣмецкое происхожденіе хрониста!

Слѣдуетъ еще сдѣлать *поправку въ приложенной къ моему сочиненію картѣ*. На послѣдней строкѣ подъ картою напечатано: «Латыши (и Семигалы, и Куроны)», между тѣмъ должно быть: «Латыши (и Семигалы, и Зелоны)».

Ф.Р. фонъ КЕЙССЛЕРЪ, Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи.

Картогр. зав. ● А. И. Иванъ С. Л. Е.

Доты.	Ливы влѣтъ съ Латышамъ (и Куроны).	Литовцы.
Ливы.	Латыши (и Семигалы и Куроны).	Русскіе.